

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 3–2011 (ноябрь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной
ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

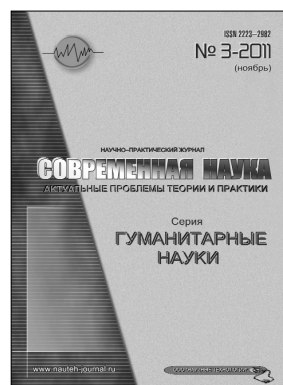
- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, Всероссийская государственная
налоговая академия Минфина РФ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, Московский институт
экономических преобразований
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и
антропологии РАН
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития
инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный
университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, Российская Академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им.
М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и
антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский
педагогический государственный университет
А.Е. Чирикова – д.соц.н., Институт социологии РАН
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, Институт США и Канады
РАН
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, Институт всеобщей
истории РАН

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел./факс: 8(495) 755–1913
E–mail: redaktor@nauteh-journal.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В
ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
ИСТОРИЯ
ПЕДАГОГИКА
ПОЛИТОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Корректор
Е.В. Михайлова
Верстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Почта России» – 80015

В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: Актуальные проблемы
теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 20.11.2011г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифровая

Заказ № 4275
Тираж 2000 экз.

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В
ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**А.Ю. Минаков**

Изучение русского консерватизма в современной России: основные итоги и перспективы
A. Minakov – The studies of Russian conservatism in modern Russia: the main results and perspectives3

А.Ю. Минаков

Становление и развитие русского консерватизма в первой четверти XIX в.
A. Minakov – The genesis and evolution of Russian conservatism in the first quarter of the XIX-th century7

А.О. Мещерякова

Русские консерваторы о европейских революциях (1848–49 г.)
A. Meshcheryakova – Russian conservatives' views of the revolutionary events in the Europe of 1848–184912

С.В. Хатунцев

Творческое наследие К.Н. Леонтьева в современной научной литературе
S. Khatuntsev – Creative heritage of K.N. Leontyev in the contemporary scientific literature16

А.В. Репников

Русские консерваторы–геополитики о будущем России
A. Repnikov – Russian State Archive of Sociopolitical History (end of XIX – early XX century)20

И.В. Омелянчук

Попытки консолидации монархического движения (1906–17 г.)
I. Omeliyanchuk – Attempted consolidation monarchist movement in 1906–1917 years25

М.Ю. Чернавский

Традиционалистский и модернистский консерватизм XIX–XX веков
M. Chernavsky – Traditional conservatism and conservatism of modernity of XIX–XX centuries31

ИСТОРИЯ

В.В. Долгов

Генетические исследования и история Древней Руси
V. Dolgov – Genetic research and history of ancient Russia37

М.В. Ковалева

О чём молчит "Хроника города Фаэнцы"
M. Kovaleva – What "The Chronicle of the city of Faenza"41

ПЕДАГОГИКА

В.А. Адольф, О.К. Адольф

Профессиональное сообщество: отвечая на вызовы времени
V. Adolf, O. Adolf – Professional community: responding47

Х.Д. Дамаданова

Социальная активность учащейся молодежи как средство формирования добрых человеческих отношений
X. Damadanova – Social activities for students as a means of forming good human relations51

Е.П. Максачук

Стиль жизни и поведение учащихся в ДЮСШ в рамках социологического исследования "Спортивный стиль жизни юных спортсменов" Московской области Раменского района
E. Maksachuk – Lifestyle and behavior of students in the Youth Academy53

Ф.Х. Мациева

Гуманизация образовательной среды в педагогическом колледже средствами формирования добрых человеческих отношений
F. Matzieva – Humanization of the educational environment at Teachers College means of forming good human relations56

А.Б. Федянин

Реализация межпредметного взаимодействия в процессе организации научно-исследовательской и проектной деятельности учащихся
A. Fedyanin – The implementation of interdisciplinary collaboration in the organization of research and project work of students59

ПОЛИТОЛОГИЯ

Н.А. Анучина

Причины и последствия укрупнения регионов в России
N. Anuchina – Causes and consequences of enlargement of the regions in Russia64

ПСИХОЛОГИЯ

О.А. Браун

Факторы, влияющие на планирование жизненного пути личности
O. Brown – Factors influencing the course of life planning67

Н.С. Татарникова

Психолого-педагогическая помощь и поддержка студентов педагогического вуза в личностном и профессиональном развитии
N. Tatarnikova – Psycho-pedagogical assistance and support of students of pedagogical universities72

Татарникова Н.С., И.Ю. Елькина

Активные методы обучения как средство развития коммуникативной культуры учащихся в условиях гуманизации образовательного пространства
N. Tatarnikova, I. Elkina – Active methods of training as means of development of communicative culture of pupils in the conditions of a humanisation of educational environment79

ИНФОРМАЦИЯ

Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале82

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

THE STUDIES OF RUSSIAN CONSERVATISM IN MODERN RUSSIA: THE MAIN RESULTS AND PERSPECTIVES

A. Minakov

The article analysed the main achievements of contemporary historiography of Russian conservatism and determines perspectives of the further research of this trend of Russian thought

Keywords: Russia, social-political thought, Russian conservatism, conservatism, historiography.

Минаков Аркадий Юрьевич

доктор исторических наук,
директор Зональной научной библиотеки,
Воронежский
государственный университет

Аннотация:

В статье анализируются основные достижения новейшей историографии русского консерватизма и определяются перспективы дальнейшего изучения этого направления русской мысли.

Ключевые слова:

Россия, общественно-политическая мысль, русский консерватизм, историография

За последнее десятилетие интерес к русскому консерватизму резко возрос. Помимо сугубо академических причин, этот интерес обусловлен объективной общественной потребностью в том, чтобы преодолеть российское "красное смещение" в политическом спектре, возникшее в XIX в. и абсолютно доминировавшее в XX столетии. Поиск компромисса между ценностями модернизации и ценностями традиционной культуры, который позволил бы им не уничтожать и не обеднять, а гармонично развивать, дополнять друг друга, стало одной из острых задач нашего времени. В сознании значительной части современной научной и политической элиты консерватизм в наши дни представляется идеологической формой подобного компромисса. Базовые элементы идеологии консерватизма (обращение к традиции, прежде всего религиозной и культурной, требование стабильности и порядка, апологию державности, патриотизма и нравственности), можно обнаружить в программах всех основных политических партий Российской Федерации.

Настоящая статья не претендует на полноту изложения материала, для этого пришлось бы написать небольшую монографию. Мы попытались лишь указать на основные вехи изучения русского консерватизма в последнее десятилетие [1].

Следует признать, что работа историков русского консерватизма, как и 1990-е гг., сосредоточена, прежде всего, на изучении эмпирической базы русского консерватизма. В потоке статей и монографий до сих пор явно преобладают труды, посвященные ключевым фигурам

русского консерватизма. Наиболее значительными из работ подобного рода стали исследования М.Г. Альтшуллера о А.С. Шишкове [2], А.О. Мещеряковой о Ф.В. Ростопчине [3], Ю.Е. Кондакова об архимандрите Фотии (Спасском)[4], В.С. Парсамова об А.С. Стурдзе [5], А.А. Ширинанца о М.П. Погодине [6], А.Ю. Полунова о К.П. Победоносцеве [7], С.В. Хатунцева о К.Н. Леонтьеве [8], А.В. Репникова и О.А. Милевского о Л.А. Тихомирове [9], А.А. Иванова о В.М. Пуришкевиче [10]. Пока отсутствуют работы подобного же уровня и объема, в которых всестороннее рассматривались все аспекты деятельности таких видных идеологов и практиков консерватизма, как Н.М. Карамзин, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский. Однако можно с большой долей вероятности предположить, что уже в ближайшем будущем эти лакуны будут заполнены.

Обращение к биографическому жанру, с нашей точки зрения, является закономерным этапом научной практики: российским историкам необходимо, прежде всего, накопить значительный фактический материал, прежде чем приступать к теоретическим обобщениям и методологическим поискам. Несколько лет назад мы констатировали, что "наступил момент, когда во множестве созданные "исторические портреты" явно нуждаются в выходе на более высокий, "панорамный" уровень обобщений"[1, с. 142]. Можно констатировать, что ряд серьезных обобщающих работ и изданий, посвященных собственно русским консерваторам и консерватизму на разных его этапах, в которых бы учитывались наработки последних двадцати лет, к настоящему времени уже по-

явился.

В частности, в издательстве Воронежского государственного университета недавно вышла монография А.Ю. Минакова, посвященная истории раннего русского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX в., в которой рассмотрены исторические условия и причины формирования этого направления общественной мысли, изучена деятельность как отдельных персонажей (Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина, С.Н. Глинки, великой княгини Екатерины Павловны, А.А. Аракчеева, А.С. Стурдзы, М.Л. Магницкого, архимандрита Фотия (Спасского) и др.), так и центров консервативной консолидации ("Беседы любителей русского слова" А.С. Шишкова – Г.Р. Державина, тверского салона великой княгини Екатерины Павловны, "Русского вестника" С.Н. Глинки и др.). Автор особо подчеркивает особую роль событий 1812 г. в складывании русского консерватизма и приходит к выводу, что консерваторы могут претендовать на право называться "детьми 1812 года" с гораздо большим основанием, чем декабристы.

В работе А.Ю. Минакова подробно анализируются взгляды ранних консерваторов на роль и значение самодержавия в историческом и политическом процессах, на русский язык и православие как основные элементы национальной культурно–политической традиции, крестьянский вопрос и проблемы социально–экономического развития, систему воспитания и образования, цензуру, конфессиональную политику и др. Таким образом, начальный период становления и развития русского консерватизма получил освещение на монографическом уровне [11].

Аналогичных изданий, посвященных деятельности и взглядам русских консерваторов более позднего периода пока не появилось. В современной историографии этой темы также явно не хватает обобщающих исследований, посвященных официальным идеологам николаевского царствования, славянофилам и почвенникам. Однако, с нашей точки зрения, настоящий прорыв осуществлен за последние несколько лет в изучении русского консерватизма второй половины XIX – начала XX в.

В частности, в монографии И.А. Христофорова ""Аристократическая" оппозиция Великим реформам", выполненной на основе широкого круга архивных источников, рассматриваются состав, деятельность, идеологическая ориентация и программа одной из наиболее влиятельных политических группировок пореформенной России. Анализ места этой группировки в общественном движении, взаимоотношений "аристократов" с правительственными деятелями, образа мыслей, свойственного представителям высшего общества, позволили автору по–новому взглянуть на такие вызывающие острые дискуссии среди российских историков и политологов проблемы, как сущность русского консерватизма, динамику реформаторских и контрреформаторских тенденций во внутренней

политике России и др. Исследование взглядов "аристократов–консерваторов" приводит автора к выводу о том, что они серьезно отличались от большинства традиционалистов и отнюдь не отвергали а priori западные ценности и европейский путь развития. И.А. Христофоров считает, что русский консерватизм был совокупностью различных, иногда противоположных друг другу идеологических проектов, и задачей исследователей должно стать не изобретение некоего вневременного инвариантного "русского консерватизма", а тщательный анализ реальных консервативных доктрин и практик во всем их многообразии. Это позволяет существенно углубить существующие представления о природе и особенностях русского консерватизма [12].

В монографии А.В. Репникова затрагивается широкий круг вопросов, связанных с историей общественной мысли и внутренней политики России конца XIX – начала XX века. Центральными фигурами русского консерватизма в исследовании выступают К.Н. Леонтьев и Л.А. Тихомиров. Общее количество охваченных автором персоналий составляет десятки политических деятелей, мыслителей, публицистов, из которых многие мало известны даже специалистам (например: А.Е. Вандам, С.Н. Сыромятников, В.И. Строганов, И.И. Дусинский, Н.А. Захаров и др.). Монография свидетельствует о том, что русская консервативная мысль разрабатывала различные варианты так называемой "консервативной модернизации", которая призвана была синтезировать назревшие новации с традиционными ценностями. Одной из сильных сторон монографии является анализ взглядов консерваторов на природу монархического идеала, их понимание отличия самодержавия от абсолютизма и деспотии, а также принципов неравенства и социальной иерархии. А.В. Репников подробно рассмотрел геополитические позиции консерваторов, их воззрения на конфессиональную и национальную политику, социально–экономическую доктрину. Несомненное достоинство этой работы заключается в анализе сильных и оригинальных сторон русского консерватизма: концепции сословно–корпоративного государства, предполагающего наличие развитого местного самоуправления; взвешенных и подчас прагматичных геополитических идей; оригинальных подходов к решению рабочего вопроса; стремления к воссозданию влиятельной церкви во главе с патриархом; критике негативных сторон демократии и парламентаризма и др. [13].

В монографии И.В. Омелянчука рассматривается черносотенное движение в Российской империи в 1901–1914 гг. и его особенности на различных этапах. Объектом исследования являются такие организации, как "Всероссийский национальный союз", "Русское собрание", "Союз русского народа", "Монархическая партия", "Русский народный союз Михаила Архангела" и другие, ранее весьма редко попадавшие в поле зрения историков. В монографии проанализирован социальный состав черносотенных партий, подробно проанализированы все

основные аспекты идеологии правых консерваторов: отношение к самодержавию, религии и церкви, межнациональным отношениям и еврейскому вопросу, экономическим и внешнеполитическим проблемам [14]. Книга И.В. Омелянчука является развитием и дополнением классической работы Ю.И. Кирьянова [15].

Этапным событием стал выход энциклопедии, целиком посвященной истории дореволюционного русского консерватизма. В редакционную коллегию энциклопедии вошли лауреат Государственной премии РФ В.В. Шелохаев, А.В. Репников, А.А. Иванов, А.Ю. Минаков. В энциклопедии большое внимание уделено теоретико-методологическим, идейно-политическим, социокультурным и институциональным основаниям консерватизма в России, проанализирован понятийный аппарат, представлены различные политические, общественные и культурно-просветительские объединения консерваторов. Особое внимание уделено ведущим органам печати консервативного направления. Обширную группу составляют биографические статьи об идеологах и наиболее видных деятелях консервативного движения. Статьи сопровождаются ссылками на архивы и краткими библиографическими справками. Издание содержит также библиографию работ по этой теме. Авторы статей – известные историки из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Казани, Рязани, Екатеринбурга, Калининграда, Саратова, Чебоксар, Самары, Орла, Чернигова и других городов. Всего в энциклопедии более 260 статей [16]. Это издание представляет собой масштабный исследовательский проект, который содержит мощный потенциал для дальнейшей разработки темы. На основе почти каждой из энциклопедических статей в перспективе можно создать статьи и монографии, посвященные отдельным персоналиям, организациям, периодическим изданиям и т. д.

В 2010 г. в издательстве РОССПЭН вышло 119 томов "Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX в." (руководители проекта А.Б. Усманов, В.В. Шелохаев и др.). Проект призван отразить все богатство русской общественной мысли, в том числе и консервативной. В составе серии вышли основные произведения Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, П.А. Вяземского, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева и др. Исследования русского консерватизма, равно как и его научная популяризация, таким образом, получили мощную источниковую базу.

Работы исследователей русского консерватизма получили и международное признание. Так, в реферативном журнале "Russian Studies in History", издаваемом известным нью-йоркским издательством "M.E. Sharpe", вышел номер (2009. Vol. 48. No. 2), полностью посвященный изучению русского консерватизма в современной российской историографии. Он содержит подборку статей А.Ю. Минакова, А.В. Репникова, И.А. Христофорова и И.В. Омелянчука, ранее опубликованных ранее в российских научных журналах и сборниках. Публикуемые

статьи дают представление о проблематике и уровне разработке различных аспектов темы, которые привлекают внимание современных исследователей. Приглашенным редактором этого номера журнала и автором предисловия является ведущий научный сотрудник Института экономики РАН В.Л. Степанов.

Важную роль в создании "клуба исследователей русского консерватизма" сыграл ряд научных конференций. В 2001 г. по инициативе философского факультета МГУ и Союза писателей России (объединяющего в своих рядах литераторов "почвеннической" ориентации) прошла научно-практическая конференция "Русский консерватизм: история и перспективы", приуроченная к 235-летию со дня рождения Н.М. Карамзина. На ней была провозглашена необходимость тщательного изучения наследия русских консерваторов, широкой публикации их работ, поисков историко-философских и общественно-политических связей. Затем инициатива проведения подобных мероприятий перешла к Центру изучения консерватизма, созданного в Воронежском государственном университете по инициативе А.Ю. Минакова. В 2002 г. в Воронежском государственном университете прошли международные научные конференции "Процессы модернизации в России и Европе: социокультурные, политические и духовные аспекты" (одна из секций конференции была целиком посвящена консервативной проблематике).

В 2003 г. был создан веб-сайт "Консерватизм в России и мире" (www.conservatism.narod.ru), который быстро превратился в одну из самых значительных электронных библиотек, посвященных русскому и зарубежному консерватизму, ссылки на его публикации имеются во многих специальных изданиях. В 2004 г. состоялась конференция "Актуальные вопросы истории общественного движения и общественной мысли в России в предреформенные и пореформенные эпохи", проблемы истории консерватизма рассматривались на секции "Эволюция русского консерватизма: конец XVIII – первые десятилетия XX вв.". В сентябре 2011 г. прошла международная научная конференция с участием ведущих российских и германских исследователей "Консерватизм в России и Германии: интернациональный диалог", спонсором которой выступил фонд К. Аденауэра. Таким образом, Центр изучения консерватизма в Воронеже способствует консолидации не только отечественных, но и зарубежных историков.

Подобные центры существуют и в других городах, в частности на философском факультете Санкт-Петербургского университета (руководитель проф. Ю.Н. Солонин), а также политологическом и социологических факультетах МГУ (руководителями являются, соответственно, проф. А.А. Ширинянец и проф. А.Г. Дугин). Однако их отличие от воронежского центра состоит в том, что они не столько исследуют историю русского консерватизма, сколько разрабатывают современную версию этого на-

правления.

Если говорить о новых темах и проектах ближайших лет, то к ним можно отнести изучение причин формирования русского консерватизма, его типологии, связей с русским традиционализмом и западноевропейским консерватизмом, консервативных религиозно-богословских концепций, историософских и экономических воззрений, интерпретации консерваторами национального вопроса, их юридических и педагогических взглядов, их влияния на литературу и искусство, критики либерализма с консервативных позиций и др. Представляется, что назрела необходимость создания коллективной монографии, в ко-

торой были бы рассмотрены все основные аспекты истории русского консерватизма конца XVIII – начала XX в. Принципиально важно сформировать исследовательское направление, комплексно изучающее русскую консервативную мысль после 1917 г. в СССР и эмиграции, а также в постперестроечную эпоху.

Несомненно, что одной из приоритетных задач ближайшего десятилетия для российских историков консерватизма является расширение знакомства с зарубежными исследованиями по этой теме, перевод на русский язык основных работ западных историков, внедрение их разработок в учебные курсы и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данная статья по своей тематике является во многом продолжением статьи: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.
2. Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. Издание 2-е, дополненное. М., 2007.
3. Мещерякова А.О. Ф.В. Росточин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.
4. Кондаков Ю.Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.
5. Парсамов В.С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004.
6. Ширинянец А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.
7. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
8. Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: интеллектуальная биография. 1850–1874. СПб., 2007.
9. Репников А.В. Милевский А.В. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.
10. Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1820). М.; СПб., 2011.
11. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в.: монография. Воронеж, 2011.
12. Христофоров И.А. "Аристократическая" оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002.
13. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
14. Омельяничук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006.
15. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
16. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.

© А.Ю. Минаков, (minak.arkady2010@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

THE GENESIS AND EVOLUTION OF RUSSIAN CONSERVATISM IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX-th CENTURY

A. Minakov

The article describes the specific features of Russian conservatism in the first quarter of the XIX-th century. Russian conservatism was a reaction to the liberal reforms initiated by autocracy at the beginning of XIX century. The author analyses the main aspects of the activity of early Russian conservatives: their centres, ideological trends, peculiarity of their views, their influence on the internal politic of autocracy.

Keywords: Russia, social-political thought, conservatism, westernization, Gallomania, nationalism

Минаков Аркадий Юрьевич

доктор исторических наук,
директор Зональной научной библиотеки,
Воронежский
государственный университет

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности русского консерватизма в период его возникновения и становления в первой четверти XIX века. Он был реакцией на реформы и либеральные замыслы Александра I. Автор анализирует основные аспекты деятельности ранних консерваторов: их центры, идеологические течения, особенности их взглядов, влияние на внутреннюю и внешнюю политику самодержавия.

Ключевые слова:

Россия, общественно-политическая мысль, консерватизм, вестернизация, галломания, национализм

Наибольшую роль в первое десятилетие XIX века и в 1812–1815 гг. в складывающемся консервативном течении ("русской партии") играли такие фигуры, как А.С. Шишков (1754–1841), Ф.В. Ростопчин (1763–1826), Н.М. Карамзин (1766–1826), С.Н. Глинка (1776–1847), великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819). Теоретическая и практическая деятельность этих ранних русских консерваторов была вызвана к жизни теми угрозами, которые несли традиционному самодержавному, православному и патриархальному укладу России идеи Просвещения, либерализм, революционный радикализм, западничество (в форме галломании) и, в особенности, наполеоновская агрессия.

В 1803 г. вице-адмирал А.С. Шишков в трактате "Рассуждения о старом и новом слоге российского языка" сформулировал основные постулаты нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам; необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), изучение русского языка во всех его ипостасях; патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии; борьба с галломанией и космополитизмом. Таковы были основные составляющие консерватизма в трактовке, данной Шишковым [1, с. 18–19]. Его взгляды были реакцией на "галломанию" русского образованного общества. "Галломания" – ориентация на французский язык и французские культурно-поведенческие модели – явилась провокативным фактором для становления русского консерватизма. При этом главную роль играло то

обстоятельство, что французскую культуру второй половины XVIII в. Шишков и его единомышленники не без известных оснований считали "ответственной" за Французскую революцию и крайности якобинского террора.

В 1811 г. Шишков написал работу "Рассуждение о любви к Отечеству". В ней он резко критиковал галломанию и космополитизм русского общества. В тот момент подобные взгляды оказались максимально востребованы самодержавной властью и дворянским обществом (подобного рода взгляды были популярны также в среде духовенства и купечества, средних городских слоев, т. е. главных носителей традиционалистских умонастроений).

Публичное чтение "Рассуждения о любви к Отечеству" в официальном обществе "Беседа любителей русского слова" резко изменило судьбу Шишкова. В апреле 1812 г. он был назначен на исключительно важный пост государственного секретаря вместо М.М. Сперанского, которого накануне постигла опала. На этом посту Шишков должен был находиться при Александре I в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и других бумаг императорской канцелярии. По своему статусу он стал вторым человеком в империи, хотя его функции были существенно урезаны в сравнении с теми, которые выполнял Сперанский. Фактически Шишков сыграл роль своего рода главного ратора Отечественной войны 1812 г. Манифесты, составленные им, являлись откликами на все ее важнейшие события и зачитывались по церквям населению империи. Французы и Наполеон избражались в них как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революция как вселен-

ская катастрофа. Противостояли этим явлениям те консервативные ценности, которые отстаивал Шишков: самодержавная монархия, православие, русский патриотизм. "Высокий стиль" манифестов Шишкова оказался столь удачной находкой для самодержавной власти, что в какой-то мере влиял на стилистику манифестов вплоть до 1917 г.

Не меньшую роль в означенный период сыграл выдвигенец Павла I – Ф. В. Ростопчин. Будучи поначалу деятелем едва ли не с "галломанской" репутацией и инициатором союза Павла I с Наполеоном, он позднее выступил в качестве одного из главных пропагандистов и практиков русского консервативного национализма. В 1806–1807 гг. пребывающий, подобно Шишкову, в опале (он был верным слугой Павла I и открыто порицал Александра I за косвенное участие в убийстве отца), Ростопчин стал вторым по значению лидером русских консерваторов. В 1807 г. вышел его знаменитый памфлет "Мысли вслух на Красном крыльце", имевший шумный успех в обществе. Это был своего рода манифест складывающегося русского национализма. Основная мысль этого произведения носила антифранцузскую направленность: "Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, принятая за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно – только не будь на Руси" [2, с. 148].

Причиной подобных суждений Ростопчина было, как и у Шишкова, неприятие опыта Франции, бьющейся к тому моменту уже почти два десятилетия в судорогах революции, террора и захватнических войн, начиная с 1789 г. Обличая "галломанию" русского общества, Ростопчин, вслед за Шишковым, указывал на необходимость искать примеры для подражания в собственном русском национальном опыте: "чего у нас нет? Все есть или может быть. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый. А какие великие люди в ней (России – А. М.) были и есть! Воины: Шуйский, Голицын, Миньшиков, Румянцев, Орлов и Суворов; спасители отечества: Пожарский и Минин; Москвы: Еропкин; главы духовенства: Филарет, Гермоген, Прокопович и Платон; великая женщина делами и умом – Дашкова; министры: Панин, Шаховской, Марков; писатели: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Карамзин, Нелединский, Дмитриев и Богданович. Все они знали и знают французский язык, но никто из них не старался знать его лучше русского" [2, с. 150]. "Мысли вслух на Красном крыльце" были изданы несслыханным для того времени тиражом в семь тысяч экземпляров. Благодаря своей литературной деятельности, Ростопчин выдвинулся в первые ряды так называемой "русской партии".

Главным центром этой "партии" был тверской салон любимой сестры Александра I, великой княгини Екатерины Павловны. Она отличалась умом, образованием, честолюбием и широкими связями, оказывала немалое влия-

ние на своего венценосного брата. В предвоенные годы "тверская полубогиня" (выражение Н.М. Карамзина), противостояла либеральным устремлениям своего царственного брата и М.М. Сперанского. Кроме того, она была яркой ненавистницей Наполеона. При дворе Екатерины Павловны в Твери образовался политический салон, участниками которого были французский философ и писатель Ж. де Местр, Ф.В. Ростопчин, Н.М. Карамзин, генерал П.И. Багратион, известный археолог и публикатор древних рукописей граф А.И. Мусин-Пушкин, поэт И.И. Дмитриев и др. Это были люди с явно выраженными консервативными убеждениями.

Центральное место в своем салоне занимала сама хозяйка. В своей деятельности она руководствовалась некоторыми основными положениями, вообще свойственными для русской консервативной мысли. Великая княгиня была женщина, искренно ненавидевшая все, что ассоциировалось с революцией. Она была убеждена в великой исторической миссии русского самодержавия, считая конституцию совершенным вздором, а абсолютную монархию – идеалом государственного устройства не только для России, но для западноевропейских государств. Достаточно, считала она, государю показать свою личную энергию, чтобы завладеть неограниченной властью: "хорошие законы, которые исполняют, вот лучшая конституция" [3, с. 74]. Россия, с ее точки зрения, должна быть гегемоном в Европе. Для Екатерины Павловны, как для и большинства русских консерваторов того времени, характерно было неприятие галломании. В целом подобные взгляды были несвойственны подавляющему большинству членов династии Романовых, в первую очередь императору, в то время исповедовавшему либерально-космополитические взгляды.

В письме к Н.М. Карамзину от 13 ноября 1812 г. Екатерина Павловна с гордостью заявляла: "Россия была вторая в Европе держава, теперь и навеки она первая, и скоро к стопам ее прибегнут цари, моля о мире и покровительстве. Веселитесь мыслью сею, она не мечта, но истина" [3, с. 59]. В другом письме от 21 ноября 1812 г. она писала Карамзину: "Россия восторжествует над всем миром, ибо ей будет принадлежать честь произнесения последнего приговора над врагом. <...> Вы пишете историю прошлых времен; если вы ее продолжите до наших дней, то вот вам случай для чудного повествования: Россия, в борьбе со всеми соединенными силами Европы, как будто склоняется перед их бурным потоком, но скоро вновь воздвигает державное чело свое и является во всем блеске и величии. Можно гордиться, что мы русские; по крайней мере, этим чувством наполнена моя душа" [3, с. 60–61]. Эти мессианско-националистические высказывания великой княгини вполне согласовывались с ее декларациями о том, что "правительство должно видеть гарантию успеха в единении его со всеми сословиями народа и участии последних при изгнании неприятеля" [4, с. 52].

Именно благодаря поддержке Екатерины Павловны

русские консерваторы смогли перед войной выдвинуться на ведущие посты в правительстве и оказать давление на монарха с целью заставить его отказаться от либеральных преобразований. Так, именно по инициативе великой княгини Н.М. Карамзин подал в марте 1811 г. царю знаменитую записку "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях" – наиболее глубокий и содержательный документ зарождавшейся русской консервативной мысли. Историк С.К. Богоявленский справедливо утверждал: "Она охотно бы подписала свое имя под этой работой ("Запиской" Карамзина), под этой горячей проповедью самодержавия и осуждения либеральных реформ" [5, с. 193]. Наряду с обзором русской истории и критикой политики Александра I в "Записке" содержалась цельная, оригинальная и весьма сложная по своему теоретическому содержанию концепция самодержавия как особого и самобытного типа власти, тесно связанной с православной церковью.

С точки зрения Карамзина, самодержавие представляет собой "умную политическую систему", прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России. Эта система была "великим творением князей московских" [6, с. 22], причем, в основных своих элементах она обладала качеством объективности, то есть слабо зависела от личных свойств, ума и воли отдельных правителей, поскольку представляла собой не продукт личной власти, а довольно сложную конструкцию, опирающуюся на определенные традиции, государственные и общественные институты. Вся система государственных и общественных институтов была, по Карамзину, "излиянием монаршей власти", монархический стержень пронизывал всю политическую систему сверху до низу. При этом самодержавная власть была предпочтительнее господства аристократии, которая могла стать опасной для государственных устоев, как, например, в удельный период или в эпоху Смуты начала XVII в. Самодержавие "встраивало" аристократию в систему государственной иерархии, жестко подчиняло ее интересам монархической государственности.

По словам Карамзина, исключительную роль в этой системе играла православная церковь. Она являлась "совестью" самодержавного строя, задающей нравственные координаты для монарха и народа, особенно в те времена, когда происходили их "случайные отклонения от добродетели". Карамзин подчеркивал, что власть духовная действовала в тесном союзе с властью гражданской и давала ей религиозное оправдание. Самодержавная система политической власти, согласно Карамзину, держалась также на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках, на том, что он обозначал как "древние навыки" и, шире, "дух народный", "привязанность к нашему особенному" [6, с. 32].

Карамзин категорически отказывался отождествлять "истинное самодержавие" с деспотизмом, тиранией и произволом. Он считал, что подобные отклонения от

"норм самодержавия" (в царствования Ивана Грозного и Павла I) были случайны и быстро устранялись инерцией традиции "мудрого" и "добродетельного" монархического правления. Эта традиция была столь мощной и эффективной, что даже в случаях резкого ослабления или полного отсутствия верховной государственной и церковной власти (например, во время Смуты начала XVII в.) в течение короткого исторического срока приводила к возрождению самодержавия.

Как резюмировал Карамзин, самодержавие является "палладиумом России", главным гарантом ее могущества и процветания. С его точки зрения, основные принципы монархического правления должны сохраняться и впредь, лишь дополняясь должной политикой в области просвещения и законодательства, которые вели бы не к подрыву самодержавия, а к его укреплению. При таком понимании самодержавия всякая попытка его ограничения была бы преступлением перед русским народом. Поэтому в "Записке" в крайне негативных тонах оценивалась деятельность М.М. Сперанского. Историки сходятся в том, что "Записка" Карамзина способствовала падению знаменитого реформатора.

Еще одним выдвиженцем Екатерины Павловны стал Ф.В. Ростопчин. После публикации "Мыслей вслух на Красном крыльце" он стал желанным гостем в ее салоне. Великая княгиня поставила себе задачу сблизить Ростопчина с императором. В ноябре 1809 г. Александр I посетил сестру в Твери и имел продолжительную беседу с графом. Результаты этого разговора сказались быстро. В феврале 1810 г. Ростопчин был назначен обер-камергером и членом Государственного Совета. 29 мая 1812 г. он был произведен в генералы от инфантерии и вслед за тем состоялось его назначение московским генерал-губернатором. Очевидно, что таким образом Александр I хотел заручиться поддержкой "русской партии" в критический для страны момент. "Русская партия" в данном случае была явно предпочтительнее "галломанской". На Ростопчина, наряду со всем прочим, возлагалась задача пробудить в Москве перед войной патриотические настроения: "действовать на умы народа, возбуждать в нем негодование и готовить его ко всем жертвам для спасения отечества" [7, с. 669].

Для выполнения этой миссии Ростопчин выпускал прокламации—"афиши", информирующие население о происходящих в стране событиях. Такие публикации в то время были беспрецедентным явлением и оказывали сильное влияние на народ. В них он сознательно преувеличивал известия о победах русских войск и старался сгладить сообщения о поражениях, стремясь не допускать возникновения беспорядков и грабежей, распространения панических и пораженческих настроений. В простонародье, в среде мещан и купечества, они читались с восторгом: "слова его были по сердцу народу русскому" [8, с.13]. Что касается дворянского общества, то его отношение к афишам было неоднозначным. М.А.

Дмитриев, называя их "мастерской, неподражаемой вещью", писал, что Ростопчина "винили в публице: и афиши казались хвастовством, и язык их казался неприличным" [8, с. 13].

С Ростопчиным был тесно связан еще один идеолог "русской партии" – С. Н. Глинка. После заключения Тильзитского мира 1807 г. мало кому известный драматург и переводчик выступил в роли публициста и издателя. Его "Русский вестник" стал журналом, который наиболее ярко и полно выразил основные идеи национально-консервативного направления того времени. В нем рассматривался самый широкий круг проблем: от религиозно-философского осмысления мира до проблем воспитания детей в "русском духе". Глинка стремился пробудить у читателей интерес к отечественной культуре, много писал о ее ценности и самобытности. В журнале популяризировались деяния выдающихся людей России, ее героев и гениев. Одна из основных идей Глинки заключалась в том, что русская культура еще до Петра I обладала высоким уровнем, поэтому она не нуждается в каких-либо заимствованиях и должна развиваться собственным путем. С ростом антифранцузских настроений Глинка начал пропагандировать идею о превосходстве всего русского перед иностранным. Он подверг критике русское дворянство за "галломанию", которая, как он считал, являлась переходной формой к либерализму и революционному радикализму. Главным средством от "галломании", порождавшей испорченность нравов, Глинка называл добродетели, которые были свойственны предкам в идеализируемую им допетровскую эпоху. Дополнительными средствами от "галломании" должны были стать "русское воспитание", стержнем которого являлось изучение мифологизированной в героическом стиле русской истории, обращение к "старине" и русскому прошлому, отказ от французских мод и предметов роскоши, разоряющих русское дворянство и приводящих к упадку общественной нравственности. Во многом аргументы Глинки повторяли и развивали взгляды А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина. В его "Русском вестнике" сотрудничали Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, Е.Р. Дашкова, брат издателя – поэт и публицист Ф.Н. Глинка и др. Спустя десятилетия "Русский вестник" был возрожден крупнейшим консервативным идеологом своего времени М.Н. Катковым.

Отечественная война 1812 г. стала временем наибольшей популярности Глинки, именно в это время масштаб его деятельности, общественной и публицистической, был особенно велик. Он был пожалован высочайшим рескриптом в кавалеры ордена Св. Владимира четвертой степени за "любовь к Отечеству", "доказанные сочинениями и деяниями". Кроме того, ему были вручены 300 тыс. руб. на издательскую деятельность, сумма по тем временам гигантская. Глинка не только не потратил ни рубля казенной субсидии, но, напротив, заложил драгоценности своей жены для того, чтобы снарядить в ополчение около двадцати человек. По окончании войны деньги были возвращены Глинкой в казну. В событиях 1812 г. в Москве

он играл роль "рупора" Ростопчина, народного трибуна, агитатора и пропагандиста. В своих позднейших воспоминаниях Глинка писал о том, что каждый день встречался с Ростопчиным и выполнял его тайные поручения, подвывая свою жизнь опасности [9, л. 1 об.–2].

Анализ вклада главных идеологов и практиков русского консерватизма в события 1812 г. и сопутствующих ему лет показывает, что именно эти годы стали переломными в становлении этого идейно-политического направления. В кадровой политике верховной власти по сути дела произошел "тектонический" переворот: вопреки своим либеральным установкам, Александр I вынужден был сблизиться с нелюбимой ему "русской партией": вторым по статусу человеком в империи стал А.С. Шишков, а лидером "второй столицы", с неограниченными полномочиями – Ф.В. Ростопчин. Между тем, первые одиннадцать лет царствования Александра I консерваторы пребывали в опале, не имея каких-либо шансов занять сколько-нибудь заметное место в "верхах". Напомним, что в 1812 г. их стремительное возвышение сопровождалось компрометацией и полной утратой политического влияния знаковой для русского либерализма того периода фигуры М.М. Сперанского. Все эти обстоятельства ярко иллюстрируют тот факт, что русский консерватизм, изначально имевший галлофобскую окраску, оказался максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причем потребность в нем была столь велика, что из "маргинального" течения он превращается в ведущее, вытеснив те идеологические модели, которые были характерны для просвещенного абсолютизма, а чуть позже – для политического мистицизма в духе "евангельского" государства и Священного Союза. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошел за считанные годы, во многом объясняются исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. Вызвав к жизни обостренное осознание русской этничности, галлофобия дала мощь и силу русскому консерватизму на начальном этапе его становления. Таким образом, консерваторы периода Александровского царствования – "дети 1812 года" в не меньшей, а скорее, в гораздо большей степени, чем декабристы.

Анализ взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на некоторую неясность их представлений и существенные противоречия между их отдельными группировками, они, тем не менее, смогли выработать идеологическую систему, которая оказала существенное воздействие на все последующие поколения консервативных идеологов и практиков. В русском консерватизме уже в самом начале XIX в. четко прослеживается магистральное направление, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, имперский патриотизм и, на определенных этапах, русский национализм. Наиболее развитые, классические формы русского консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы "православие – самодержавие –

народность". Всякая русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные составные части этой триады (или отталкивалась от них). Однако жесткая привязка консерваторов к конкретно-исторической форме сильной власти и личная преданность ее непосредственным носителям в политическом отношении ставила консерваторов в предельно уязвимое положение. Как правило, имперская полиэтническая власть использовала "русскую партию", точнее, отдельных ее представителей, лишь в тактических целях, оста-

ваясь при этом внутренне чуждой ее идеологии и ценностям. Роль русского консерватизма первой четверти XIX в. заключается в том, что он способствовал блокированию попыток либеральных преобразований, предпринятых верховной властью: введение конституции, освобождение крестьян и реформирование религиозной сферы. Одновременно консервативно-националистическая идеология и настроения объективно стали необходимым условием для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минаков А.Ю. Франкобесие // Родина. 2002. № 8.
2. Ростопчин Ф.В. "Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева" // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992.
3. Пушкин Е.А Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888.
4. Божерянов И.Н. Великая княгиня Екатерина Павловна. СПб., 1888.
5. Богоявленский С.К. Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна // Сб. Три века. Т. 5. М., 1913.
6. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991.
7. Ростопчин Ф.В. 1812 г. в записках Ф.В. Ростопчина // Русская старина. 1889. № 12.
8. Цит. по: Овчинников Г.Д. "И дышит умом и юмором того времени ..." // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992.
9. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35.

© А.Ю. Минаков, (minak.arkady2010@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ
ЭКОЛОГИЯ
БОЛЬШОГО ГОРОДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ЛЕНЭКСПО, павильон 7
20-23 МАРТА 2012

ОРГАНИЗАТОР
EXPOFORUM
КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР
2012 / 2013 /

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ
ТБЭ ТВЕРДИЕ
ВЯЗУЩИЕ
ОТВОДЫ **ЭКОЛОГИЯ**
ПРОИЗВОДСТВА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ МЕДИА-ПАРТНЕР
РИА НОВОСТИ

www.infoeco.ru +7 812 240 4040 (многоканальный) www.ecology.expoforum.ru

РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ О ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ 1848-1849 гг.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект №11-01-00289а).

THE RUSSIAN CONSERVATIVES' VIEWS OF THE REVOLUTIONARY EVENTS IN THE EUROPE OF 1848-1849

A. Meshcheryakova

The article is dedicated to the assessment of the revolutionary events of 1848–1849 in the epistolary, publicistic and literary texts by the Russian conservatives. They not only analysed the political situation in the Western Europe, but also reflected upon the impact of the revolutions for the future destinies of Russia. It is noted that the Russian conservatives considered "the decline of Europe" as the immediate political prospect.

Keywords: Russian Empire, Social and political Thought, Conservatism, revolution, Western Europe.

Мещерякова Арина Олеговна
кандидат исторических наук,
Воронежский
государственный университет

Аннотация:

Статья посвящена оценке европейских революций 1848–1849 гг. в эпистолярном, публицистическом и литературном наследии русских консерваторов. Они не только анализировали политическую ситуацию в Европе, но и размышляли над значением революций для будущего России. Отмечается, что "закат Европы" консерваторы рассматривали в качестве ближайшей политической перспективы.

Ключевые слова:

Российская империя, общественно–политическая мысль, консерватизм, революция, Западная Европа

Революционные события в Европе 1848–1849 гг. вызвали сильнейший общественный резонанс в России. Манифест 14 марта 1848 г., в котором борьба с революцией отождествлялась со священной войной против завоевателей Отечества [13], отвечал настроениям значительной части русского общества, заметно "поправевшего" с началом парижского восстания. Европейские революции дали мощный импульс развитию консервативной мысли. При всем сходстве позиций консервативных идеологов, каждый из них имел собственный взгляд на эти события и по–своему рассматривал их в связи с настоящим и будущим России. Для многих из них революционные потрясения в Европе стали толчком для постановки и решения ключевых проблем русской историософии.

В статье не ставится цель рассмотреть весь спектр суждений русских консерваторов о европейских революциях 1848–1849 гг. – это тема отдельного крупного исследования. К тому же, те или иные аспекты этой проблемы неоднократно рассматривались в отечественной историографии [8, 17, 7]. Цель состоит в другом: анализируя интеллектуальное наследие таких известных поэтов и оригинальных консервативных мыслителей, как К.С. Аксаков, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и Ф.И. Тютчев, определить особенности их представлений о России, ее месте в мире и ее исторической роли, сформировавшиеся через осмысление революционных событий в Европе.

В 1848–1849 гг. В.А. Жуковский жил во Франкфурте и Бадене и был, таким образом, непосредственным свидетелем революционных потрясений в Европе. С самого

начала он много и подробно писал о революции своим русским корреспондентам, среди которых были и его ученики: великие князья Александр Николаевич и Константин Николаевич. В письмах из революционной Германии он делился не только свежими фактами, но и своими размышлениями о революции вообще и происходящей – в частности. Начавшуюся революцию Жуковский сравнивал с пятидесятилетним стариком, лишенным энтузиазма. "Теперь никто не верит той свободе, тому равенству, тому общему благу, той любви к человечеству, за которые тогда искренно заблужденные отдавали жизнь", – писал он наследнику престола. Новая революция явилась, по мнению поэта, исключительно плодом эгоизма и рационализма [10, с. 529–530].

Вскоре после начавшейся революции в Германии в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии от великого князя Александра Николаевича поступило письмо с указанием немедленно напечатать его в газете. На следующий день 12 марта 1848 г. текст послания Жуковского под названием "Письмо Русского из Франкфурта" появился на страницах "Северной пчелы" [3, с. 551]. В нем, помимо анализа политической обстановки в Германии, автор размышлял о значении этой революции для России и ее будущего. Жуковский весьма скептически смотрел на возможность благоприятного исхода революции в Германии. "Опьянение слишком сильное и всеобщее, – писал он, – возмутители всюду и на всех пунктах, и тайно и явно действующие, не дают образумиться <...>, а власть хранительная и обуздательная парализована. Германия падает" [10, с. 16]. Анархии, за–

хлестнувшей Европу, поэт противопоставлял непоколебимость и мощь Российской империи во главе с самодержцем–консерватором Николаем I. "С благоговением смотрю теперь на нашу Россию, – продолжал он. – На своем неприступном для внешнего мира Востоке возвышается она теперь над взволнованною Европою, как ковчег, хранящий в себе зародыш нового мира, над волнами потопа, поглотившего прежний. <...> Россия сильна у себя и будет вдвое сильнее, когда все свое могущество устремит на свою внутренность, отгородив Китайскою стеною себя от заразы внешней. <...> Все, что необходимо для нашей самобытности, могучей и отовсюду неприкосновенной, все у нас есть" [10, с. 16].

В глобальных политических катаклизмах в Европе Жуковский видел повод для укрепления традиционных основ русского государства и прежде всего – самодержавия. Только неограниченное самодержавие способно, по мысли поэта, "сохранить сильную самобытность Русского Царства" – даже во время общеевропейских революционных потрясений. К идее самодержавия как основы самобытности России он неоднократно возвращался в письмах к русским корреспондентам. Так, в марте 1848 г. он писал из Франкфурта своему другу, московскому почт–директору А.Я. Булгакову: "Посмотрев в глаза этой свободе, убеждаешься в том, какое твердое народное благо может быть устроено на фундаменте Самодержавия; этот фундамент у нас есть: наш самодержавный Строитель может еще спокойно и самобытно строить Русское здание великого царства по плану Божией правды. Чтобы это здание, столь богатое будущим, могло быть доведено до кровли, все Русские теперь крепче, нежели когда–нибудь должны слиться в одну силу с Царем своим" [9, с. 526]. В то время как Европа, в частности Германия, оказывается "раздавленной грузом своей цивилизации" [9, с. 527], Россия, по мнению Жуковского, пребывает в фазе строительства, подлинный расцвет которой наступит в будущем. Подобный взгляд на место России в мировом историческом процессе в целом был типичен для русских консерваторов николаевского царствования, среди которых пользовалась популярностью органическая теория государства [16, с. 138–139].

1848 г. стал поворотным в мировоззрении П.А. Вяземского: с этого момента о нем можно с уверенностью говорить как о консерваторе и защитнике русской национальной самобытности. Завершение эволюции во взглядах Вяземского во многом было связано с его реакцией на европейские потрясения. Являвшийся в представлениях русских консерваторов старшего поколения либералом и "якобинцем" [14], с 1848 г. он навсегда перешел в лагерь своих бывших идейных противников.

Поэтическим ответом Вяземского на революции в Европе стало стихотворение "Святая Русь" (1848 г.). Появление этого стихотворения в интеллектуальной биографии Вяземского М.И. Гиллельсон сравнивал с пройденным Рубиконом: бывший вольнодумец и оппозицио–

нер прославлял в стихах православие и самодержавие [5, с. 321]. Это стихотворение в свое время получило большую известность и популярность, оно было напечатано в "Санкт–Петербургских ведомостях" и "Сыне Отечества", а также издано отдельной брошюрой [2, с. 500]. В "Святой Руси" открыто звучал антиреволюционный пафос. Не испытывая ни малейшего сочувствия к революционному движению, автор видел в нем, прежде всего, силу, разрушающую общественные устои: "преданья, правду и закон" [4, с. 311]. "Разнузданной страсти" революции поэт противопоставлял смирение и покорность, силу и величие своей родины. Обращение к образу "Святой Руси" стало для него, как и для других современников–консерваторов, способом декларации самобытности России, представления о которой до предела обострила революция. Так, в стихотворении звучал следующий призыв:

***О, дорожи своим залогом!
Блюди тобой избранный путь,
И пред людьми и перед Богом,
Святая Русь, – святою будь!***

***О, будь всегда, как и донине,
Ковчегом нашим под грозой,
И сердцу Русскому святыней,
И нашей силой пред враждой!*** [4, с. 315]

На Жуковского стихотворение Вяземского произвело очень сильное впечатление. "Вяземский! Как тронули меня, при виде всего этого, столь болезненного и отвратительного, твои стихи, – писал он из Германии, – я не мог читать их без слез и не могу иначе перечитывать" [11, с. 825]. Ответом Жуковского на стихотворение "Святая Русь" стало письмо от 23–го июля 1848 г., опубликованное вскоре в "Русском инвалиде" [11], в котором он анализировал не столько политическую, сколько духовную ситуацию в охваченной революцией Европе. Основная часть этого письма была посвящена смыслу русской истории и такому уникальному понятию и явлению, как Святая Русь. Россия – это государство, со своей политической мощью и границами, Святая Русь, по мысли Жуковского, является идеей, "преданием". "Здесь наша память о жизни праотцев, – писал поэт, – наша народная внутренняя жизнь, наша вера, наш язык, все, что собственно наше русское, что никому, кроме нас, принадлежать не может, что нигде, кроме Русской земли не встретится, чего никто, кроме русского человека, и понять не может..." [11, с. 826]. Эти рассуждения Жуковского если и не вытекали непосредственно из стихотворения Вяземского, то, во всяком случае, были ему созвучны. В то же время можно заключить, что яркие пассажи о самобытности России и ее уникальном историческом пути были вызваны (так же, как и само стихотворение Вяземского) революционными событиями в Европе.

Европейские революции 1848–1849 гг. привели Вяземского к отрицанию всей западной цивилизации с ее политическими и духовными достижениями. В письме

своему немецкому другу и давнему корреспонденту Ф. фон Энзе он весьма резко и эмоционально охарактеризовал происходящие в Европе события: "Вместо идей и пропаганды у вас баррикады, вместо нравственного права и убеждения – картечь. Таково завершение этой хваленной, себя прославляющей цивилизации, которую мы имели глупость слишком долго принимать всерьез и считать нашим поводырем. Благодаря вам, вашему гибельному примеру, мы извлечем пользу из урока, который вы нам преподали. Мы также будем искать прогресса и возможного совершенствования, но увидев, что вы пошли по ложному пути, что эта мнимая цивилизация толкнула вас в пропасть, мы вновь вернемся к нашей собственной природе и выберем иной путь" [6, с. 574–575]. Таким образом, для Вяземского революция стала апофеозом ложной в своих основах цивилизации и одновременно грозным предупреждением для русских, преклоняющихся перед Западом.

Революционные события в Европе оказали непосредственное влияние на формирование политической концепции одного из лидеров славянофильства К.С. Аксакова, послужив толчком к началу его публицистической деятельности [7, с. 308]. Как и другие консерваторы, Аксаков интерпретировал происходящее в Европе как поучительный урок России, который преподает западный мир, вставший на ложный путь. В письме историку А.Н. Попову в марте 1848 г. он писал следующее: "События, совершающиеся на Западе, замечательны. Запад разрушается, обличается ложь Запада, ясно, к какой болезни приводит его избранная им дорога. Я радуюсь обличению лжи. Ужели и теперь Россия захочет сохранять свои связи с Западом. Нет – все связи нашей публики с Западом должны быть прерваны" [17, с. 155].

В 1848–1849 гг. Аксаков написал ряд статей, в которых анализировал современную политическую и духовную ситуацию на Западе и в России. Особый интерес представляет статья "Голос из Москвы" [1] (1848 г.), которая, как и прочие его публицистические работы этого периода, не предназначалась для печати, а распространялись в списках. В своем сочинении Аксаков анализировал феномен государственной власти в Европе и России, а также специфику отношения к ней на Западе и Востоке Европы. Главный грех западной цивилизации и одновременно первопричина революции – безверие и безнравственность. Отсюда, по мнению Аксакова, вытекает языческое отношение к Правительству. "Запад сотворил себе кумира из Правительства, – писал он, – обоготворил его и поклонился перед ним; в этом грех Запада. Монархическое, аристократическое, республиканское ли Правительство – все равно, здесь речь идет не о каком-нибудь Правительстве, но о Правительстве вообще. Запад поверил в совершенство Правительства или, лучше, в возможность его совершенства, и отсюда возникла необходимость революции как грешного пути к земному невозможному совершенству" [1, с. 297]. Россия же, по словам Аксакова, избрала себе другой путь, поставив на

первое место не поклонение земной власти, а веру. Монархия Православная является традиционной и идеальной формой правления в России. В отличие от Западной Европы государственная власть в России всегда носила христианский характер, она не требовала от подданных веры в свое совершенство, веруя в одно совершенство Божие [1, с. 298–299]. К сожалению, как писал Аксаков, Россия подверглась влиянию Запада. В итоге власть сама насаждала в России западные идеи и образ жизни, во многом поставив себя тем самым в положение западного правительства. В связи с этим Аксаков предупреждал: "Если Правительственная сторона России не оставит Западного пути, то она втолкнет Россию насильственно, вопреки ее природе, на путь революции..." [1, с. 299]. Таким образом, в отличие от Жуковского, являвшегося настоящим певцом русского самодержавия, а также многих других консерваторов-современников, Аксаков полагал, что даже сильная монархическая власть в России может таить в себе опасность, если она окажется оторванной от национальной традиции [1, с. 299].

Оперативно и резко отреагировал на европейские революции и Ф.И. Тютчев. Для поэта революция стала естественным итогом развития Запада, последним словом "ложной в своих основах цивилизации" [12, с. 441–442]. Если для Запада революция является болезнью, "раковой опухолью", то для России, считал Тютчев, она представляет собой реального, "вполне ощутимого врага, угрожающего не только ее душе, но и самому ее существованию". В связи с этим поэт предполагал два сценария развития событий для России. Он считал, что если революционному движению удастся победить анархию и сплотиться, то России грозит "крестовый поход" революционной Европы, как в 1812 году. "Если же, напротив, анархия решительно возобладает в Европе, – полагал Тютчев, – мне бы хотелось верить, что мы окажемся, не скажу достаточно мудрыми, но достаточно почтительными по отношению к Провидению, чтобы не вторгаться в Его решения. Нет, конечно, на этот раз мы не допустим постыдной глупости, добиваясь реставрации, рассчитывая договориться с Революцией" [12, с. 442]. Поэт был противником военного вмешательства России в европейские революционные события ради спасения самой Европы. Он считал, что инициатором возможного столкновения России с революционным Западом может быть только Запад. Подобную позицию среди консерваторов занимал и Жуковский [10, с. 12].

В начале 1849 г. в Париже была опубликована статья Тютчева "Россия и Революция" [15], получившая громкую и скандальную известность в Европе. В этой работе излагался его взгляд на историческую миссию России и ее отношения с Западной Европой. Как и в частной переписке, суждения и выводы Тютчева были откровенными и резкими. "Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия, – писал он. – Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невоз-

можно никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой". Поэт предсказывал, что от исхода борьбы между этими силами зависит вся будущая политическая и религиозная жизнь человечества [15, с. 144].

Великую историческую роль России и русского императора Тютчев видел в том, чтобы объединить православный Восток и возглавить его борьбу с революционным Западом, если с его стороны возникнет угроза "кредитового похода". "И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? – восклицал Тютчев. – Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре – Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками. И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам

ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?" [15, с. 157] Типичные для русских консерваторов той эпохи представления о "закате Европы" в результате революционных потрясений и преобразении России высказывались Тютчевым с особой смелостью и поэтическим запалом.

Европейские революции 1848–1849 гг. как в свое время Великая французская революция, вызвали консервативную реакцию не только в Западной Европе, но и в Российской империи. И хотя резонанс от французских событий конца XVIII в. был более мощным и продолжительным, революционные потрясения в Европе середины XIX в. также способствовали значительной активизации русской консервативной мысли.

Общими для консерваторов были не только анализ текущей политической ситуации в Европе, но и осмысление таких феноменов, как Революция и Россия во взаимосвязи друг с другом. Представления о самобытности России и спасительности для нее традиционных начал, о ее особом историческом пути приобрели для них особую остроту и актуальность во время революционных потрясений 1848–1849 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С. Голос из Москвы // Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. СПб., 1992. С. 297–300.
2. Бондаренко В.В. Вяземский. М., 2004. 675 с.
3. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгакина в III отделение. М., 1998. 700 с.
4. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: [в 12 т.]. Т. IV: 1828–1852 г. СПб., 1889. 404 с.
5. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. 390 с.
6. Комментарии // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 4 / Сост. Л.В. Гладкова. М., 2004. С. 451–577.
7. Кошелев В.А. К.С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. СПб., 1992. С. 306–312.
8. Михайлов А.А. Революция 1848 года и славянофильство // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. 1941. Вып. 8. № 73. С. 48–74.
9. Письма В.А. Жуковского А.Я. Булгакову (1836–1852) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Вып. 17. М., 2008. С. 487–553.
10. Письма В.А. Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу // Русский архив. 1885. Кн. I. С. 7–19, 242–272, 526–540.
11. Письмо В.А. Жуковского к князю П.А. Вяземскому // Русский инвалид. 1848. № 207. С. 825–827.
12. Письмо Ф.И. Тютчева к К. Пфеффелю от 15/27 марта 1848 г. // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 4 / Сост. Л.В. Гладкова. М., 2004. С. 441–442.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 23. Отд. 1. № 22087.
14. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 2. Д. 686. Л. 31.
15. Тютчев Ф.И. Россия и Революция // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 3 / Сост. Б.Н. Тарасов. М., 2003. С. 144–158.
16. Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007. 208 с.
17. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. 274 с.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

CREATIVE HERITAGE OF K.N. LEONTYEV IN THE CONTEMPORARY SCIENTIFIC LITERATURE.

S. Khatuntsev

The name of K.N. Leontyev (1831 – 1891) is a kind of the world "brand" of the ideological Russian conservatism. The contemporary development stage of the Leontyev studies is characterized by an increased attention to Leontyev in Russia, and reduction of the same interest abroad. A whole complex of serious Leontyev studies has been developed in the Russian and world historiography by now. However, many problems, including first of all those related to the social and political views of Leontyev, have got no adequate solution. Moreover, different authors provide rather contradictory evaluations to these Leontyev's views.

Keywords: K.N. Leontyev, Russian conservatism, History of the Russian social and political thought, Historiography.

Хатунцев Станислав Витальевич

*кандидат исторических наук,
преподаватель ФБГОУ ВПО*

"Воронежский государственный университет"

Аннотация:

Имя К.Н. Леонтьева (1831 – 1891) является мировым "брендом" "идейного" русского консерватизма. Для современного этапа в развитии леонтьевоведения характерно повышенное внимание к Леонтьеву в России и уменьшение интереса к нему на Западе. К настоящему времени в российской и мировой историографии сложился целый комплекс серьезных леонтьевоведческих изысканий, однако многие проблемы, прежде всего, связанные с общественно-политическими взглядами К. Леонтьева, не получили адекватного разрешения, тем более, что разные авторы дают им самые противоречивые оценки.

Ключевые слова:

К.Н. Леонтьев, русский консерватизм, история русской общественно-политической мысли, историография.

К.Н. Леонтьев (1831 – 1891)

является одним из виднейших представителей консервативной мысли пореформенной России XIX столетия. Согласно оценке Н.А. Бердяева, это был "самый крупный, единственный крупный мыслитель из консервативного лагеря, да и вообще один из самых блестящих и своеобразных умов в русской литературе... Первым и единственным философом консерватизма... был К. Леонтьев" [1]. Можно сказать, что имя этого выдающегося мыслителя является мировым "брендом" "идейного" русского консерватизма.

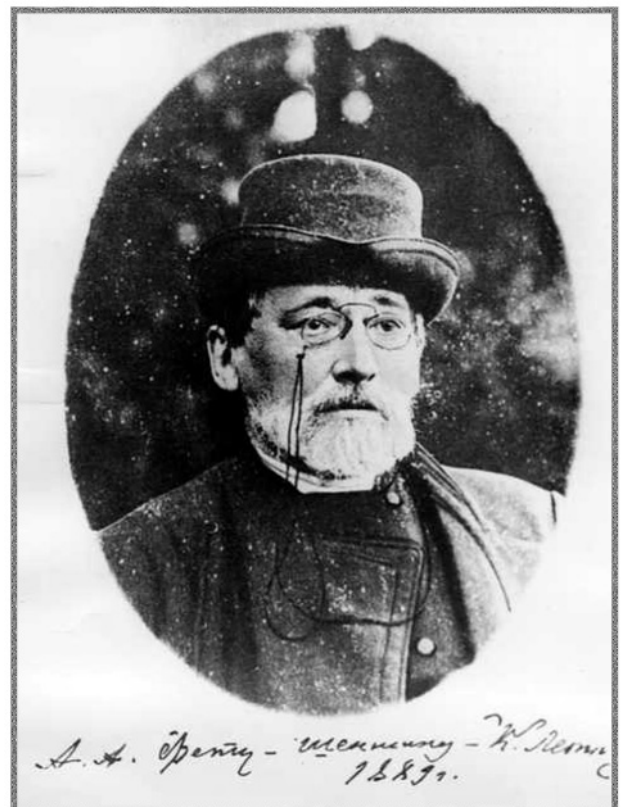
Изучение творческого наследия К. Леонтьева находится сейчас на подъеме. Современный этап развития этого направления в исследовании истории отечественной общественно-политической мысли начался на рубеже 80 – 90-х годов XX века.

Его наступление было вызвано, во-первых, падением идеологических запретов, регулировавших интеллектуальную жизнь в России, во-вторых – победой в "холодной войне" западного (атлантического) сообщества.

После этой победы интерес к Леонтьеву за рубежом, характерный для периода "Ялтинского миропорядка", снизился, а количество публикаций о нем сократилось.

Систематическое внимание к творчеству мыслителя в настоящее время проявляет лишь несколько авторов из "дальнего зарубежья", среди которых уже практически не

встретишь, как раньше, представителей англо-американской науки, но можно отметить немца Г. Шумахера, польских историков философской мысли М. Броду и М. Богуна, а также филолога Г. Мондри.

Первый рассматривает "эстетический аристократизм" К. Леонтьева, тогда как М. Брода дает анализ его геополитических и философских концепций. Корни идей мыслителя он находит в русском православном "византизме" и в традициях европейского консерватизма. М. Богун обращается к антиреволюционному пафосу мыслителя и к его концепции "земного пессимизма", тогда как Г. Мондри изучает, главным образом, леонтьевскую беллетристику [2].

В России, напротив, к Леонтьеву стали проявлять повышенное внимание. Интерес к мыслителю связан со следующими обстоятельствами. В условиях острого кризиса советской модели общественного устройства и последовавшего за ним распада СССР наша страна опять, как и в начале прошлого века, оказалась перед проблемой выбора дальнейших путей развития. Поэтому идеи Леонтьева о расцвете и упадке цивилизаций, о либерализме, прогрессе, социализме, об отношениях России с Западом и Востоком, о православии, как и идеи других русских консерваторов, вновь стали актуальны и востребованы на родине. На рубеже столетий возникла своего рода интеллектуальная "мода" на консерватизм, произошло его "второе пришествие" [3]. На волне этой интеллектуальной "моды" имя блистательного философа, смелого парадоксалиста К.Н. Леонтьева стало особенно популярным; к его идеям обращаются представители самых разных общественно-политических направлений – от традиционалистов и монархистов до коммунистов и либералов. Творческое наследие мыслителя изучает множество представителей отечественной науки. Поддержанию интереса к Леонтьеву способствует также публикация многих его трудов, в том числе – извлекаемых из архивных фондов, которая осуществляется в последние годы [4].

В этой связи, прежде всего, необходимо сказать о деятельности Группы по изданию и изучению наследия К.Н. Леонтьева. Она является частью Центра по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени и одним из подразделений Отдела новой русской литературы Института русской литературы РАН (ИРЛИ, "Пушкинский дом") в Санкт-Петербурге. Официально Группа учреждена в 2007 году, но начала свою работу еще в 1999 г. Именно она осуществляет академическое издание Полного собрания сочинений и писем К.Н. Леонтьева, сопровождая его подробными, скрупулезно выверенными комментариями, а также готовит посвященные этому мыслителю исследования и аналитические материалы, проводит по соответствующей тематике конференции, семинары, круглые столы.

К настоящему времени издано 8 томов ПСС, причем 6-й, 7-й и 8-й вышли в двух книгах. Главным редактором Полного собрания сочинений является гл. науч. сотр. ИРЛИ, д. филолог. н. профессор В.А. Котельников, его заместителем – ведущ. науч. сотр., к. филолог. н. О.Л. Фетисенко. В настоящее время О.Л. Фетисенко выступает в

качестве крупнейшего и наиболее авторитетного в мире специалиста в области леонтьевоведения. В скором времени ожидается выход сразу двух ее монографий, в центре которых находится фигура К.Н. Леонтьева, и защита ею докторской диссертации.

Вопросы, так или иначе связанные с этим мыслителем, рассматриваются в сотнях разнообразных работ, созданных в нашей стране на современном этапе становления леонтьевоведения. Значительная часть этого потока принадлежит жанру публицистики.

Появилось также немало исследований комплексного и обобщающего характера, включая энциклопедические статьи. Большинство из них и, в целом, основная масса работ, появившихся в период, начиная с 1988 – 1989 года, невелико по объему, написано в тезисной форме. Наиболее фундаментальными из комплексных исследований являются монографии А.Ф. Сивака, А.А. Королькова и К.М. Долгова, хотя работы последнего, скорее, популяризируют наследие Леонтьева, нежели являются академическими исследованиями [5]. В комплексных трудах излагаются и анализируются философско-социологические, религиозные и общественно-политические взгляды мыслителя, рассматривается его литературное творчество, некоторые аспекты его биографии. Авторы обобщающих работ касаются, главным образом, "позднего" Леонтьева, Леонтьева второй трети 70-х – начала 90-х годов XIX столетия.

Помимо комплексных исследований, в последние годы опубликовано немало трудов, в которых делается акцент на анализ отдельных сторон творческого наследия этого мыслителя. Наибольшее внимание традиционно уделялось философским и религиозным взглядам К.Н. Леонтьева, его социологии и культурологическим идеям. Среди авторов, разрабатывающих данную проблематику, следует отметить А.И. Абрамова, Д.М. Володихина, А.С. Гагарина, Е.С. Гревцову, Г.М. Дробжеву, В.А. Ермакова, В.М. Камнева, С.Н. Носова, М.Ю. Чернавского [6].

Широко изучалась философия истории и историософия К. Леонтьева, причем в рамках последней особое развитие получило исследование взглядов мыслителя на Россию и ее будущее. Самые глубокие и оригинальные работы в данных областях созданы А.М. Салминым, Г.Б. Кремневым и Р.А. Гоголевым [7].

Социально-политических взглядов мыслителя так или иначе касались авторы всех новейших отечественных леонтьевоведческих изысканий, но появилось также немало специальных исследований его общественно-политических воззрений как таковых. Они носят либо обобщающий характер, либо посвящены представлениям Леонтьева о тех или иных конкретных вопросах социально-политической жизни.

Среди работ обобщающего характера по данной те-

матике следует отметить труды таких авторов, как И.А. Исаев, Ю.В. Андронов, А.Г. Мячин, А.А. Ширинянц, И.И. Евлампиев [8]. Однако фундаментальных академических изысканий итогового характера в этой сфере пока что не создано.

Подходом к такого рода обобщающим исследованиям являются работы, в которых рассматриваются различные частные аспекты общественно-политических взглядов выдающегося русского консерватора.

Дальнейшему изучению подверглась проблема соотношения воззрений Леонтьева с доктриной славянофилов и с развитием русской (а также мировой) общественно-политической мысли в целом, анализировалась леонтьевская концепция "византизма", взгляды мыслителя на либерализм, на Восточный и национальный вопросы [9].

Наиболее обстоятельно воззрения мыслителя на Восточный вопрос, на проблему южного и западного славянства изучены в трудах известного балканиста В.И. Косика, а востоковед К.А. Жуков опубликовал монографию, в которой освещена роль "турецкого фактора" в жизни и в формировании общественно-политических взглядов К. Леонтьева, ярко обрисована дипломатическая среда, в которой он действовал [10].

Внимание современных отечественных исследователей закономерно привлекает тема "Леонтьев и социализм"; к ней тесно примыкает тема "Леонтьев и Л.А. Тихомиров" [11]. Говоря об изучении данного вопроса, нельзя не отметить работы А.В. Репникова. Однако и эта, и другие проблемы общественно-политических взглядов мыслителя всё ещё нуждаются в дальнейшем анализе.

Достаточно широко изучалось в последние годы его художественное творчество и литературная критика [12].

Особое развитие в нынешней российской науке получила тема "Леонтьев и Ф.М. Достоевский" и нередко связанная с нею тема "Леонтьев и В.С. Соловьев" [13]. Говоря о разработке данных проблем, нельзя не указать имена С.Г. Бочарова, А.П. Козырева и О.Т. Панаэтова.

Что касается новейших биографических штудий, то здесь необходимо упомянуть И.Н. Берговскую и Д.В. Гущина, изучающих, соответственно, периоды жизни мыслителя, связанные с Калужской и с Нижегородской губерниями [14].

Ранний этап эволюции общественно-политических воззрений Леонтьева проанализирован в монографии автора данных строк [15].

Согласно оценке Ю.В. Андронина, А.Г. Мячина и А.А. Ширинянца, "новые публикации о мыслителе не только заново ставят проблемы, вызывавшие интерес еще в на-

чале [прошлого] века, но и пытаются по-новому осветить их" [16].

Необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени К.Н. Леонтьевым занимаются, главным образом, философы, социологи и политологи, а также литературоведы и, отчасти, культурологи, причем далеко не все публикации этих специалистов носят вполне научный характер: данный мыслитель и его воззрения являются объектом не только научной полемики, но и политических спекуляций. Так, с недавних пор некоторые публицисты стремятся объявить К. Леонтьева идеологом общественно-политической системы, сложившейся в России за последние 20 лет, и даже называют его "отцом" "политического гламура", что крайне слабо соответствует действительности и является результатом "передёргивания", окарикатуривания идей этого мыслителя, непонимания его глубинной, внутренней сути. За нынешний российский "неофеодализм" великий русский мыслитель ответственен не более, чем испанский певец "аристократии духа" Х. Ортега-и-Гассет. Почти столь же "обоснованы" и поверхностны попытки представить Леонтьева провозвестником сталинской модели социализма, установившейся после Второй мировой войны.

Фундаментальных исторических трудов, монографий и диссертаций, в которых рассматриваются общественно-политические взгляды Леонтьева, крайне мало. Как исключение, можно назвать лишь указанные в примечаниях монографии В.И. Косика, К.А. Жукова и автора этих строк, а также монографическое исследование А.В. Репникова, но последнее посвящено воззрениям не одного К. Леонтьева, а нескольких выдающихся русских консерваторов конца XIX – начала XX веков [17].

Следует указать еще на один чрезвычайно важный момент. Большинство исследователей общественно-политических взглядов К.Н. Леонтьева – философы, социологи, политологи, де-факто подходит к ним, как к чему-то "ставшему", лишённому внутреннего развития, явленному в готовом и развернутом виде. Поэтому, несмотря на изрядную, казалось бы, изученность воззрений Леонтьева, довольно слабо исследована их динамика, конкретная эволюция: те изменения, которые они претерпевали с течением времени. Соответственно, мало изученными остались те исторические факторы, которые на них повлияли.

Подводя итог, отметим, что к настоящему времени в российской и мировой историографии сложился целый комплекс серьезных леонтьевоведческих изысканий, однако далеко не все проблемы леонтьевоведения, особенно проблемы, связанные с общественно-политическими взглядами русского мыслителя, освещены надлежащим образом и получили адекватное разрешение, тем более, что разные авторы нередко дают им самые противоречивые оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 208 – 209.
2. Schomacher G. Konstantin Leont'evs aesthetischer Aristokratismus. Modernitätskritik und Adelsmentalität in Russland. Munster, 1996; Broda M. Najtrudniejsze z rosijskich wyzwan?: zagadka Leontjewa i Rosja. Lodz, 1994; Брода М. Проблемы с Леонтьевым. М., 2001; Bohun M. Kontrewolucja I pesymizm: Filozofia spoleczna Konstantina Leontjewa. Krakow, 2000; Mondry H. A Husband's Confession: towards the typology of Leontiev's Writing // Die Welt der Slaven. 1991. # XXXVI; Mondry H. A Husband's Confession: towards the typology of Leontiev's Writing // Die Welt der Slaven. 1991. # XXXVI. 1; Mondry H., Thompson S. Konstantin Leont'ev. An Examination of His Major Fiction. М., 1993.
3. Репников А.В. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. Воронеж, 2001.
4. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Филос. и политич. публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). М., 1996; Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб. Издание осуществляется начиная с 2000 г.; Леонтьев К.Н. Дипломатич. донесения, письма, записки, отчеты (1865 – 1872). М., 2003.
5. Сивак А.Ф. Константин Леонтьев. Л., 1991; Корольков А.А. Пророчества К. Леонтьева. СПб., 1991; Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание К. Леонтьева. М., 2008.
6. Абрамов А.И. Культурно-историч. концепция русской цивилизации К. Леонтьева // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. М., 1988; Володихин Д.М. "Высокомерный странник". Философия и жизнь К. Леонтьева. М., 2000; Гагарин А.С. Кризис европоцентризма и судьба России (культурологич. воззрения К.Н. Леонтьева и О. Шпенглера) // Культуры в диалоге. Вып. 1. Екатеринбург, 1992; Гревцова Е.С. Философия культуры А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева (Сравнит. анализ). М., 2002; Дробжева Г.М. Проблема социокультурного идеала в социально-философск. воззрениях К.Н. Леонтьева. Дис... к. филос. н. М., 1995; Ермаков В.А. Диалектика "охранения" культуры, общества и государства в философии К.Н. Леонтьева // Историко-филос. ежегодник – 99. М., 2001; Камнев В.М. Россия как культурно-историч. тип и феномен (К. Леонтьев) // Христианство и русск. литература. Сб. 3. СПб., 1999; Носов С.Н. "Хищное" христианство К.Н. Леонтьева // Христианство и русск. литература. СПб., 1994; Чернавский М.Ю. Религиозно-философск. основы консерватизма К.Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.
7. Салмин А.М. Политич. историософия К. Леонтьева // Русская политич. мысль второй половины XIX в. М., 1989; Кремнев Г.Б. Константин Леонтьев и русское будущее: К 100 летию со дня смерти // Наш современник. 1991. № 12; Гоголев Р.А. "Ангельский доктор" русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007.
8. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX вв.). М., 1991; Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянец А.А. Русская социально-политич. мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. – М., 2000; Евлампиев И.И. Религиозно-консервативная "утопия" К. Леонтьева // История русской философии. М., 2002.
9. Мальчевский Н. Творчество К.Н. Леонтьева глазами современников // К. Леонтьев – наш современник. СПб., 1993; Володихин Д. Славянофил ли К. Леонтьев: историографич. концепт против самооценки мыслителя // Историч. знание и интеллектуальная культура. М., 2001; Пашко Р.Г. Концепция "византизма" Константина Леонтьева // Русск. культура на межконфессиональных перекрестках. М., 1995; Шестаков Н.А. К. Леонтьев и русск. либерализм // Вестн. Моск. ун – та. Сер. 12. Соц.-политич. исследования. 1993. № 2; Лурье С.В. Идеология и геополитич. действие. Вектор русской культурной экспансии: Балканы – Константинополь – Палестина – Эфиопия // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996;
10. Косик В.И. К. Леонтьев: размышления на славянскую тему, М., 1997; Он же. К.Н. Леонтьев – болгарская тема – pro et contra // Славянский альманах. 1997. М., 1998; Жуков К.А. "Восточный вопрос" в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб., 2006.
11. Воронин И.А. Константин Леонтьев: реакция, революция, социализм (к постановке проблемы) // Научные труды МПГУ. Сер. Социально-историч. науки. М., 2000; Репников А.В. В ожидании "социалистич. самодержца" // Армагеддон: Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Кн. 5. М., 1999; Он же. А.В. "Славянский царь ... учредит социалистич. форму жизни" // Россия XXI. 2002. № 2; Он же. К. Леонтьев и Л. Тихомиров // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 3. М. 2000; Милевский О.А. Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений // Вестн. Томского гос. пед. ун – та. Сер. История. Филология. Вып. 1. 1997.
12. Бочаров С.Г. Эстетич. трактат Леонтьева // Вопр. литературы. 1988. № 12; Котельников В.А. Оптина пустынь и русская литература // Русск. литература. 1989. № 4; Захарова В.Т. Литературно-критич. мысль К.Н. Леонтьева и развитие русской литературы XIX – XX вв. // Проблема традиций в русской литературе. Н. Новгород, 1998.
13. Буданова Н.Ф. Достоевский и К. Леонтьев // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. Л., 1991; Паназтов О.Т. Константин Леонтьев и Ф. Достоевский // Филология. – Philologica. 1996. № 9; Он же. Полифонизм и соборность как категории поэтики: Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев. Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998; Бочаров С.Г. Леонтьев и Достоевский // Он же. Сюжеты русской литературы. М., 1999; Козырев А.П. Вл. Соловьев и К. Леонтьев: диалог в поисках "русской звезды" // Начала. 1992. № 2; Константинов В. К истории одной полемики (К.Н. Леонтьев и В.С. Соловьев о проблемах христианской эсхатологии // Там же; Носов С.Н. Идея "Москва – Третий Рим" в интерпретации К. Леонтьева и В. Соловьева // Русская литература и культура нового времени. СПб., 1994; Хатунцев С.В. Мотив "китайской угрозы" у К.Н. Леонтьева и "леонтьевские" мотивы в "Трех разговорах" В.С. Соловьева // Эсхатологич. сборник. СПб. 2006.
14. Берговская И.Н. Кудиново в жизни Леонтьева // История философии. М., 2000.
15. К. Леонтьев: интеллектуальная биография (1850 – 1874 гг.). СПб., 2007.
16. Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянец А.А. Указ. соч. С. 20.
17. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ-ГЕОПОЛИТИКИ О БУДУЩЕМ РОССИИ

(конец XIX - начало XX в.)

RUSSIAN STATE ARCHIVE OF
SOCIOPOLITICAL HISTORY
(RGASPI)

A. Repnikov

The article considers reviews ideas of some conservative thinkers on Russian foreign policy in the Far East at the end XIX-th beginning of the XX-th century.

Keywords: Russian Empire, Conservatism, imperial idea, geopolitics, external political activity, Far East, China, Japan.

Репников Александр Витальевич
доктор исторических наук,
Российский государственный архив
социально-политической истории

Аннотация:

В статье рассматриваются геополитические взгляды русских консерваторов на проблемы внешней политики России конца XIX – начала XX вв. Основное внимание уделяется анализу перспектив отношений с восточными государствами (Китай, Япония).

Ключевые слова:

Российская империя, консерватизм, имперская идея, геополитика, внешнеполитическая деятельность, Дальний Восток, Китай, Япония.

Долгое время тема внешнеполитических взглядов русских консерваторов оставалась на периферии исследовательского внимания, а труды таких мыслителей, как С.Н. Сыромятников, Э.Э. Ухтомский, Ю.С. Карцев (Карцов), И.И. Дусинский и др., были забыты.

Ситуация стала меняться в последнее десятилетие. Вкладом в разработку темы стала кандидатская диссертация В.Ю. Белянкиной "Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.)" [1]. В трех главах работы рассмотрены проблемы русско-английских, русско-германских, русско-французских, русско-китайских, русско-японских и русско-персидских отношений с точки зрения русских правых; уделено внимание Восточному вопросу. Главы о внешнеполитических взглядах монархистов есть в монографиях И.В. Омельянука [14, с. 480–521] и А.В. Репникова [16, с. 223–273]. В 2004 г. вышла книга Б.Д. Сыромятникова о двоюродном деде автора, публицисте, востоковеде и путешественнике С.Н. Сыромятнике [21]. В 2011 г. в журнале "Родина" опубликована статья А.В. Репникова и К.А. Соловьева о С.Н. Сыромятнике [18, с. 115–120].

Наибольший интерес в плане оценок консерваторами будущего России вызывают их взгляды на так называемую "желтую опасность" и "пробуждающийся Восток". Эта тема затрагивалась в работах Р. Уортмана и Д. Схимальпенника [29, 20]. Отдельные вопросы рассматривались в исследовании китайского историка Сунь Чжинцина [19]. Внешнеполитические взгляды Л.А. Тихомирова проанализированы в статьях О.А. Милевского [12, 13], а позиция К.Н. Леонтьева по этому вопросу представлена в статье С.В. Хатунцева [32].

Предпринятая автором этих строк попытка заинтересовать ряд издательств публикацией работ русских консерваторов-геополитиков не принесла позитивных результатов. От публикации не переиздававшихся более 100 лет статей Л.А. Тихомирова о Китае отказался журнал "Москва", и эти статьи вошли в качестве приложения в новую книгу О.А. Милевского и А.В. Репникова "Две жизни Льва Тихомирова" [17, с. 514–530]. В 2007 г. В Москве было осуществлено репринтное издание двух из трех томов труда Ухтомского "Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891", однако высокая цена делает его недоступным для историков.

При анализе внешнеполитических прогнозов представляют интерес работы князя Ухтомского. В 1886–1890 гг. он несколько раз был командирован в Сибирь и Среднюю Азию. В ходе поездок демонстрировал религиозную терпимость к неправославным народам Российской империи, их традициям и обычаям. Описания поездок были опубликованы в "Русском вестнике" и других периодических изданиях. Князь, считавшийся знатоком Востока, в 1890–1891 гг. сопровождал цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) в путешествии на Восток, о чем оставил иллюстрированный многотомный отчет.

Это издание сначала вышло на русском, а потом было переведено и на другие языки. Учтя, что Николай "лично подверг цензуре это издание" [29, с. 441], можно говорить о том, что это был не просто "парадный" текст. Ухтомский обращал внимание на хищническое отношение европейцев (особенно британцев) к Азии, противопо-

ставляя этому русскую отзывчивость, которая вызывает симпатию. Вместе с тем, он не идеализировал Восток (в частности, Китай), хотя и считал его ближе к России в геополитическом и духовном смысле. Ухтомский стал одним из критиков идеи "желтой опасности" в консервативном лагере, где об этой проблеме говорили уже давно. О ней, в частности, предупреждал К.Н. Леонтьев. В беседе с дипломатом и литератором А.Н. Цертелевым в начале 1870-х годов он обмолвился: "Православных-то скоро и русских подданных ни единого не останется..."

– Что же – не китайцы ли уничтожат нас? – спросил насмешливо князь...

Хотя бы и китайцы [Далее в тексте шло продолжение этой фразы, зачеркнутое Леонтьевым: "...через века три"], – отвечал я.

– Гоги и Магоги, – тотчас же нашелся князь, и все рассмеялись. –

Но я нахожу, что и в этой ничтожной полушутке о китайцах была бездна ума; она доказывала, что он, вероятно, и сам о такой возможности думал..." [6, с. 463. 470]. В июне 1891 года Леонтьев писал В.В. Розанову: "Вообще же полагаю, что китайцы назначены завоевать Россию, когда смешение наше (с европейцами и т.п.) дойдет до высшей своей точки. И туда и дорога – такой России. "Гоги и магоги" – finis mundi (конец мира – А.Р.)! После этого что еще останется? Без новых диких племен или без способных к пробуждению, что возможно?" [7, с. 181]. Образ Гог и Магог уже появлялся у Леонтьева в рассказе "Сутки в ауле Биюк-Дортэ", где один из героев "за стаканом чая, толкуя о... восточных племенах, сообщил, ... между прочим, что у донцов есть поверье, будто когда китаец поднимается, тогда уж никто не устоит против него, что Гоги и Магоги Апокалипсиса именно и есть китайцы.

"Восток, – сказал он сам себе, – призван освежать; вспомним средневековые нашествия" и т.д." [11, с. 235].

Китай, "презирающий европейцев", обратил на себя внимание и Ухтомского, посвятившего одну из брошюр обоснованию мысли, что Россия не должна была входить в антикитайский блок. Критикуя действия европейских колонизаторов, князь включал в понятие Востока и Россию, которая, по его словам, уже начинает догадываться, что является обновленным Востоком, с которым не только ближайшие азиатские соседи, но и индусы, и китайцы имеют больше общих интересов и симпатий, нежели с колонизаторами Запада: "Мы с детства привыкаем относиться к Китаю и Японии как к чему-то тесно с нами связанному и духовно гораздо более близкому, чем надменная Западная Европа" [31, с. 74]. Следовательно, "при глубоком, почти коренном различии национального психофизического облика, японец и простого звания русский все как-то братски ближе друг к другу, чем к европейцам" [31, с. 82–83]. Именно поэтому русские всегда смогут

найти с азиатами общий язык, даже если приходится с ними сражаться –

князь подчеркивал, что русская экспансия в Азию коренным образом отличается от европейской, а естественное слияние с Туркестаном и Приамурьем нельзя называть "политическими захватами". Запад, который "оформил" русский дух, "тускло и слабо" отражается на поверхности нашей жизни, под которой в недрах национального бытия все пронизано мировосприятием Востока. Европейец же, отравленный материализмом, не может понять дух Востока и проявляет чуждость к его традициям. Отмечу, что Э.Э. Ухтомский также был одним из критиков раздувания идеи "желтой опасности" в консервативном лагере, обратив внимание, что подобные суждения "не встречали решительной отповеди ни от кого, кроме С.Н. Сыромятникова...", с полным знанием дела разъяснявшего, почему такие взгляды не соответствуют действительности... Никакого панмонголизма, никакой "Азии для азиатов", никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по-моему, и нет, и быть не может" [30, с. 6].

Карцов тоже полагал, что от противостояния России и Азии выигрывает Европа, предостерегая Великого князя Александра Михайловича: "Война с Японией несчастье и гибель России... Победа ничего нам не принесет, ибо вырвут ее и присвоят себе покровительствующие Японии морские державы, Америка и Англия, тогда как поражение разорит Россию и внутри империи вызовет смуту. Подобно мексиканской экспедиции императора Наполеона III, предшествовавшей войне с Германией, война с Японией только прелюдия последующей войны, более обширной, в предвидении которой не расточать и не разбрасывать нам следует силы, а беречь их и сосредоточивать" [9, л. 98].

Объединиться с Востоком в процессе противостояния Западу предлагал Сыромятников. Он утверждал, что арабы, персы и китайцы ближе к русским, потому что "не загнушили в себе Бога и, несмотря на дикость свою и некультурность, не осмеливаются на место головы и сердца поставить брюхо и кошель с деньгами" [22, с. 29]. Вместе с тем, Сыромятников не идеализировал Восток, написав в статье "Ex Oriente Nox" от 12 марта 1895 года: "Я позволяю себе просить русское общество, русских писа-

телей, русских журналистов обратить внимание на то, что творится теперь на Востоке, и приготовиться к борьбе с грядущим панмонголизмом. Не только к борьбе за приморскую область или Сибирь, а к борьбе за нашу историческую жизнь, за наше развитие и за те идеалы, которым мы сознательно служили столько веков" [20, с. 341]. По мнению Сыромятникова, Россия должна прагматично относиться к Западу и к Востоку.

Ухтомский был уверен, что "в Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря" [31, с. 84]. Россия должна "стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения..." [31, 85]. Ему вторил Карцов, считавший, что "возникновение государства Российского явилось не извне, а образовалось оно в центре и путем самобытным. Не от окраины к центру совершалось его развитие, а наоборот, от центра к периферии... Отсюда стремление государства свои границы раздвинуть как можно шире, пока, наконец, достигнув моря, они не совпали с морским побережьем" [8, с. 15]. Дусинский тоже полагал, что в начале XX в. "русский государственный организм еще не достиг своего полного физического развития: его внешний рост еще совершается и должен совершаться, так как прекращение его раньше времени было бы явлением болезненным, и вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого урода. Территориальное развитие русского государства, несмотря на всю его значительность, не может и не должно еще считаться законченным – таков первый факт, обуславливающий характер нашей внешней политики" [5, с. 41–42].

России предстоит стать мировой силой, сочетающей Запад с Востоком и третейским судьей в споре между Азией и Европой. Ухтомский полагал, что этот спор ей придется решать в пользу Азии, потому что не может быть иного решения для судьбы, который чувствует себя "братом обиженного". В противном случае "Европа сама по себе нас, в конце концов, подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы для русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменники... Восток верит не меньше нас и совершенно подобно нам в сверхъестественные свойства русского народного духа, но ценит и понимает их исключительно, поскольку мы дорожим лучшим из завещанного нам родною стариной: Самодержавием. Без него Азия не способна искренно полюбить Россию и безболезненно отождествиться с нею. Без него Европе, шутя, удалось бы расчленивать и осилить нас, как это ей удалось относительно... западных славян" [31, с. 85. 86–87].

Правая пресса в своих статьях пугала картинами "восстания из мрака времен Чингисхана, желтые полчища которого грозною силою обрушатся на Европу и затопят своим желтым потоком белую расу" [1, с. 146]. Вызы-

вала опасения колонизация Дальнего Востока, в ходе которой "в Россию вместе с потоками желтых рабочих протягивались как бы щупальца спрута, готовые обвиться вокруг любого русского дела или государственного мероприятия" [1, с. 147]. В одной из книг про китайцев утверждалось, что, как "народ азиатский, он признает воздействие на себя только исключительно силою" [1, с. 148]. О необходимости не забывать про неоднозначность "пробуждающейся" Азии писал и Дусинский: "Там, на Дальнем Востоке и Юге, рождается новый мир-великан, носитель вековой культуры, полный скрытой энергии и накопленных тысячелетиями сил, мир трезвого ума и твердой воли, мир настойчивости, терпения и упорного, всепобеждающего труда... А на пути его лежит Святая Русь. Огненный вздох желтого Дракона уже обжег ее спящее лицо. А с далекого Юга на нее же глядят с ненавистью другие взоры... Там вьется в судорогах возрождения старый и грозный своим фанатизмом мир Ислама, властелин и поныне для многих славян. И он также не оставит нас в покое, как, впрочем, и мы не могли оставить в покое его. А на ближнем Западе притаился третий сосед (Германия – А.Р.), старый враг славянского племени..." [5, с. 70]. В схожем ключе писал и Леонтьев, отмечавший, что "мы, русские, с нашими серо-европейскими, дряблорбуждающими, подражательными идеалами, с нашим пьянством и бесхарактерностью, с нашим безверием и умственной робостью сделать какой-нибудь шаг беспримерный на современном Западе, стоим теперь между этими двумя пробужденными азиатскими мирами, между свирепо-государственным исполином Китая и глубоко мистическим чудищем Индии, с одной стороны, а с другой – около все разрастающейся гидры коммунистического мятежа на Западе, несомненно, уже теперь "гниущем", но тем более заразительном и способном сокрушить еще многое предсмертными своими содроганиями" [10, с. 417–418].

Летом 1914 года в брошюре "Русский Монархический союз и расширение его деятельности по основам Высочайшего рескрипта 30 января 1914 года" практически теми же словами описано "положение нашего отечества – центральное – между пробуждающимся полу-миллиардным, с одной стороны, населением Востока, стесненным на своей территории, а с другой – с сильными государствами Запада, тоже переполненными населением и нуждающимися в расширении своих границ" [15, с. 424].

Такая ситуация должна вынудить Россию "избрать одно из двух: или стать молотом настолько сильным, чтобы сковать Восток и Запад, или же, в качестве наковальни, став ареною постоянных кровавых событий, – отдать себя на растерзание, то есть утратить свою государственную цельность. Иного исхода нет: никакие дипломатические хитросплетения и увертки не в состоянии предотвратить событий, вытекающих из того побудительного требования, что "людям надо есть"" [15, с. 424].

Обращаясь к геополитическим задачам России, Тихомиров писал, что "государство должно... охватить естественными границами все пространства, которые дают нации возможность добывать достаточно разнообразные продукты и перерабатывать их. В тех государствах, для которых особенно важное значение имеет море и сношения с дальними странами, в государственную территорию должны быть включаемы иногда очень дальние клочки земли или острова, необходимые как опорные пункты для морских сношений. Все эти условия требуют не только естественности границ, но также их законченности" [25, с. 652]. Волновала его и Азия (в первую очередь, Китай [23, 24, 28]). Он активно поддержал миссионерскую деятельность православной церкви в Японии и лично поспособствовал ей, поддерживая длительную переписку с архиепископом Николаем Японским (в миру – И.Д. Касаткиным), оказывая ему различные услуги [26, 27].

Николай Японский в своих дневниках тепло упоминал о Тихомирове. В одном из писем Тихомиров выражал желание "завязать сношения с каким-либо православным японцем, знающим русский язык, и предложить ему "писать статьи о Японии в видах сближения православных обеих наций"" [3, с. 388]. Комментируя это письмо, о Николае позитивно оценил интерес Тихомирова, которого характеризовал как "добраго друга" [4, с. 471] и отметил, что нужно "принести ему искреннейшую благодарность за участие к делу Японской Православной Миссии" [3, с. 388]. В результате последовал перевод брошюры Тихомирова "Христианские задачи России и Дальний Восток" на японский язык. Между Николаем Японским и Тихомировым завязалась переписка, а Лев Александрович оказал православной миссии поддержку, заслужив признательность о. Николая: "Спаси, Боже, Льва Александровича Тихомирова, при каждом случае заявляющего свое сочувствие Миссии и много этим помогающего ей!" [4, с. 699]. Тихомиров высказал мысль "основать в Москве Японское подворье", которую архиепископ Николай охарактеризовал, как "очень дельную", поскольку "подворье было бы родным домом для японских студентов, обучающихся в Академиях; а для русских оно было бы местом, где они могли бы знакомиться хоть несколько с японским христианством не по слуху, а на деле" [3, с. 753].

Задолго до этого Леонтьев тоже писал, что у присоединенных к России народов "охранительные начала крепче", и подчеркивал государственное значение не столько русификации, сколько религиозной проповеди, то есть миссионерской деятельности: "Не только русский верующий, но и японский прозелит должен желать блага Русскому государству, как наилучшей все-таки опоре Православия" [10, с. 343].

Вспоминая впоследствии о своих проектах, Тихомиров отмечал уже в 1916 году: "Роясь в бумагах, нашел эту тетрадь. Это была когда-то книга моих упражнений в китайском языке. Рой воспоминаний охватил меня. Далее

кое, невозвратное время!.. Я нашел две тетради: одна – упражнения по японскому языку, другая – вот эта самая – по китайскому. Уничтожить первую – не поднялась рука... Я занимался китайским языком еще до боксерского восстания. А эту тетрадь пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий был только что рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную Китайскую Церковь. Я тогда мечтал, коли Бог поможет, съездить к нему, чтобы посмотреть лично на этот новый росток Православия и помогать потом Иннокентию отсюда с той смелостью, которую дает личное знакомство с описываемыми местами и деятельностью. Увы! С тех пор прошло, стало быть, около 14 лет. Китай, Китай! Где тут думать о Китае! ... А ведь, сколько было светлых и бодрых надежд, зародившихся в царствование Императора Александра III... Я тогда еще более старался для Японии и японский язык почти изучил. Еще немного – и я стал бы уже читать по-японски. Я мечтал сделать, сколько сил хватит, для епископа Николая (т.е. Николая Японского – А.Р.), с которым находился в постоянных сношениях, и для епископа Иннокентия. Цвет русского епископства. Двое таких, подобных которым не оставалось в России. Я мечтал, что Россия дружески сойдется и с Японией, и с Китаем, и что мы на Дальнем Востоке сыграем великую и славную роль... Все смело и уничтожило проклятое время безумной политики, в которой глупость, алчность и бессовестное попираание чужих прав привели к позору и разгрому России и к уничтожению всех надежд на Тихом Океане. После же того – пошли удары за ударами. Теперь мы изгнаны и из славянского мира, изгнаны и с Ближнего Востока... Что тут думать о Тихом Океане, когда и на Западе, и на Юге мы проиграли все свое значение, погубили все дела веков" [2, с. 272–273].

Исследователь Сунь Чжинцин отмечает, что противостояние противников и сторонников идеи "желтой опасности" связано с противостоянием либералов (начиная от В.С. Соловьева) и консерваторов. "Идея "особой миссии России на Востоке" была творчеством лишь русских антизападников, подобных Э. Ухтомскому и А. Суворину", которые "пропагандировали дружбу с Китаем" и "всячески подчеркивали преимущество русского варианта просвещения народов Востока перед западноевропейскими державами..." [19, с. 205]. При этом, Сунь Чжинцин не идеализирует сторонников "особой русской миссии на Востоке", считая, что они, "как и сторонники "желтой опасности", одинаково боялись пробуждения Китая", а их слова о "дружбе" и "союзе" с Китаем – прикрытие "русской экспансии" [19, с. 205].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в оценках внешнеполитических перспектив России консерваторы-геополитики уделяли большое внимание построению правильных отношений со странами Европы и Азии, надеясь, что Россия сможет занять свое особое место между Западом и Востоком, сохранив свою самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянкина В.Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кострома, 2005. – 215 с.
2. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост., автор вступ. ст. и комм. А.В. Репников. М., 2008. – 440 с.
3. Дневники св. Николая Японского. СПб., 2004. Т. 4. – 976 с.
4. Дневники св. Николая Японского. СПб., 2004. Т. 5. – 960 с.
5. Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. – 320 с.
6. Из воспоминаний К.Н. Леонтьева / Публ. О.Е. Майоровой // Лица: Биографический альманах. М.,–СПб. 1995. Т. 6. С. 453–472.
7. Из переписки К.Н. Леонтьева // Русский вестник. 1903. Т. 285. Кн. 1. № 5. С. 157–182.
8. Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб., 1908. – 47 с.
9. Карцов Ю.С. Хроника распада // Архив–музей Библиотека Фонда Русского зарубежья. Ф. 1. М–76 (1).
10. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. – 799 с.
11. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12–и томах. Произведения 1852–1861 годов. Из ранних произведений. СПб., 2000. Т. 1. – 688 с.
12. Милевский О.А. Из истории русско–китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX – начале XX веков // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Философия, история. 1999. Вып. 1. С. 55–57.
13. Милевский О.А. Российская дальневосточная политика конца XIX – начала XX вв. в геополитической проекции Л.А. Тихомирова // Проблемы национальной стратегии. М., 2010. № 4. С. 147–167.
14. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). К., 2006. – 744 с.
15. Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 годы / Сост., автор пред. и комм. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. – 720 с.
16. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. – 520 с.
17. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. – 560 с.
18. Репников А.В., Соловьев К.А. Общественный человек Сигма. "Прогрессивный националист" Сергей Сыромятников // Родина. 2011. № 10. С. 115–120.
19. Сунь Чжинцин Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX веков. М., 2005. – 224 с.
20. Схиммельпенник ванн дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. – 421 с.
21. Сыромятников Б.Д. "Странные" путешествия и командировки "СИГМЫ" (1897...1916 годы): Историко–документальная повесть–расследование. СПб., 2004. – 127 с.
22. Сыромятников С.Н. (Сигма) Опыты русской мысли. СПб., 1901. Кн. 1. – 321 с.
23. Тихомиров Л.А. Вести о Китайском православии // Московские ведомости. 1904. № 181.
24. Тихомиров Л.А. Китай, Россия и Европа // Московские ведомости. 1900. № 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249.
25. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2010. – 752 с.
26. Тихомиров Л.А. Нужды проповедников Японской Миссии // Московские ведомости. 1903. № 180.
27. Тихомиров Л.А. Нужды Японской Миссии // Московские ведомости. 1909. № 223.
28. Тихомиров Л.А. Япония и Китай в Корее // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1050–1053.
29. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. – 796 с.
30. Ухтомский Э.Э. Перед грозным будущим. К русско–японскому столкновению. СПб., 1904. – 28 с.
31. Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. – 87 с.
32. Хатунцев С.В. Мотив "китайской угрозы" у К.Н. Леонтьева и "леонтьевские" мотивы в "Трех разговорах" В.С. Соловьева // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 224–237.

© А.В. Репников, (ОООО), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

ПОПЫТКИ КОНСОЛИДАЦИИ МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1906-1917 гг.

ATTEMPTED CONSOLIDATION MONARCHIST MOVEMENT IN 1906-1917 YEARS.

I. Omeliyanchuk

This paper describes the history of the monarchy (Blackhundred) movement in Russia. Considered attempt to organizational and political unification of the monarchical parties and the reasons for their failure.

Keywords: Black Hundreds, conservatism, the Union of Russian People, monarchist congresses.

Омельянчук Игорь Владимирович
доктор исторических наук,
Владимирский
государственный
университет

Аннотация:

Статья посвящена истории монархического (черносотенного) движения в России. Рассмотрены попытки организационного и политического объединения монархических партий и причины их неудачи.

Ключевые слова:

черносотенцы, консерватизм, Союз русского народа, монархические съезды

Революционные события начала XX столетия одним из своих следствий имели возникновение и организационное оформление монархического (черносотенного) движения, представлявшего собой достаточно аморфный конгломерат политических партий и кружков, объединенных стремлением сохранить самодержавие и общей идеологической платформой, выражаемой триединой формулой "Православие, Самодержавие, Народность". К началу 1906 г. стало очевидно, что монархический лагерь, в силу отсутствия организационного единства и тактических разногласий между его лидерами, отнюдь не является несокрушимым монолитом, о который разобьется волна Первой русской революции. Таким образом, на повестку дня встал вопрос о координации усилий правых в борьбе с освободительным движением и их идейном объединении.

Первые шаги в этом направлении сделала Русская монархическая партия, ставшая инициатором объединения черносотенных организаций под эгидой созданного в Москве в январе 1906 г. Всенародного русского союза, в состав которого вошли "общества и партии, исповедующие православную веру, нерушимость самодержавной власти Государя и единство Русской Земли" [8, 1906. 6 января]. В Москве к созданному обществу присоединились Русская монархическая партия, Кружок москвичей, Общество хоругвеносцев, Добровольная народная охрана, Сусанинский кружок, Общество русских патриотов, Кружок русских студентов, Союз законности и порядка, Союз землевладельцев, Московский отдел Союза русского народа (СРН), Союз русских людей [8, 1906, 12 января], Кружок дворян и Кружок имени Александра III, а в Санкт-Петербурге – "Русское собрание", Петербургский

отдел СРН и Русская партия народного центра [9, л. 173], а также Астраханская народная монархическая партия, Ярославский отдел СРН, Курская Народная партия порядка, Орловский кружок законности и порядка, Одесский отдел "Русского собрания" и Владимирский патриотический союз [14, с. 655].

Чтобы не отталкивать потенциальных союзников, устав Всенародного русского союза, зарегистрированный 26 августа 1906 г. содержал только самые общие положения, которые не могли бы вызвать споров между различными правыми организациями на почве идеологии:

а) Манифестом 17 октября не введена конституция, и самодержавная власть остается в силе.

б) Россия составляет одно нераздельное целое под властью Неограниченного Самодержавного Царя.

в) Ни под каким видом или наименованием не должен быть допущен созыв учредительного собрания" [9, л. 168]. Но даже такое весьма условное объединение монархических организаций оказалось нежизнеспособным. Уже 30 ноября 1906 г. Департамент общих дел МВД отменил: "Всенародный русский союз в настоящее время приостановил свою деятельность" [9, л. 181].

"Русское собрание", сосредоточившее в своих рядах лучшие интеллектуальные силы монархистов, попыталось провести объединение правых на более прочной основе. 6–12 февраля 1906 г. в Петербурге был проведен съезд этой организации, в котором приняли участие и другие монархические союзы. Съезд принял платформу

соглашения с другими партиями и наметил форму объединенных местных организаций. "До тридцати союзов с отделами объединились. До полумиллиона русских людей стали под знамя, на котором начертаны слова: "Национальное освобождение России!", – писал один из лидеров "Русского собрания" Н.А. Энгельгарт об итогах первого форума правых [21, с. 194]. В резолюции съезда отмечалось: "Установленная съездом живая связь [между монархическими организациями] должна продолжаться как в виде одной постоянной общей организации и постоянных учреждений на местах, так и в виде периодических всероссийских съездов уполномоченных всех организаций" [14, с. 126]. Для поддержания этой связи один из лидеров "Русского собрания" Б.В. Никольский предложил провести агитационную поездку по стране небольшой "группы ораторов" с целью "ознакомиться с организациями на местах, оживить повсюду единомышленников интересными и красноречивыми сообщениями, дать их вожакам руководящие указания" и "объединить всех в общую для России организацию на почве уже готового устава". По мнению Б.В. Никольского, "завязанные на местах сношения будут первыми нитями для руководства всею массой объединенных организаций, как при новых выборах, так и вообще при выработке общественных деятелей, политических традиций и партийных приемов" [3, л. 1, 2].

Спустя два месяца состоялся Всероссийский съезд Русских Людей, местом проведения которого была избрана Москва. На нем присутствовало 300 человек в составе 51 делегации. Кроме того, 19 местных организаций прислали съезду свои приветствия [7, с. 410]. Этот съезд не решил проблемы объединения правых, но, тем не менее, был заложен фундамент для следующего III съезда Русских Людей, который проходил в Киеве с 1 по 7 октября 1906 г. (первым стал считаться съезд "Русского собрания"). На этом съезде присутствовало уже 450 депутатов, входивших в состав 72-х делегаций [7, с. 418]. В своих выступлениях Б.А. Пеликан, С.А. Чернышев, В.Г. Орлов, В.М. Пуришкевич, ссылаясь на опыт политических противников, настаивали на объединении правых [19, с. 45–51]. Соглашаясь в целом с этими предложениями, представители многих организаций понимали это объединение по-своему. Так, председатель Харьковского отдела "Русского собрания" А.С. Вязигин утверждал: "Сплотиться в организованную партию какого бы то ни было наименования, совершенно невыносимо для русского человека по принципу" [19, с. 51]. В.М. Пуришкевич также считал, что объединяться "в одну организацию" монархистам "еще преждевременно", и предлагал "сгруппироваться вокруг имеющихся трех центров: интеллигентные силы вокруг Русского Собрания, а остальные вокруг Союза Русского Народа и Всенародного Русского Союза, но с тем, чтобы центральное Управление не давило на местные организации" [19, с. 166].

На съезде все же было принято решение о создании координационного органа правых – Главной управы Объ-

единенного Русского Народа. В нее вошли А.И. Дубровин от СРН, М.Л. Шаховской от "Русского собрания" и кооптированный ими протоиерей И.И. Восторгов, представлявший Монархическую партию и Всенародный русский союз [7, с. 420]. Но так как не все организации согласились беспрекословно подчиняться единому центру, то было решено, что "деятельность управы не должна носить властный характер, сообщаемые ею местным организациям предположения исполняются последними только в случае, если они ими одобрены" [19, с. 184]. На местах создавались аналогичные коалиционные объединения – губернские управы. После недолгих прений делегаты съезда "наиболее целесообразной" признали программу СРН, постановив, что она "должна быть разослана для ознакомления с нею всем единомышленным организациям, в надежде, что они сами постепенно к ней присоединятся" [19, с. 186].

IV съезд Объединенного Русского Народа, вновь проходивший в Москве с 26 апреля по 1 мая 1907 г., был наиболее представительным. На нем присутствовало уже 800 делегатов [7, с. 422]. На съезде было решено, что "ввиду преобладающего значения СРН... союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций" [7, с. 425]. Чтобы сделать более привлекательным объединение с СРН, всем организациям, вступающим в Союз, разрешалось сохранять свои названия и уставы. При этом в своей деятельности Главный Совет СРН должен сообщать "свои решения и предложения своим отделам к исполнению, а другим монархическим организациям лишь к сведению, предоставляя им свободу присоединяться от своего имени к действиям СРН" [18, 1907. 25 мая]. Получив такой карт-бланш, Союз начал постепенно занимать доминирующее положение в областных управах Объединенного Русского Народа. Этому способствовало вхождение в состав СРН целого ряда региональных монархических организаций, часть которых сохранила свои названия и уставы.

5 июня Николаем II на имя А.И. Дубровина была отправлена телеграмма со словами: "Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка" [6, с. 389], после которой, по словам В.М. Пуришкевича, председатель СРН "закусил удила, возомнил о себе невесть что" [1, с. 434]. Получив монаршее одобрение, А.И. Дубровин решил упрочить свое положение в правом лагере и от имени Главного Совета СРН разослал на места циркуляр с предписанием составлять губернские Управы Объединенного Русского Народа из 12 представителей Союза и 2 от остальных монархических организаций. Это вызвало недовольство последних, и в адрес председателя СРН посыпались обвинения в самовластии. Так 30 июня 1907 г. собрание всех киевских монархистов признало, что подписанный А.И. Дубровиным документ "заключает в себе явные признаки психического недомогания" и что "созданная якобы для объединения, так называемая, гу-

бернская управа Объединенного Русского Народа, в Киве принесла не объединение, а разъединение". Аналогичную позицию заняло "Русское собрание". Его представитель Б.В. Никольский писал: "Надо распространить пошире постановление киевлян, наглое самоуправство союза должно быть прекращено". А.И. Дубровину даже пришлось извиняться "за неясность циркуляра, произошедшую от редакции Секретаря Главного Совета" [17, с. 129–130]. Но это был лишь тактический маневр – в июле 1907 г. съезд председателей отделов СРН принял решение превратить местные коалиционные Управы в Губернские Советы СРН, поставив ассоциированные с Союзом региональные организации перед выбором: либо окончательно влиться в СРН, либо пытаться противостоять революции в одиночку, рискуя оказаться на обочине политического процесса.

Против организационной экспансии СРН выступили и московские монархисты. Их лидер И.И. Восторгов в декабре 1907 г. выдвинул свой проект объединения правых сил, согласно которому монархический лагерь должен возглавить реанимированный для этой цели Всенародный русский союз, уже более года бездействовавший. А.И. Дубровину И.И. Восторгов предложил следующее: "1) Признайте Всенародный Русский Союз и всем отделам разрешите в него входить, 2) председателя в нем нет по уставу. И, следовательно, ваш престиж не пострадает, 3) совет Всенародного Русского Союза собирается раз в

месяц. Вы будете приезжать на это собрание (как бы маленький съезд) и Вас будут избирать председателем" [17, с. 130]. Но этот проект А.И. Дубровиным был отклонен.

Пытаясь объединить правый лагерь, СРН в конце 1907 г. сам пережил раскол. Во время избирательной кампании в III Думу умеренная часть Союза, возглавляемая В.М. Пуришкевичем и И.И. Восторговым, согласилась "с предложением бюрократии проводить в Государственную Думу октябристов" [14, с. 577] (то есть вступить с ними в предвыборную коалицию). Главный Совет СРН во главе с председателем А.И. Дубровиным, в ответ запретил отделам СРН вступать в блок с "партиями, стремящимися к ограничению Царского Самодержавия" и отказался от использования на выборах правительственных денег, "так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза Русского Народа октябристскую Думу" [4, л. 11, 11 об.]. Тактические разногласия, были усугублены личным конфликтом между председателем СРН А.И. Дубровиным и его молодым, амбициозным заместителем В.М. Пуришкевичем, также претендовавшим на лидерство. Следствием этого стал выход последнего из СРН и создание новой партии – Русского народного союза имени Михаила Архангела (СМА).

Летом 1908 г. в СРН обозначилась линия идеологического разлома. Входящие в состав Союза представи-

тели высших слоев, в первую очередь, помещики, образовали так называемое "обновленческое" течение, примирившееся с существованием третьеиюньской политической системы, символами которой стали Государственная дума и аграрная реформа П.А. Столыпина. Эту группу возглавляли члены крайне правой фракции Думы Н.Е. Марков 2-й и С.А. Володимиров. К ним примкнул и В.М. Пуришкевич. На противоположной стороне оказались входившие в состав СРН представители низших сословий (крестьянства, мещанства, пролетариата), а также часть интеллигенции. Характерной чертой этого течения стало неприятие третьеиюньской политической системы, в частности, Государственной Думы, являющейся ее институциональным выражением. Лидером этого течения стал А.И. Дубровин.

Летом 1909 г. сторонники Н.Е. Маркова 2-го, воспользовавшись тем, что А.И. Дубровин покинул Петербург, скрываясь от возможного ареста по делу об убийстве М.Я. Герценштейна, "обновили" состав Главного Совета СРН, добившись в нем численного преобладания (отсюда термин "обновленцы").

Большинство монархистов считало, что раскол в Союзе инспирирован П.А. Столыпиным, стремившимся превратить умеренную ("обновленческую") часть Союза в лояльную к власти партию парламентского типа, а крайне правую – в политических маргиналов, не способных дестабилизировать режим "думской монархии". Даже Н.Е. Марков впоследствии утверждал, что П.А. Столыпин "всячески через своих подчиненных поддерживал рознь в Союзе", отрицая при этом, что симпатии главы правительства были на стороне "обновленцев": "По внешности к нам относились хорошо, а в сущности нас уничтожали... в одних городах поддерживали наших, в других – дубровинских, в третьих – третьих [Союз В.М. Пуришкевича]" [11, с. 194, 195].

Однако конфликт в СРН принял слишком широкие масштабы, и П.А. Столыпин поддержал инициативу И.И. Восторгова, выступившего с предложением провести съезд примирения на основе признания правительственного курса и "думской монархии". "Дубровинцы" идею созыва монархического съезда отвергли. Печатный орган СРН – газета "Русское знамя" – писала, что организаторы съезда в действительности направляют свои усилия "не к укреплению, а к развалу Союза Русского Народа" [14, с. 461]. В.А. Балашов утверждал, что "это будет не съезд правых, а подготовленное учредительное собрание приверженцев нового строя" [5, 1909. 147 сентября]. Тем не менее, съезд, в обиходе прозванный "восторговским", все же состоялся, Правда, ожидаемых результатов он не принес – лидеры враждующих фракций СРН съезд проигнорировали.

В начале 1911 г. председатель Одесского Союза Русских людей Н.Н. Родзевич писал: "Вопрос о взаимоотношениях между монархическими организациями, разно-

именными, но тождественными по программе, является в настоящий момент наиболее острым и большим вопросом, волнующим деятелей правого лагеря". По его мнению, "отношения между монархическими организациями не могут быть сведены к подчинению, или еще менее, к слиянию всех организаций с одной, наиболее крупной или наиболее старой". Н.Н. Родзевич предложил свой вариант объединения правых, основанный на принципе соборности – все существующие монархические организации должны быть признаны равными друг другу, а высшим органом, координирующим их действия, должен стать съезд [16, с. 37, 40, 43].

Тем временем, раскол в правом лагере усиливался. Сторонники А.И. Дубровина решили провести свой съезд. В ответ "обновленческий" Главный Совет призвал всех членов СРН "не участвовать в съезде предательского разрушения нашей твердыни" [6, с. 111], а Н.Е. Марков 2-й объявил всех приверженцев А.И. Дубровина "правыми анархистами" [2, 1911. 24 сентября]. Однако съезд, ставший учредительным для новой организации – Всероссийского Дубровинского СРН (ВДСРН) – был проведен в Москве в ноябре 1911 г. Избранный им Главный Совет возглавил А.И. Дубровин. Съездом было принято решение исключить из руководящего органа ВДСРН всех "обновленцев", а также "воспретить отделам Союза сношения с упраздненными членами Главного Совета" [13, с. 3, 4].

На V Всероссийском съезде русских людей (Петербург, 13–20 мая 1912 г.) "обновленцы" предприняли попытку объединить "всех правых русских людей" под своим главенством. С.А. Володимирову была поручена разработка соответствующих предложений. Согласно его проекту, объединяющую роль в правом лагере должны играть съезды Советов монархических организаций, но их постановления не должны являться обязательными для правых партий. Автор альтернативного проекта В.П. Соколов, считал, что все Советы монархических организаций должны избрать из своей среды нескольких уполномоченных для образования Совета Советов, постановления которого обязательны для всех объединяющихся организаций. Предложения С.А. Володимирова и В.П. Соколова рассматривались особой комиссией из представителей СМА, СРН-обновленческого, "Русского Собрания" и Московского монархического союза, но ни один из проектов так и не получил общего одобрения [15, с. 271].

На общем собрании СМА 20 декабря 1912 г. В.М. Пуришкевич признал, что союз с другими правыми организациями нужно заключить, но такой, чтобы СМА, "сохраняя свою полную независимость, мог действовать параллельно Союзу Русского Народа". Н.Д. Облеухов высказался против объединения в рамках одной организации и заявил, что Главная Палата СМА не имеет права подчинять членов своего Союза Советам других монархических организаций. Тем не менее, он согласился, что объединение организаций необходимо, но слишком тесное объ-

единение опасно. Его поддержали Н.А. Гончаров и Н.М. Юскевич–Красковский. На собрании было решено создать комиссию для выработки собственного проекта объединения правых партий, возглавить которую было поручено Н.Д. Облеухову [15, с. 272–273]. Спустя три дня состоялось заседание этой комиссии, на котором были рассмотрены проекты объединения монархических организаций С.А. Володимерова и В.П. Соколова. Признав "многие крупные достоинства" вышеназванных проектов, комиссия не нашла, однако, возможным целиком принять какой-либо из них, предложив свою "схему единения" правых.

Основные положения ее заключались в следующем:

- ◆ права, принадлежащие Советам и общим собраниям отдельных монархических организаций, должны остаться неприкосновенными, а отдельные монархические организации должны сохранить в полной мере свою независимость;

- ◆ главным средством для достижения единения должно являться учреждение постоянного центрального органа в виде совещания председателей, вошедших в общее объединение монархических организаций или их заместителей;

- ◆ Постановления соединенных собраний Советов обязательны лишь для тех монархических организаций, представители которых под этими постановлениями подписались;

- ◆ председательствование как в совещании председателей, так и в объединенных собраниях Советов принадлежит по очереди председателям отдельных организаций или их заместителям;;

- ◆ каждая из объединяющихся организаций принимает какое-либо действие по руководству своими сочленами или по доведению сведения правительства своих суждений и пожеланий в тех случаях, когда она считает желательным и возможным совместное с нею действие других организаций [15, с. 274–275].

Но и этот проект так и не был реализован, и правый лагерь по-прежнему представлял собой конгломерат различных монархических организаций, отношения между которыми далеко не всегда были дружественными. В июне 1914 г. в брошюре Московского Русского монархического союза признавался несомненным тот факт, "что монархисты, образуя по духу и идее единое целое, в то же время весьма слабо согласуются в действиях". "Поэтому не редкость встретить в некоторых, даже небольших городах, по несколько независимых друг от друга монархических обществ, возникших только потому, что несколькими тщеславным лицам, иногда даже крайне неблагоприятным и неподходящим, захотелось именоваться громким титулом "председателя"" – говорилось в этом

издании [15, с. 423].

С началом Первой мировой войны правые отошли от политической деятельности, сосредоточив свои усилия на посильной помощи фронту. Однако военные неудачи 1915 г. и активизация оппозиции, вынудили правых нарушить принцип "священного единения" и вновь окунуться в водоворот политической борьбы (исключением стал Союз В.М. Пуришкевича). В ответ на создание в Думе либерального Прогрессивного блока (август 1915 г.), консерваторы, по инициативе "дубровинцев" Н.Н. Родзевича и председателя Астраханской народной монархической партии Н.Н. Тихановича–Савицкого решили провести монархический съезд, целью которого было бы объединение всех правых сил. Правда, сам А.И. Дубровин считал, что в настоящее время "съезд совершенно бесполезен, особенно при том разногласии и раздорах (из страха потерять корысть), которые поддерживаются в настоящее время". По его мнению, сейчас надо "не шуметь, а тихо (конспиративно) делать свое дело – списаться с единомышленниками... и подготовить все для оказания сопротивления преступному натиску" [15, с. 466].

Но существовавший в правом лагере раскол преодолеть не удалось, вместо общего съезда осенью 1915 г. было проведено два "совещания": в Петрограде (21–23 ноября), организованное сторонниками Н.Е. Маркова 2–го, и в Нижнем Новгороде (26–29 ноября), где собрались приверженцы А.И. Дубровина. "Марковцы" сделали шаг навстречу своим оппонентам, избрав их вождем в созданный на Петроградском совещании Совет монархических съездов, а сам Н.Е. Марков 2–й даже появился на съезде "дубровинцев" в Нижнем Новгороде. Правда, импульс к этому примирению исходил извне, от властей, заинтересованных в объединении правых в качестве противовеса либеральному Прогрессивному блоку. По словам товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого, "боясь разборок на съезде, А.Н. Хвостовым и мною было устроено примирение А.И. Дубровина с Марковым" [10, с. 129]. Однако "дубровинцы", менее склонные прислушиваться к мнению властей, на своем совещании в Нижнем Новгороде, несмотря на присутствие там Н.Е. Маркова 2–го, встречного шага не сделали, и лидер "обновленцев" в созданный на этом совещании Президиум монархического движения введен не был.

Постоянные склоки столичных вождей, мешавшие объединению правого лагеря, привели Н.Н. Тихановича–Савицкого к мысли попытаться объединить монархистов путем налаживания горизонтальных связей между влиятельными провинциальными организациями. 20 марта 1916 г. он разослал телеграммы практически одинакового содержания некоторым региональным отделам правых организаций. Сохранились две из них, адресованные Ростовскому филиалу Монархической партии и Киевскому обществу "Двуглавый Орел". Содержание последней было таково: "Подготовлен решительный натиск на верхнюю власть, молитесь государя не слагат[ь] самодержав-

вия, нельзя отдат[ь] России сумасшедшим, сообщите это Одессу, Кишинев, Херсон, Аккерман, Житомир, Нежин, Витебск, всем киевским. Получение подтвердите" [20, л. 86]. Но и эта попытка объединения правого лагеря не увенчалась успехом.

Правда, в этот период наметилось сближение позиций враждующих течений в СРН: в состав "обновленческого" Совета Монархических съездов были кооптированы "дубровинцы" Н.Н. Родзевич и Н.Н. Тиханович-Савицкий, а сам А.И. Дубровин был избран одним из трех товарищей председателя Совета. Утративший свое значение Президиум монархического движения был упразднен. В течение 1916 г. лидеры обеих организаций не раз выступали с совместными заявлениями в печати и даже намеревались провести общий монархический съезд в Москве, однако до объединения СРН и ВДСРН дело так и не дошло.

Одной из главных причин, обусловивших раздробленность правого лагеря, стала политика П.А. Столыпина, опасавшегося чрезмерного усиления "революционеров справа". Премьер-министр с помощью правительственных субсидий и административного ресурса сознательно препятствовал объединению монархистов, искусственно

внося раскол в их ряды и разжигая рознь между их лидерами. Следователь созданной в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства М.Н. Лебедев на основании изучения документов Департамента полиции сделал вывод, что причиной "вражды" между правыми организациями "являлись субсидии, выдававшиеся правительством этим организациям... Дело в том, что означенные деньги сплошь и рядом расходовались не на нужды Союзов, что вызывало, конечно, постоянно недоразумения" [12, с. 139].

Среди факторов, препятствовавших объединению правых партий, можно назвать также и личные амбиции руководителей правых организаций, претендовавших на роль всероссийских лидеров или не желавших подчиняться таковым. Сыграла свою роль и широкая социальная база монархических партий, затруднявшая выработку единой политической линии, которую поддерживали бы представители всех социальных групп, поддерживавших правый лагерь. Слишком разные цели преследовали ортодоксальный традиционалист А.И. Дубровин и будущий прогрессист А.И. Савенко, волынские крестьяне и бессарабский помещик В.М. Пуришкевич, одесские грузчики из "Союза русского народа" и Петербургский бомонд, представленный в "Русском Собрании".

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
2. Вестник Союза Русского Народа. 1911. 24 сентября. № 68.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 588. Оп. 3. Д. 26.
4. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1.
5. Голос Русского. 1909. 17 сентября.
6. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
7. Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1914.
8. Московские ведомости. 1906. 6 января. № 5.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. 1906 г. Л. 173.
10. Падение царского режима. Т. IV. Л., 1925.
11. Падение царского режима. Т. VI. Л., 1926.
12. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 119–143.
13. Постановления Всероссийского съезда СРН и примыкающих к нему организаций. 25 ноября – 1 декабря 1911 г. в г. Москве. СПб., 1912.
14. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М., 1998.
15. Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. М., 1998.
16. Родзевич Н. К вопросу о взаимоотношениях между монархическими организациями // Мирный труд. 1911. № 1. С. 37–44.
17. Степанов С.А. Черная сотня. М., 2005.
18. Тверское Поволжье. 1907. 25 мая. № 167.
19. Третий Всероссийский съезд Русских Людей в Киеве: Протоколы. Киев, 1906.
20. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 274. Оп. 4. Д. 209.
21. Энгельгарт Н. Черная маска // Мирный труд. 1906. № 2. С. 192–194.

ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ И МОДЕРНИСТСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ XIX-XX ВЕКОВ

TRADITIONAL CONSERVATISM AND CONSERVATISM OF MODERNITY OF XIX-XX CENTURIES

M. Chernavsky

Evolution of conservatism is reflected in change of part and meaning of the state at the context of the social–economical process. Conditionally conservatism could be divided into two type: traditional conservatism (class and religious–monarchic society) and conservatism of modernity (national, civil type of the social organization).

Keywords: traditional society, society of modern, conservatism, traditional conservatism, conservatism of modernity.

Чернавский Михаил Юрьевич

*доктор философских наук,
профессор, ГОУ ВПО*

*"Российский заочный институт
текстильной и лёгкой промышленности"*

Аннотация:

Эволюция консерватизма отражает собой изменение роли и значения государства в контексте социально–экономических процессов. Консерватизм условно можно разделить на два типа : традиционалистский консерватизм (сословное, религиозно–монархическое общество) и модернистский консерватизм (национальный, общегражданский тип социальной организации).

Ключевые слова:

традиционное общество, общество модерна, консерватизм, традиционалистский консерватизм, модернистский консерватизм.

В отечественной и зарубежной исследовательской литературе сохраняет актуальность проблема дефиниции консерватизма в качестве автономной и структурно завершённой системы идей и ценностей. Социально–исторические вариации консерватизма провоцируют мысль о том, что эта идеология не обладает собственным мировоззренческим ядром, а её социально–политические преломления лишь реагируют на внешние факторы. Однако идеальная типологизация социально–исторических эпох, в контексте которых консерватизм развивается, позволяет предположить, что в этой идеологии присутствует инвариантный идейный стержень, остающийся неизменным под воздействием внешних социокультурных обстоятельств.

К базовым принципам консерватизма, сохраняющим свою актуальность во всех цивилизационных и социально–исторических разновидностях, относятся :

- ◆ жертвенно–героическое отношение к жизни, в которой необходимо следовать религиозным и политическим целям (идеализм) ;
- ◆ доминирование политических механизмов управления обществом над экономическими (политический детерминизм) ;
- ◆ общество и его сегменты рассматриваются как органические целостности (социальный холизм) ;
- ◆ природа государства носит религиозно–трансцендентный характер и выражается в фигуре правителя (принцип монархии и вождизма) ;

◆ государственная власть имеет трансцендентные истоки и не может быть подконтрольна человеческим массам (антидемократизм) ;

◆ в обществе присутствует принцип политического, социального и экономического неравенства (идея элитизма) ;

◆ человек нуждается в управлении извне (со стороны семьи, социальной группы, сословия, нации, церкви, государства) [14].

В основе изменений консерватизма лежат, прежде всего, социально–политические трансформации традиционного общества в общество модерна, что выразилось в появлении национального, общегражданского типа государства.

В обществах традиционного типа, в силу объективной неразвитости общественных взаимоотношений, каналы социальной коммуникации функционировали в пределах семьи, рода, общины, сословия, той или иной хозяйственной единицы. В традиционном обществе идеологические функции, связанные с контролем, управлением, мобилизацией и активизацией народных масс вокруг решения общих задач выполняла религия. При этом религия эффективно реализовывала свои социально консолидирующие функции в силу инертности социума, обусловленной отсутствием развитой информационной инфраструктуры (средств массовой коммуникации) и крайне низким уровнем подготовки потребителей информации (неграмотность реципиентов).

Чертами традиционного общества выступают :

- ◆ господство религиозных представлений в трактовке реальности ;
- ◆ низкий уровень жизненной активности, связанный с рассмотрением земного существования как этапа для подготовки к потустороннему бытию ;
- ◆ человек воспринимался как составная часть общины, полиса, семьи, рода, клана, касты, сословия ;
- ◆ социальные отношения выстраивались на основе общности происхождения и единства перспектив развития, что влекло за собой жесткую систему социальной иерархии ;
- ◆ политика не воспринималась как особая, независимая от религии сфера бытия социума, а политическая власть трактовалась как одна из форм реализации божественной воли ;
- ◆ натурально-потребительский характер хозяйствования был в большей степени ориентирован на удовлетворение насущных потребностей, а не на рост производства товаров и услуг.

В этой связи стоит солидаризироваться с определением консерватизма как реакции на либерально-буржуазные постулаты эпохи Просвещения и на попытку практического воплощения принципов Великой французской революции. Хронологически возникновение консерватизма связывается с выходом в 1790 году трактата Э. Бёрка "Размышления о революции во Франции" (3), в котором была представлена английская, взвешенно-эволюционная критика французских абстрактно-революционных принципов. Критика идейных установок французской революции была продолжена в 1796 году с радикально-религиозных позиций Ж. де Местром в его книге "Рассуждения о Франции" (8). В политический дискурс термин "консерватизм" вошёл после основания Ф. де Шатобрианом в 1815 году журнала "Консерватор". Вслед за этим консерваторами стали называть приверженцев религиозных принципов и сословно-монархического строя (традиционалистский консерватизм).

В XIX столетии традиционалистский консерватизм выступал за сохранение монархических режимов, ратовал за усиление роли церкви в жизни общества и в процессе принятия политических решений, стремился к обоснованию социального неравенства и сословных привилегий. Консерватизм вступал в конфронтацию с идеей национального государства и с принципом национализма. Он стремился отстаивать принципы сословно-конфессиональной идентификации, блокируя идеи демократического, по сути своей, общегражданского национализма.

Идеология традиционалистского консерватизма являлась выражением интересов тех социальных сил, которые пытались отстоять превалирование религиозных принципов (духовенство) и сословно-политических привилегий (дворянство и чиновничество). От этих сословий проистекала ориентация на христианские ценности, монархию, элитизм, сословность. Консерватизм этого периода выступал против фундаментальных изменений общественно-политического и экономического строя традиционного общества.

В силу экономической весомости позиций феодалов-землевладельцев и значительной роли в общественной жизни католической церкви, консервативная реакция во Франции носила наиболее яркий и последовательно антилиберальный характер. Формирование идейного противовеса либеральным принципам происходило под знаменем католической реакции. Во Франции консервативные идеи были связаны с деятельностью так называемой теократической школы (Ж. де Местр, Л. де Бональд, Л. К. де Сен Мартен, П.С. Балланш, Ф.Р. де Ламенне) (9).

В Германии последовательные, традиционалистско-антилиберальные принципы консерватизма вызревали в атмосфере немецкого романтизма. В концептуально целостной форме они были сформулированы представителями, так называемой, богословской школы (А. Мюллер, К. Л. Галлер, Ф. Баадер, Ф. Шлегель, Ф. Генц) (15). Антипротестантский пафос данной школы во многом обусловил присутствие в немецкой версии консерватизма схоластических мотивов средневековой философии, в соответствии с которыми светские политические положения обосновывались с помощью религиозно-мистической аргументации. Политическая реализация интересов европейских традиционалистско-консервативных сил нашла своё наиболее яркое и законченное выражение в создании в 1815 году системы "Священного союза" на базе Российской, Австро Венгерской, Прусской и Французской монархий как христианско-монархического оплота против либерально-революционных сил.

Своеобразный вариант традиционалистского консерватизма был предложен американской версией консерватизма. Консерваторы Соединённых Штатов предложили решить социально-экономические проблемы через усиление не столько государственного, сколько частновладельческого патернализма. Данные идеи были высказаны защитниками традиционных устоев американского рабовладельческого общества.

Д.К. Кэлхун отстаивал необходимость сохранения патриархального рабовладения, являющегося первоосновой экономики Юга США. Виргинский плантатор Д. Фицхью выдвинул идею реакционного социализма, основанного на союзе рабовладельцев и пролетариата в борьбе против капитализма. Капитализм отдаёт человека на растерзание "свободной игры" экономических сил, что неминуемо приводит к войне всех против всех, а зна-

чит, порождает нищету, лишения и голод. При этом капитализм рассматривался Фицью как ничтожный эксперимент, отступление от магистрального пути развития человечества. Рабовладельческое общество, по Фицью, подобно большой патриархальной семье, заботящейся о рабах. Управление и подчинение в таком обществе осуществляется по канонам домостроя, в соответствии с которыми живут две трети человечества. Правящий же класс должен быть представлен наследственной аристократией, связанной с землей [10].

В России в период правления Александра III многие теоретические положения традиционалистского консерватизма (по возврату к принципам последовательного самодержавия, к идее сословности в социальной политике, к развитию национальных форм в области культуры и быта) нашли своё воплощение в программе, так называемых, "контрреформ" (деятельность К.П. Победоносцева, А.Д. Пазухина, гр. Д.А. Толстого, Т.И. Филиппова). В последней трети XIX – начале XX веков наблюдался идейный расцвет русского консерватизма. Он оформился в стройную, системно завершённую концепцию (Л.А. Тихомиров, К.Н. Леонтьев, В.А. Грингмут, П.Е. Астафьев, Ю.Н. Говоруха–Отрок, Д.Н. Цертелев, С.Ф. Шарапов, В.П. Мещерский, А.С. Суворин, М.О. Меньшиков, С.Н. Сыромятников) [2, 7, 11, 12]. Эти представители консерватизма являлись убежденными противниками западных форм парламентаризма, призывали к ограниченно–косметическим реформам государственного управления с безусловным сохранением самодержавной формы правления и отстаиванием государственной целостности России.

С развитием экономических взаимосвязей между различными регионами планеты, с образованием единых национальных экономик в рамках государств, с распространением форм хозяйственной эксплуатации в промышленных объёмах, с момента создания так называемого общества модерна, главным способом социального управления становится экономическое принуждение и политическое регулирование. В новом типе общества, появившегося в эпоху Просвещения (XVII век) сформировались существующие до настоящего времени социально–экономические отношения и базовые социокультурные принципы восприятия природы человека и сущности социума.

Под понятием "модерн" объединяются экономические (индустриальные), социокультурные (современные) и политические (национально–государственные) черты. Процесс утверждения принципов модерна получил название модернизации, которая имеет, соответственно, экономические, социокультурные и политические преломления.

Определяющими признаками общества модерна являются :

- ◆ создание промышленного типа общества на базе машинного способа производства ;

- ◆ доминирование рационального восприятия сущности социума и природы человека в соответствии с научными принципами, использующими логическую аргументацию ;

- ◆ легализация рациональных принципов контроля граждан за социально–политическими процессами, динамика развития которых воспринималась с позиций теории прогресса ;

- ◆ формой социального взаимодействия являются не непосредственные, внеэкономические отношения, но социально–экономические взаимосвязи, опосредованные произведёнными вещами и функциональными ролями человека в обществе ;

- ◆ статус человека определяется не происхождением, но его местом и ролью в системе общественного производства, что порождает экономически дифференцированную структуру общества.

Религиозное представление о смирении и отказ от активной жизненной позиции в традиционалистском консерватизме не согласовывались с превалявшими на европейском континенте установками эпохи модерна. Эпоха, порождённая промышленным ростом и национально–политическим объединением людей в рамках государств, требовала жертвенно–активного участия человека в преобразовании условий своего материального бытия. Взгляд на человека, рождённый эпохой модерна, был ориентирован на социально–экономическую активность человека, социальных групп, государств во взаимной борьбе за жизненные ресурсы. Религиозная интерпретация человеческой природы в философии консерватизма утратила свою политико–практическую актуальность также в связи с девальвацией религиозных установок в массовом сознании России и Европы. Секуляризация сознания подорвала религиозные доводы в трактовке не только природы человека, но и в понимании устройства общества и мироздания в целом.

Новая форма общности явилась естественным и необходимым периодом в развитии человеческого общества, который начался в эпоху Нового времени, когда на смену средневековым патриархально–религиозным социальным связям пришёл иной принцип мобилизации населения на основе национальной и политической самоидентификации. Прародительницей новой формы социального объединения явилась Великая французская революция, которая уничтожила традиционные патриархально–сословные связи французского общества и провозгласила иной принцип взаимосвязи на основе принадлежности всех членов общества (а не только высших слоёв) к одному гражданству, к одному государству, к одной нации.

Ориентация консервативных сил Европы на сельскохозяйственное производство и исповедование ими прин–

ципов сословности и монархизма превращала традиционалистский консерватизм в крайне неэффективную идеологию, не сумевшую вписаться в доминирующую парадигму модернизации, связанную с развитием промышленного производства и с созданием свободной от сословных барьеров и цеховых ограничений рынка вольнонаёмной рабочей силы. В авангарде развития экономики окончательно утвердилось промышленное производство, на фоне которого ориентация на аграрные способы хозяйствования (пусть даже производственно модернизированные) выглядела глубокой архаикой.

Кроме того, наблюдались процессы уничтожения сословной организации социума. Социально-политическая демократизация привела к созданию нового типа общества, в котором сословное неравенство, предопределённое рождением, было заменено дифференциацией социума по экономическому основанию. Политически статусные позиции привилегированных слоёв традиционного общества (дворянство, чиновничество) были подорваны внедрением нового, парламентско-демократического механизма формирования элиты. Произошла практически повсеместная трансформация монархических империй (Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской) либо в конституционные монархии, либо в республики.

Церковь утратила монополию на авторитетный статус политической и моральной инстанции, обосновывающей социально-политические процессы и задающей ориентиры общественного развития. Наука в глазах общественности не только стала обладать всей полнотой познавательной компетентности, но и явилась базой для пропаганды достижения материального комфорта и экономической эффективности как целей социального развития.

Тем не менее, консерватизм не исчез, он мимикрировал, трансформировав свою социальную базу. Консерватизм стал выразителем интересов широких патристически настроенных групп общества, государственно зависимых слоёв населения, заинтересованных в усилении социально-патронажных функций правительства, а также представителей национальной буржуазии, связывающей рост собственного благосостояния с укреплением политической мощи государства.

Ближе к концу XIX столетия консервативные идеи обогащаются социальными принципами. Консерватизм из элитарной идеологии стремится стать массовым общественно-политическим движением, апеллирующим уже к интересам нации в целом (модернистский консерватизм). Результатом своеобразного компромисса европейских либералов и консерваторов стала Первая мировая война, которая велась под лозунгами утвердившегося государственного национализма европейских наций. Затем консерватизм синтезируется с принципами радикального национализма, порождая этатистские концеп-

ции, утвердившиеся в странах, либо проигравших мировую войну (Германия), либо недовольных полученными в результате победы политическими дивидендами (Италия), либо в странах-аутсайдерах с ущемлёнными национальными амбициями (Австрия, Испания, Румыния, Венгрия, Болгария).

Соответственно, взгляды консерваторов стали сводиться к отстаиванию этатистских положений, в соответствии с которыми государство, путём активного воздействия на экономику, направляет ход экономического развития страны. В консервативной идеологии был сделан упор на постулировании своеобразных черт экономического развития того или иного государства, которое должно стремиться к независимости и самостоятельности. Это выразилось в принципе этатистской автаркии, который был призван обезопасить неокрепшую экономику ряда государств (Германии и России) от международной экономики, где безраздельно господствовали экономически более мощные государства (Великобритания и Франция).

Утрата действенности религиозного дискурса требовала от консервативной мысли трансформации своих идейных установок в сторону заимствования принципов из арсенала уже не теологическо-религиозной, но собственно философской мысли. Консерватизм начал выражать себя уже не в религиозно ориентированной форме католическо-монархической реакции на философию Просвещения, а в виде светских идей национализма и этатизма.

Германия представляла собой классический пример развития по пути модернистского консерватизма. Связано это было с тем, что политически, экономически и национально состоявшиеся Англия и Франция были готовы к реализации как внутри страны, так и на международном уровне либеральных правил выстраивания социально-экономических отношений, связанных с принципами максимальной свободы торговли и конкуренции. Германия же в начале XIX столетия представляла собой политически раздробленную страну, в которой доминировал аграрный способ производства с фрагментарным появлением промышленности. Германия продолжала находиться в процессе национально-государственного становления, которое требовало нелиберальных, политико-силовых методов социального управления, построенных на принципах жёсткого государственного патернализма в экономике и в социальной сфере.

Консервативная направленность общественной мысли подогревалась стремлением немцев объединить разрозненные германские земли в единое государство. Необходимость формирования единого экономического пространства и стремление создать единую немецкую нацию вынуждали следовать консервативно ориентированным политико-властным методам социального управления.

Немецкому консерватизму удалось наиболее успешно преодолеть основную сложность французского и русского консерватизма, связанную с их ретроградными попытками обоснования собственных положений на базе религиозных постулатов. Созданию политической философии консерватизма в немалой степени способствовало стремление к объединению протестантского Севера и католического Юга Германии в рамках единого светского государства. Поэтому в немецком консерватизме появились модернистско ориентированные, собственно философские политические, правовые и экономические концепции, основанные на идеях общегражданского национализма (Г.В.Ф. Гегель, И. Г. Фихте, Ф. Лист, Л. фон Штейн) [4].

В период между мировыми войнами в Европе наблюдалась идейно-теоретическая и партийно-организационная переплетённость принципов консерватизма и национализма. Возникло множество консервативно-националистических идейных течений, которые включились в процесс политической борьбы с целью овладения государственной властью. Консервативные и националистические силы оформились партийно-политически и начали конкурировать за голоса избирателей в рамках парламентских форм политической борьбы.

В Германии 1920–1930 х годов особенно ярко наблюдалось соединение принципов консерватизма, национализма и социализма, выразившееся в феномене так называемой "консервативной революции" (О. Шпенглер, А. Мёллер ван ден Брук, Э. Штадтлер, Э. Юнгер, К. Шмитт, Э. Никиш) [16]. Теоретики консервативной революции призывали к революционному демонтажу либерального режима Веймарской республики и ратовали за реализацию консервативных ценностей, связанных с усилением государственности и национального единения, социально-политическим элитаризмом, государственным социализмом и принципом вождизма.

Русский модернистский консерватизм после революционных событий 1917 года развивался, как правило, в эмиграции, что предопределило его оторванность не только от практики, но и от социальных корней. Он носил преимущественно абстрактно-политический оттенок. Кроме того, послеоктябрьский консерватизм интегрировался, по большей части, в белое движение, которое носило неоднородный идеологический характер, объединяя самые разные антибольшевистские силы – от либералов до монархистов. Осмысление феномена большевизма, а также результатов и перспектив Октябрьской революции 1917 года становится центральной темой послеоктябрьского, эмигрантского консерватизма. Консервативные тенденции в русской эмигрантской мысли просматриваются в следующих идейно-политических течениях.

В евразийстве (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев и др.) присутствовало представление о России как центре Евразии (от Восточной Европы до Централь-

ной Азии (без Японии, Индии и Ближнего Востока)). Евразия объявлялась политико-цивилизационной антитезой Запада, исповедующей принципы самобытности на основе восточного, или "туранского" элемента русской культуры. Постулировался особый евразийский этнопсихологический тип, истоки России усматривались в империи Чингисхана. Евразийцы при этом выступали за сохранение советской системы сильной государственной власти, отстаивали принцип элитизма, при котором руководство страной сосредоточено в руках правящего (как вариант – партийного) слоя. Н.Н. Алексеев провозглашал идеалом ордено-религиозный тип государства, так называемую, "идеократию". Православие рассматривалось евразийцами лишь как интегратор других верований, а в экономике они выступали за сочетание частной и государственной собственности.

Течение национал-большевизма (Н.В. Устрялов, Ю.В.Ключников, И.Г. Лежнев) [1, 6, 13] пропагандировало идею сближения русских патриотов с большевистской Россией. Ими поддерживалось стремление большевиков восстановить единство России и усилить российскую государственность, приветствовались попытки большевиков наладить государственную дисциплину и возродить экономику. Национал-большевиками доказывалась мысль о фактическом сочетании официально декларируемого интернационализма со скрытым национализмом. Н.В. Устрялов полагал, что путём постепенного преодоления большевизма "изнутри" Россия вновь обретает великодержавный облик.

Младороссы (А. Казем-Бек, Н. Арсеньев, Г. Бутаков) отстаивали идею тоталитарной монархии нового типа, провозглашали борьбу с международным капиталом, постулировали мысль о превосходстве белой расы и рассматривали Россию как форпост Запада на пути "желтой опасности". Младороссы восхищались Сталиным, считая, что интернационализм коммунизма эволюционирует к идеям национал-социализма с его вождизмом, новой элитой и диктатурой, поддерживаемой народом. При этом младороссы отстаивали идею социальной монархии, в которой союз Советов и царя выливался в форму органического государства, где сотрудничество классов происходит в рамках национальных основ.

Итак, традиционалистский консерватизм явился выражением интересов и принципов тех сил общества, для которых были характерны религиозность, монархизм и сословность. Носителями традиционалистского консерватизма являлись духовенство, дворянство и чиновничество. Традиционалистский консерватизм выражал собой потребности общественных групп, для которых экономические интересы не являлись доминирующими по сравнению с иными – религиозно-социальными (духовенство) и социально-политическими (дворянство, чиновничество) интересами.

Появление модернистского консерватизма стало

следствием усиления тех социальных сил, которые были заинтересованы в укреплении государственности и распространении идей национализма. Проводниками модернистского консерватизма стали государства, в которых политические аспекты бытия социума доминировали над экономической выгодой. Экономика рассматрива-

лась как средство решения политических задач. Модернистский консерватизм отражал интересы тех социальных групп, потребности которых были напрямую связаны с функционированием государства – чиновничество, промышленная буржуазия, патриотически настроенные средние слои, рабочий класс и крестьянство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris, 1980.
2. Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000.
3. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. London : 1992.
4. Бернацкий М.В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911.
5. Говоруха Отрок Ю.Н. Заметки о прогрессе и цивилизации. (Из посмертных бумаг). М.: 1897.
6. Лежнев И.Г. Записки современника. Т. I. Истоки. М.: 1934.
7. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 1891). М.: 1996.
8. Местр Жозеф де Рассуждения о Франции. М., 1997.
9. Мишель А. Идея государства. Критический очерк истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. СПб, 1903.
10. Согрин В.В. Мир американских рабовладельцев : Кэлхун, Фицхью и др. // Новая и новейшая история. № 5. 1990.
11. Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. Кн. 1. СПб., 1901.
12. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: 1998.
13. Устрялов Н. Национал-большевизм. М., 2003.
14. Чернавский М.Ю. Идеологии либерализма и консерватизма. Люберцы, 2008.
15. Konservatives Denken 1789–1848/49: Darstellung und Texte / Hrsg: L. Elm. Berlin, 1989.
16. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. Muenchen, 1994.

© М.Ю. Чернавский, (chernavsky14@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

GENETIC RESEARCH AND HISTORY OF ANCIENT RUSSIA

V. Dolgov

The article is devoted to the analysis the situation in historical interpretation of the facts of population genetics. Author analyzes the historiographical material in three ways: 1) the relationship of the ancient Slavs with the native Finnish population of Eastern Europe, 2) The role of genetic research in solving the "problem of Norman", 3) The issue of genetic influence of the Mongol-Tatar "igo".

Keywords: Ancient Russia, population genetics, the Finno-Ugric peoples, "Norman problem," the Mongol-Tatars.

Долгов Вадим Викторович

доктор исторических наук,
ФГБОУ ВПО "Удмуртский

государственный университет"

Аннотация:

Статья посвящена анализу современной ситуации в сфере исторического истолкования данных популяционной генетики. Рассматриваются историографические примеры использования генетических данных по трем направлениям: 1) взаимоотношения древних славян с коренным финским населением Восточной Европы; 2) роль генетических исследований в деле решения "норманнской проблемы"; 3) Вопрос о "генетических следах" монголо-татарского ига.

Ключевые слова:

Древняя Русь, популяционная генетика, финно-угры, "норманнская проблема", монголо-татары.

Важную роль в развитии исследований по истории Древней Руси играет обретение и освоение новых источников. Изначальную основу для работы составили письменные источники. Их анализ растянулся на полторы сотни лет. Когда практически все возможные комбинации были опробованы, наука оказалась перед угрозой застоя. И тогда началась серьезная разработка источников археологических. XX век в отечественной русистике ознаменовался вводом огромного количества новых данных по материальной культуре – и "сбирание мозаики" началось сызнова – уже с учетом археологических открытий.

Надо сказать, археология не в полной мере оправдала возложенные на нее надежды. По-прежнему остаются предметом горячих дискуссий проблема славянского этногенеза и норманнская проблема. Однако в некоторых аспектах древнерусской истории археологи "закрыли вопрос". Так, например, находками советских археологов (В.И. Равдоникаса и др.) совершенно точно доказан земледельческий характер хозяйственного уклада Древней Руси и положен конец "охотничей" теории.

XXI в. преподнес историкам новый подарок – развитие генетических исследований. Исследования в этой области начались гораздо раньше, но именно теперь мы можем видеть обобщенные результаты и анализировать их с исторической точки зрения. Правда, специалисты-генетики оговариваются, что данных по популяциям русских накоплено еще немного. Специалисты осознают все сложности, связанные с исторической интерпретацией генетических данных [1. С. 11].

Между тем, генетические данные все уже исполь-

зуются для построения весьма экстравагантных концепций, в которых "гаплогруппы" плотно перемешаны с "Веселесовой книгой"[8, 9] и прочими сомнительными "источниками". По уровню научности эти построения, увы, близки откровениям А.Т. Фоменко и В.А. Чудинова. Назрела необходимость разобраться, какую пользу историческая наука извлекает сейчас или может извлечь из работ генетиков в будущем.

Известно, что генетическая информация от родителей к потомкам передается как по мужской, так и по женской линии. "Генетический портрет" отдельного человека включает в себя набор как отцовских, так и материнских генов. Но часть генов передается только по мужской, а часть – только по женской линии. По мужской, и только мужчинам, передается в неизменном виде Y-хромосома, по женской – митохондриальные ДНК (мтДНК). Таким образом, все мужчины, относящиеся к одному роду, имеют однотипную Y-хромосому. Роды ветвятся, в них накапливаются мутации, но основа остается общей. "Пучки родственных родов (линиджей)" называются гаплогруппами. Все человечество принадлежит к 20 большим родам (гаплогруппам), которым даны условные обозначения. Ответвления этих родов обозначаются латинскими буквами и цифрами.

Почти в каждом из ныне существующих этносов представлены представители разных гаплогрупп (родов). Но обычно представителей каких-то родов больше. На этом основании гаплогруппы получили условные этнические наименования. Так, среди русских больше всего представителей рода R1a, а, к примеру, у удмуртов – N1c1a.

В приложении к древнерусской истории наиболее любопытные данные вырисовываются по трем направлениям.

1. Во-первых, появилась надежда решить проблему участия финских народов в этногенезе русских. Н.М. Карамзин писал, что многие финно-язычные племена, в древности населявшие территорию России и известные нам по летописным свидетельствам (весь, чудь, меря, мурома), с течением времени растворились в славянской массе – "смешались с Россиянами" [7. С. 45]. Точка зрения о мирном постепенном смешении славянского и финского компонента в этногенезе русского народа стала господствующей в дореволюционной историографии [10. С. 9–16]. Большинство ученых сходились во мнении, что славянская миграция имела характер медленной инфильтрации на финские территории, при которой практически не было военных столкновений ввиду наличия большого количества свободных земель, где пришлые селились, не мешая коренным жителям. Близкое и мирное соседство при явном доминировании славянского населения и русской культуры привело со временем к полной ассимиляции местных племен.

Эта точка зрения, однако, была оспорена в конце XIX века академиком А.И. Соболевским, по мнению которого "теория мирного занятия русскими пустых земель нынешнего великорусского центра не имеет под собою никаких оснований" [10. С. 11]. А.И. Соболевский указывал, что "летописи ничего не говорят о мирных, дружественных отношениях русских к финнам". "Более того, многочисленные письменные известия о походах новгородцев на западную чудь, а владимирских князей на мордву, летописные сообщения об избиении сборщиков дани "за Волоком", в Печере и Югре, северные предания о "чуди белоглазой", боровшейся с русскими, – все это свидетельствует о напряженных отношениях между славянами и иноязычными племенами. По мнению Соболевского, происходило постепенное вытеснение финно-угров с коренных территорий под напором русских соседей".

В развернувшуюся дискуссию было вовлечено большое количество именитых историков, диапазон разброса точек зрения был весьма велик: от утверждения, что русский народ имеет в своем составе едва ли не 80 % финской крови (М.Н. Покровский) до полного отрицания влияния финно-угров на русский этногенез (Д.К. Зеленин). Определенный итог спорам был подведен в фундаментальном исследовании Е.А. Рябина, которым была проделана большая работа по анализу и систематизации археологических и иных источников по истории славяно-финских этнокультурных связей.

Детальный разбор археологических данных позволил исследователю утверждать, что культурная и социальная интеграция славянских и финно-угорских племен в конечном итоге открывала дорогу интенсивной физической метисации, прослеживаемой по антропологическим материалам и оставившей след в появлении археологических памятников, для которых характерна не только культура смешанного облика, но костные останки с несколько ослабленными европеоидными чертами [10. С. 242–243].

Современные генетические данные полностью подтверждают вывод Е.А. Рябина. Фундаментальные исследования о генофонде русских проведены сотрудниками Лаборатории популяционной генетики Медико-Генетического Научного Центра РАМН д.б.н. Е. В. Балановской и к.б.н. О.П. Балановским. Результаты показали, что "Гаплогруппа R1a, которая в Европе характерна, главным образом, для славянских популяций, встречается преимущественно в южных и центральных русских популяциях, а при движении к северу ее частота снижается. И, напротив, при движении в том же направлении от южных к северным русским популяциям постепенно нарастает частота гаплогруппы N1c (N3), которая среди всех европейских популяций чаще всего встречается у народов финской и балтийской групп. Такая картина могла сформироваться в результате постепенной славянской экс-

пансии в северном направлении, сопровождавшейся ассимиляцией автохтонных финно-угорских и балтских племен. В каждом следующем поколении очередной шаг миграции предпринимала смешанная популяция, образовавшаяся в предыдущем поколении, и так постепенно при движении к северу исходный "восточно-славянский" генофонд все в большей мере вбирал в себя автохтонные элементы" [2. С. 405]. То есть, академик Покровский, конечно, очень сильно преувеличивал масштабы явления, но метисация действительно имела место быть.

2. Неожиданный сюрприз дали генеалогические исследования рода Рюриковичей. Были изучены "генетические портреты" нескольких его современных представителей. Совершенно точно доказано, что две основные ветви княжеского – потомки Владимира Всеволодовича Мономаха и Олега Святославича Черниговского не являются генетическими родственниками. Факт этот может считаться бесспорным и не подлежащим сомнению. Следовательно, где-то в глубине веков сокрыта история супружеской измены. И это тоже бесспорный факт. Но чья генетическая линия оказалась "подмененной"? Ответа на этот вопрос нет. Высказываются различные предположения.

Интересная версия была высказана С.С.Алексашиным [1]. По мнению исследователя, исконной гаплогруппой рода Рюрика была "славянская" R1a1, а условно "скандинавская" появилась в ветви мономашичей постольку, поскольку сын Всеволод был рожден женой князя Ярослава Мудрого Ингигерд не от него, а от скандинавского конунга Олава Святого. Контакт это произошел тогда, когда Олав приезжал погостить на Русь. Многочисленные указания на взаимные нежные чувства, которые испытывали Ингигерд и Олав, содержатся в сагах. Таков, по мнению С.С. Алексашина, источник гаплогруппы N1c1a в этом ответвлении Рюрикова рода.

Версия эта, однако, имеет немало уязвимых мест.

Во-первых, супружеская измена – дело темное. Мы знаем о трениях между Ярославом и Ингигерд. Но как там все складывалось у Олега – мы не знаем. В семье князя, существенную часть жизни проведенного в бегах, тоже могли происходить всякие случаи. Измена могла вкратце в генеалогическую цепочку и до этой развилки. Оказаться рогиносцем мог и скандинавский конунг Рюрик, и подозрительно поздно обзаведшийся детьми Игорь Старый, и князь-странник Святослав, приживший ребенка, как известно, от рабыни. Согласно ПВЛ, Рогнеда назвала Владимира "робичичем", но точно ли она имела в виду мать князя? Почему Владимир так разгневался? Может, это был намек на иные обстоятельства?

Ответов на этот вопрос мы, скорее всего, никогда не получим.

Во-вторых, гаплогруппа R1a1 именуется "славянской" лишь условно. Конечно, она наиболее распростра-

нена именно у славянских народов (50–60 % населения являются ее носителями). Но у современных шведов и норвежцев носителей этого генного набора около 20 %, что тоже немало. Кроме того, та же гаплогруппа весьма распространена среди индийских брахманов и у таджиков [5].

С той же степенью условности группу N1c1a можно считать "скандинавской". Наиболее "чистыми" ее представителями являются удмурты (68 %) и финны (61 %) [4]. Среди шведов представителей этой гаплогруппы меньше, чем "славянской" R1a1 (9 против 19) [12].

Таким образом, генетика ясности в обсуждаемый вопрос, увы, не добавила. Этнос – не биологическая целостность, а социо-культурная. Рюрик мог иметь любой набор генов. О его национальности нам это ничего не скажет.

3. Третий блок вопросов связан с историей монголо-татарского ига. Согласно генетическим исследованиям, среди современных русских процент восточно-евразийских гаплогрупп не выше, чем у других европейских народов, и составляет не более 1–2 %. У современных казанских татар он тоже невелик – около 10 % [3. С. 299].

Сами исследователи оценивают это факт осторожно: "оставим историкам и поэтам оценивать эти события" [3. С. 299].

Но откликнулись, как обычно, не историки, а дилетанты, которые сочли указанный факт "дополнительным свидетельством" в пользу "теории" академика Фоменко об отсутствии татаро-монгольского ига. Логика неспециалиста понятна. Если бы современный читатель около-исторической литературы состоял на службе у хана Батыея, он бы, безусловно, с удовольствием насилывал бы представительниц всех покоренных народов и набивал себе карманы. Впрочем, будь у Батыея такое войско, он не вышел бы за пределы собственных пастбищ.

Между тем, письменные источники не фиксируют массовых изнасилований, хотя есть весьма подробные описания действий монголов на захваченных территории-

ях. В "Хронике" Фомы Сплитского [11. С.117 – 121] есть даже целый раздел "О жестокости татар", но среди весьма подробно описанных жестокостей сексуального насилия нет. Воин в походе, безусловно, при случае мог совершить такое насилие, но массовые и регулярные половые контакты завоевателей с представительницами покоренных народов вряд ли были возможны: дисциплина в монгольском войске была железной. Если бы монголы поселились среди русских, ситуация, конечно, была бы иной. Но территория постоянного базирования монголо-татарских орд находилась за тысячи километров от русских земель: постоянные связи не могли установиться.

Помимо указанного, есть еще несколько важных обстоятельств.

Во-первых, если насилие происходило, то теоретически возможно оно было только в захваченном городе во время разграбления (а не на марше). Но после названных "процедур" население города уничтожалось (например, Рязань), и насилие в любом случае не могло существенно повлиять на генетику. Собственно, едва ли не единственное упоминание о таковом в русских источниках содержится в Тверской летописи именно в отношении населения уничтоженной Рязани (татары, прежде чем уничтожить Рязань, "люди изсекоша, мужа, и жены, и дети, и чръница, и чрънорызца, иереа, овыхъ огнем, а иных мечемъ; поругание чръницамъ, и попадамъ, и добрымъ женамъ, и деицамъ предъ матерями и сестрами. А епископа же ублюде Богъ, отыха въ то время прочь, егда татарове

городъ оступиша. И изсеше люди, а иных пленивше, зажгоша градъ") [6. С. 120]. Выжить в такой ситуации могли только те, которых увели в полон. Но полоняники влияли уже на генофонд завоевателей, а не покоренных.

Во-вторых, собственно монголы в войске Батыя и его преемников не составляли большинства. Монгольской была знать, простые же воины принадлежали к разным кочевым племенам. Существенную часть ордынских войск составляли печенеги. По лингвистическим данным, потомками печенегов являются современные казанские татары (татарский язык относится к кыпчакской ветви тюркской языковой семьи), генетическая "физиономия" которых гораздо ближе к русской, чем монгольская.

Таким образом, массовое смешение русских с монголами – не более чем досужая фантазия энтузиастов – не имеет подтверждения в исторических источниках.

Вывод из сказанного напрашивается, в общем-то, банальный: данные генетических исследований должны использоваться в комплексе с данными нарративных и археологических источников. Вне системного подхода любой источник (в том числе и генетика) не может служить каналом достоверной информации. Абсолютизация генетических данных – прямой путь к заблуждениям и шатким гипотезам, которыми полна еще только зарождающаяся междисциплинарная отрасль – "историческая генетика".

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин С.С. Современные геногеографические исследования родословной Рюриковичей посредством генетического маркера Y-хромосомы // Скандинавские чтения 2008 года / Сост. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 72–88.
2. Балановская Е.В., Балановский О.П. Генетические следы исторических и доисторических миграций: континенты, регионы, народы // Вестник ВОГиС, 2009, Том 13, № 2. С. 401–409.
3. Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на русской равнине. М., 2007.
4. Гаплогруппа N (Y-ДНК) URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_N_\(Y-ДНК\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_N_(Y-ДНК)) (дата обращения: 1.12. 2011)
5. Гаплогруппа R1a (Y-ДНК). URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_\(Y-ДНК\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_(Y-ДНК)) (дата обращения: 1.12. 2011) (дата обращения: 1.12. 2011)
6. Из Тверской летописи // БЛДР. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 1997.
7. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 1. М.: Московский рабочий, 1993.
8. Максименко Г. К вопросу о Князе Бравлине и связанными с ним историческими событиями. (В дополнение к теме: "Гаплотипы южных и балтийских русских славян: четверо племен?" А.А. Клёсова, из неизвестных страниц истории) // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Научно-публицистическое издание Российской Академии ДНК-генеалогии. Издательство Lulu inc., 2009. С. 816 – 820;
9. Максименко Г. Как сочетается информация в славянских ведах с последними изысканиями в области ДНК-генеалогии? "Велесова книга" – веды славян. // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Научно-публицистическое издание Российской Академии ДНК-генеалогии. Издательство Lulu inc., 2009. С. 855 – 870.
10. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997.
11. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997.
12. Distribution of European Y-chromosome DNA (Y-DNA) haplogroups by country in percentage. URL: http://www.eupedia.com/europe/european_y-dna_haplogroups.shtml (дата обращения: 1.12. 2011)

О ЧЁМ МОЛЧИТ "ХРОНИКА ГОРОДА ФАЭНЦЫ"

Ковалева Марина Вячеславовна

кандидат исторических наук,
ФГОУ ВПО "Госуниверситет – УНПК",
г. Орел

WHAT " THE CHRONICLE OF THE CITY OF FAENZA " IS KEEPING SILENCE ABOUT

M. Kovaleva

The classical version of siege of Faenza in 1500 – 1501 years by armies Cesare Borgia on the basis of the chronicles of Venice, Florence and Forli is reconsidered in this article.

Keywords: History of Italian Renaissance, sir, Faenza, Borgia, Manfredi

Аннотация:

В статье пересматривается классическая версия осады Фаэнцы в 1500–1501 гг. войсками Чезаре Борджа на основе хроник и документов Венеции, Флоренции и Форли.

Ключевые слова:

история Италии, Возрождение, синьория, Фаэнца, Борджа, Манфредо

Сюжет с осадой Фаэнцы, единственного города, который оказал длительное и героическое сопротивление Чезаре Борджа, герцогу Валентино, во время его военной компании в Романье в 1500 – 1501 гг., приобрёл свою классическую версию в работах историков XIX – начала XX вв. С тех пор она почти не изменялась. Считается, что основные источники по этой теме давно известны, а выявленные пробелы не могут быть заполнены. Между тем, вторичное прочтение давно изданных документов и хроник, а также изучение недавно опубликованных источников, ранее доступных только в рукописях, выявляет ряд отклонений от общепринятой схемы произошедшего.

Одним из основных источников для описания событий, предшествующих осаде, самой осады и её последствий является анонимная "Хроника города Фаэнцы", созданная в начале XVI в. Она включает в себя историю города с начала основания до 1509/1510 гг. При описании осады автор опирался как на предшествующие ему записи, в том числе на несохранившиеся до наших дней монастырские хроники, так и на устные рассказы свидетелей обороны Фаэнцы. Являясь источником происходящего непосредственно с места событий, "Хроника" всегда пользовалась большим доверием у исследователей. Однако в ряде мест она всегда вызывала и вызывает вопросы и оставляет читателей неудовлетворёнными.

Главным героем разворачивающихся трагических событий в "Хронике" становится народ, поднявшийся на защиту своего юного синьора, Асторджо III Манфредо, который олицетворяет сохранение независимости Фаэнцы. Автор поимённо называет многих героев, отличившихся на стенах Фаэнцы и за её пределами, а также предателей, но молчит о политике органов городского управления и "военных заседателей" во время осады, не назы-

вает по имени ни одного должностного лица из их числа. Остается неясно, кто руководит обороной, и где находится синьор. Сам Асторджо показан как фигура маловыразительная, непонятно, почему вызывающая самопожертвование жителей. Перед началом осады он упоминается в тексте "Хроники", когда вместе с "отцами города" ведёт переговоры с мятежным кастелланом фаэнтинского замка, а также совершает инспекционную поездку по окрестным крепостям. Затем о синьоре ничего не сообщается до момента сдачи города, когда по приказу Чезаре Борджа он едет в лагерь завоевателя вместе с незаконнорожденным братом Джованни Евангелистой. "Хроника" молчит, почему завоеватель задержал лишь синьора и его брата, не заинтересовавшись иными представителями правящей династии, а также, почему Борджа спокойно отправился дальше уже на следующее утро после сдачи города.

К неожиданному перевороту в устоявшемся образе синьора Асторджо, как мальчика необычайной красоты, но крайне болезненного и недалёкого, нас приводит изучение "Дневников" венецианского сенатора Марино Сандудо (1466 – 1536). Он, имея доступ к наиболее важным документам венецианского правительства, изо дня в день записывал, дословно или в кратком пересказе, донесения должностных лиц, приходящие из разных уголков владений Венецианской республики, а также принятые по ним решения.

Мы узнаём, что 15-летний синьор Фаэнцы не просто пребывал в "великом страхе" по поводу действий Чезаре Борджа в Романье в 1499 – начале 1500 г., когда сын папы Александра VI приступил к созданию собственного государства, захватив соседние с Фаэнцей Имолу и Форли, но 22 апреля 1500 г. лично поехал на переговоры с Венецианской республикой. Формально Фаэнца как город-государство считалась находящейся под протекто-

ратом Венеции, а её правитель – капитаном на службе республики. Он официально получал жалование, на которое содержал определённое количество вооружённых людей, направлявшихся для участия в военных операциях по первому требованию Венеции. К несчастью синьора Асторджо, его кондотта закончилась 13 декабря 1499г.

По прибытии в Венецию, синьор расположился в доме герцога Феррарского. Для него были подготовлены лодки, но официальные лица для встречи не посланы. С синьором прибыли 5 или 6 первейших горожан, монах и 20 человек свиты. Марино Санудо правитель Фаэнцы понравился. Он нашёл, что тот "красивый мальчик и разумный", к тому же умеет красноречиво говорить, что очень ценилось в эпоху Возрождения. При всех встречах с чиновниками венецианской республики (некоторые специально приходили увидеть необычного мальчика) Асторджо вёл переговоры лично, и при этом все слушавшие его отмечали, что он "использовал хорошие слова", проявлял добрую волю быть слугой Венеции и вообще показал себя "сыном этого государства" (т.е. Венеции). Однако венецианская синьория на его просьбу о продлении кондотты ответила, что не может решить этот вопрос быстро. Тогда синьор, прибыв в коллегию 3 мая, чтобы попросить разрешение на отъезд, задал вопрос, может ли он послать в качестве викария римской церкви ежегодный взнос апостольской камере. Дело в том, что с 1379 г. синьоры Фаэнцы являлись викариями Римской церкви. Хронист из Форли Андреа Бернарди связывает прекращение платежей с небрежением городского совета, проявленным в дни малолетства синьора. Асторджо Манфредо собирался намекнуть Венеции, что может вывести Фаэнцу из-под её власти и тем самым побудить её к желательным для него действиям. Он надеялся, что венецианским чиновникам неизвестно, что переговоры о примирении с папой и об уплате налога его посол безуспешно вел ещё с января 1500 г. Венецианские чиновники, верные своей политике проволочек, ничего не ответили. Они намеревались посмотреть, как будут развиваться события в Романье.

11 мая Асторджо Манфредо вернулся домой. Был собран городской совет, на котором произошло бурное обсуждение складывающейся обстановки и возможных вариантов дальнейших действий. "И тут бедный агнец невинный, сказанный синьор, возвёл свои глаза к небу, как и свои мысли, направив к божественному Величию, прося, чтобы Он захотел удостоить подать ему истинный свет, который он мог бы увидеть, и указал, как лучше для него и для сказанных его людей; чтобы они имели силу защищать его от сказанной великой силы", – пишет Андреа Бернарди. В июне, желая побудить Венецию к более решительным действиям, синьор снова послал гонца, чтобы узнать мнение республики по поводу уплаты налога апостольской камере. Венеция возражений не высказала. В том же месяце Асторджо Манфредо получил отлучение от церкви именно за неуплату взноса апостольской камере. Весть об этом привёз фаэнтинский посол, который "плохо составленными словами просил за своего синьора нашу Синьорию". 13 июня венецианский

посол в Риме сообщил на родину, что такие же отлучения получили синьоры Римини и Пезаро. 26 июня прибыл посол папы: он обвинил Венецию в плетении совместных интриг с синьором Фаэнцы.

В течение августа папские послы пытались заставить Венецию высказать свою позицию в отношении Римини и Фаэнцы. В то же время Асторджо Манфредо не переставал просить республику о защите. В августе фаэнтинский посол сообщал, "что его синьора колеблется государство, и он просит кондотту новую, как захочет Синьория", т.е. на её условиях. 7 сентября старый посол Вадин де Вадини так проникновенно умолял о защите Фаэнцы, что растрогал всех членов коллегии, перед которой выступал. 14 сентября со стороны Фаэнцы последовали просьбы, чтобы венецианский посол в Риме стал посредником в делах между Асторджо Манфредо и папой, а также о предоставлении денежной субсидии. Последняя была обещана. Вероятно, прощупывались и пути примирения через посла, который вскоре ответил, что, по мнению папы, "эта светлейшая синьория не должна потворствовать Римини и Фаэнце". Александр VI заручился поддержкой короля Франции, посол которого, прибыв 21 сентября, просил Синьорию "угодить папе..." Венецианские чиновники ответили, что угождают достаточно.

9 октября вичедомино из Феррары сообщил в Венецию о появлении беженцев из Фаэнцы. Сэр Антонио Соранцо, подеста и капитан Равенны, подтвердил, что они движутся в его город и в Котиньолу. Он же в письме от 21 октября сообщил, что викарий Росси, Федерико да Кузо, был прислан к нему из Фаэнцы, как к представителю Венеции, тайно просить у венецианской синьории деньги и помощь, но он не дал ему ответа. Такое решение было принято подестой потому, что в самой Фаэнце наметился раскол в правящей городской верхушке. Партия сторонников синьора, составлявшая большинство, опиралась на энтузиазм населения города, желавшего защищаться. Меньшую партию возглавлял кастеллан городского замка Николо Кастаньино, который полагал, что сопротивление бесполезно и нужно договариваться с Борджа. Сложилась ситуация, когда "кастеллан не доверяет народу, и народ не доверяет ему..." Кастаньино заперся в замке. В конце октября в город прибыл отчим синьора, граф Гуидо Торелло, с большим отрядом. Его послал на помощь дедушка Асторджо Манфредо – правитель Болоньи Джованни II Бентивольо. Сэр Соранцо сообщил, что граф Гуидо "кастеллану не доверяет очень". 28 октября вечером шпионы синьора услышали, как бьёт копытом лошадь у рavelина замка. Пойдя на шум, они схватили "канцлера герцога Валентино, который вышел из замка"; через некоторое время оттуда же вышли и также были схвачены видные фаэнтинские горожане Гульельмо Темпиан, Уголино ди Ганцо, Вадин де Вадини и казначей синьора Лодовико ди Скарзони. Допрошенные, они признались, что участвовали в заговоре с целью захвата синьора с дальнейшей передачей его и города врагу. Увидев наутро, что дело раскрыто, Кастаньино сдал замок синьору. Он был помещён с родственниками в тюрьму под залог 10000 дукатов. Разъярённый народ разгромил дом кастеллана.

За погромом наблюдали 16 представителей городского совета. Новым кастелланом в замок был направлен "брат синьора именем Джованни Евангелиста с хорошим числом пехотинцев".

В письме от 30 октября Антонио Соранцо сообщил Венецианской синьории о том, что Чезаре Борджа триумфально вошёл в Римини. Он оставил артиллерию на дороге в сторону Санто Арканджело, чтобы идти на Чезену. Утром 1 ноября в Венецию пришло новое письмо от синьора Фаэнцы. Симпатия Марино Санудо к Асторджо Манфредо сохранила нам не только это послание, но и прочие его письма к венецианским чиновникам. Письмо обращено к Августино Барбариго, "светлейшему государю и превосходнейшему господину, ... Божьей милостью облечённому венецианскими правителями властью исполнительной": "Светлейший государь и превосходнейший господин, господин высокочтимый! Для того, чтобы оставаться искренне преданным вашей светлости, тем истинным и вернейшим слугой, никогда ни в какое время не оставленным покровительством вашим, также не пожелайте оставить меня во всём, но в настоятельной необходимости моей окажите признательность с некоторым добрым результатом в возмещении верности и преданности моей, которые ни в каком случае не могут угаснуть. И потому что я уверен в любви вашей светлости, и вашего владетельного государства, а также ради долга естественного, взаимного по отношению ко мне, с величайшей надеждой и верой обращаюсь к светлости вашей, почтительно умоляя со всей горячностью сердечной и силой души, пожелайте снизить в этом неотложном деле подать мне помощь и милость своевременную, для сохранения государства моего, которое во всяком случае всегда во власти вашей светлости, как ваше собственное, так же, как и моя персона. С каковым почтением прошу. Фаэнца, 30 октября, час ночи, седмица, 1500. Светлости вашей почтительнейший слуга Асторжиус Манфредус Фаэнтинский".

В начале ноября подеста Равенны сообщил в синьорию, что Борджа занял Чезену и что его артиллерия состоит из 12 фальконетов, 6 крепостных орудий и кулеврины, стреляющей камнями размером с голову. В то время как горожане Фаэнцы продолжают выражать решимость сопротивляться, а их синьор снова умоляет его передать Венеции просьбу хотя бы о тайной помощи, вожди фаэнтинского контадо, Винченцо и Диониджи Нальдо из Бризигеллы намерены сотрудничать с врагом. Виче-домино из Феррары в те же дни написал, что Пьеро Медичи, изгнанный из Флоренции, посетил Борджа, уговаривая его сначала отправиться на завоевание Тосканы, что заставляет флорентийцев подумывать о помощи Фаэнце. В то же время правитель Болоньи "колеблется очень", а герцог Феррары "для Фаэнцы не собирается сходить с ума нисколько...". 6 ноября из Равенны пришла весть, что артиллерия Борджа "во вторник, 3 числа, как доносят шпионы, движется к Фаэнце, и всем его людям выплачено жалованье". Жители же города "хотя имеют мало хоть какой-нибудь поддержки, не страшатся герцога".

Герцог Валентино начал с захвата замков фаэнтинского контадо. Диониджи Нальдо был послан занять родную Бризигеллу, где часть гарнизона сохраняла верность синьору. В письме Асторджо Манфредо к подесте Равенны Антонио Соранцо говорится: "Как в эту ночь, в 3 часу, прибыли четыре посланца из Бризигеллы, говоря, что господин Геркулес Бентивольо и граф Николо Гуэра с отрядом в 150 конников (под стенами крепости – авт.) выкликнули Диониджи ди Нальдо с недовольством Долины, и сказали, они кричали: "Герцог!" – и люди из крепости кричали: "Асторо!"; и для большей ясности сделали свет, и вся крепость откликнулась. Надеюсь на Господа и его милость подесту, чтобы собраться и разбить врагов, очень прошу о благоволении". В письме от 10 ноября, которое получил из Форли Соранцо, сообщалось о попытке отряда из 700 человек под руководством брата синьора Фаэнцы, Джованни Евангелисты, 8 ноября отвлечь на себя войска Диониджи Нальдо, осаждавшие Бризигеллу. Раздражённый криками "Астор! Астор!", которые издавал отряд с вершины горной возвышенности, Нальдо двинул в его сторону все силы герцога, имевшиеся в его распоряжении – 1500 пехотинцев и конных копейщиков. Противник обратился в бегство. Вероятно, именно этот манёвр дал возможность сторонникам Манфредо вырваться из Бризигеллы и спастись. Благодаря предательству кастелланов, большинство крепостей контадо сдались очень быстро, что предоставило возможность Борджа уже 10 ноября быть под стенами Фаэнцы с, по утверждению одного из его капитанов Гуидо Гуидарелли, 4400 человеками пехоты и конных копейщиков. Ни обстрел пушками, ни попытка переговоров не принесли успеха Борджа в попытке взять город. Начавшиеся снега и дожди привели к дезертирству солдат и невозможности оставаться в лагере. 23 ноября его оставили пушки, 24 – гружёные повозки, затем поднялась пехота, а 26 – "герцог с оставшимися поднялся из лагеря под улюлюканье из этой Фаэнцы". Сам он остановился в Форли, а его люди заняли окрестные города и крепости. Как только это случилось, в Равенну из Фаэнцы снова пришло письмо от синьора Асторджо с просьбой, чтобы Венеция выступила посредником в деле его примирения с папой и уговорила принять его викарием. Письмо синьора дублировалось письмом с той же просьбой от членов городского совета. Одновременно юноша написал Доменико Тревизану, бывшему венецианскому управляющему в Фаэнце и своему опекуну, в котором просил ходатайствовать за него перед венецианской Синьорией. Письма остались без ответа, так как в этот момент Венеция начала ощущать сильное давление со стороны папы. Александр VI желал, чтобы республика предоставила его сыну войска и лошадей для осады Фаэнцы, а также надавила на правителя Болоньи. В награду Венеции предлагалась крупная сумма денег на борьбу с турками. В ответ венецианские чиновники предложили заключить с Чезаре Борджа выгодную кондотту. Протянув время в отношении вопроса о военной помощи, они заявили, что "и его святейшества будет достаточно для Фаэнцы..." Папа организовал изоляцию мятежного города с помощью Франции. Французский по-

сол монсиньор де Транс посетил Болонью, запретив Джованни Бентивольо помогать внуку, а также вынудив его отозвать свой отряд и открыть путь французским войскам, спешившим на помощь Борджа. Он побывал в Фаэнце ради переговоров о сдаче, но не преуспел. Предупреждение французского короля о запрете поддерживать Фаэнцу получили и во Флоренции, вызвав раскол в её политических кругах. Как пишет хронист Пьеро Паренти (1450 – 1519), "некоторые хотели дать помощь, только секретно", так как опасались, что падение города развяжет руки папе в деле водворения обратно изгнанного флорентийского тирана Пьеро Медичи. Однако победила профранцузская партия.

По сообщениям из Равенны сэра Соранцо, жители Фаэнцы использовали зимнюю передышку для укрепления городского замка и возведения в предместье бастиона с воротами и рвами – ответвлениями. Они регулярно делали вылазки в контадо, пополняя запасы. Глава гарнизона города, граф Бернардино да Марцано, в начале января сделал вылазку в сторону Форли, захватив 300 голов скота и 60 пленников на выкуп. В этом же месяце подеста Равенны получил последнее письмо от Асторджо Манфредо с просьбой о помощи.

12 апреля герцог Валентино в 24 часу покинул Форли и отправился к Фаэнце, заблокированной в 20 – х числах марта с целью прекратить вылазки её жителей в контадо. 13 апреля он встал лагерем под стенами города, устроив ставку во францисканском монастыре Оссерванца. Марино Санудо сетует, что монастырь не был разрушен так же, как другие здания в предместье, чтобы "герцог не имел бы, где расположиться". Захват отчаянно защищаемого жителями бастиона позволил врагу поставить в его воротах пушки, сокрушившие часть куртины замка, а затем главную башню. Причиной того, что "герцог, не оставиваясь, бьёт по замку Фаэнцы", было то, что в нём находился наиболее непримиримый отряд защитников города, возглавляемый главой гарнизона Бернардино да Марцано. Там же находились синьор Асторджо с братом. По сообщению Паренти, в городе началось несогласие между представителями городской верхушки, начавшей подумывать о сдаче, и партией синьора, не желавшей сдаваться. "Отчаянные эти" "объединились все в желании умереть за родину, и перешли в одну башню, на которой развевалось знамя с фигурой Мадонны и с окровавленной рубашкой, обозначая их желание биться с врагами. Находились в Фаэнце около 4000 пехотинцев иностранных и около 200 конников. Не могли поверить, что не будет помощи от мессера Джованни Бентивольо и других...". По сообщению из Равенны, у защитников башни было три знамени: белое с мёртвой головой, знамя с девизом и знамя с изображением синьора Асторджо: "Герцог кинул клич по лагерю, что кто снимет первое знамя, получит 200 дукатов, второе – 150, третье – 100". Это предложение вызвало ссору в войсках, кто пойдёт на штурм первым. Генеральное наступление началось в воскресенье, 18 апреля. Наступавшим удалось подняться на укрепления и даже войти внутрь, но с большими потерями они были отброшены обратно. Особенно много

людей потеряли французы, шедшие первыми. Штурм длился более 4 часов. С 19 и до конца 21 апреля войска герцога не прекращали обстрел замка, завалив траншеи бастиона обломками. Вторая попытка штурма произошла, по-видимому, 22 апреля в промежуток между 19 и 24 часами. В начале сражения перевес был на стороне людей одного из командиров Борджа – Вителоццо Вителли, но затем, с огромными потерями с обеих сторон, враг отступил. За вторым без перерыва последовал третий штурм. Паренти пишет, что "была драка ужаснейшая", внутри убитых было около 300, а раненых среди осаждавших – более 800 человек. Соранцо в письме от 22 апреля сообщает, что и после этого горожане "оставались бодрой душой и полны решимости "сдаться скорее дьяволу, чем герцогу", "держаться любым способом".

Неожиданно подеста Равенны сообщил, что 23 апреля "в часу 16 к 17" в лагерь герцога пришли пять человек, между которыми был некий Альбано де ла Клеркия, фаэнтинский горожанин. Они рассказали о разделении в Фаэнце на партию синьора и партию герцога. Борджа тут же ударил по замку, но засевший там отряд не собирался сдаваться, и его защитники кричали: "Эстор! Эстор! Подходите! Канальи!" Герцогу пришлось отступить, но уже 24 апреля в 7 часу Фаэнца сдалась. Паренти тоже упоминает о неких посланных для переговоров четырёх духовных лицах, но полагает, что это был лицемерный ход со стороны осаждённых для прекращения бомбардировок, тем более, что вроде бы как отряду из замка удалось сквозь блокаду снова послать гонцов с просьбой о помощи. Переговорщики якобы просили о сохранении жизни гражданам со всеми их имуществами, а также, чтобы внутрь вошли одни итальянцы, а другие войска герцога не входили. Он также подтверждает, что переговоры были сорваны сопротивлением партии синьора, засевшей в замке, но пугает, полагая, что три страшных штурма произошли после первых соглашений. Против версии стратегической хитрости выступают условия договорённостей: они совпадают по тексту с условиями, на которых действительно был сдан город. Фаэнтинская хроника всю вину за случившееся сваливает на некоего красильщика Гранманте, который якобы показал слабые места укреплений и рассказал о начавшемся смятении среди защитников. Согласно ей, между предательством и решением городского совета капитулировать из-за невозможности сопротивляться, принятого за спиной синьора, который был оповещён через монаха, прошло 8 дней. Затем якобы ещё 4 дня сдача Фаэнцы откладывалась в надежде на помощь. Как видно из донесений подесты Равенны, никакого ожидания не было: городской совет принял решение о сдаче сразу после страшных штурмов, а помощи ждали лишь защитники замка. При этом условия условий были очень выгодными для городской верхушки. О том, что город был сдан раньше замка, говорят следующие факты. В письме от 25 апреля подеста Равенны сообщает о произошедшем обмене заложниками участниками переговорного процесса и о достигнутом соглашении с взаимными клятвами. При этом он отмечает, что "невозможно, что этот синьор" после всего произошед-

шего "сможет продолжать". Паренти подтверждает, что город сдался ранее и сообщает причину внезапного изменения настроений городских властей: это ранение главы гарнизона Бернардино да Марцано, который один мог поддерживать боевой дух солдат. Увидев капитуляцию города, синьор согласился на переговоры о сдаче замка, выдвинув условием сохранение жизни его людей, женщин, его самого и графа Бернардино. Требования были приняты, жизнь синьору обещал Ив де Аллегр, командир французского отряда Борджа, а жизнь Бернардино да Марцано – Вителоццо Вителли. Асторджо Манфредо окончательно согласился не раньше, чем "его лишили любой надежды". Для описания тона, к которому прибегли люди Борджа, чтобы уговорить его, Паренти использует глагол "confortare", имеющий оттенки "побуждать, подбадривать, утешать". Пьетро Бембо в "Венецианской истории" также указывает, что жизнь синьору Борджа обещал не за сдачу города, а за сдачу замка.

По окончании переговоров синьор Асторджо в сопровождении брата Джованни Евангелисты, и ещё неких своих людей в 22 часу вечера был вызван в ставку Чезаре Борджа, "который с ним говорил достаточно". Из донесения флорентийского комиссара Стуфы нам известно, что наутро юношу выпустили к сопровождавшим его лицам, и "пожаловался он скупо своим людям с величайшими обещаниями". Как сообщает неизвестный современник, автор "Феррарского дневника", ссылаясь на письмо, полученное герцогом Феррары в понедельник 26 апреля, в ночной беседе Чезаре Борджа сделал синьору Фаэнцы "царское" предложение: он станет платить ему по 40 000 дукатов в год, если юноша согласится уехать из города и жить в Венеции. Однако Борджа не собирался отпускать Асторджо Манфредо сейчас же. Он и его брат Джованни Евангелиста, оставив своих людей, должны были отправиться с герцогом далее в числе его приближённых. Вероятно, жалобы Асторджо своим людям касались отказа Борджа отпустить его с братом. Они оказались единственными людьми, в отношении которых кондиции не были выполнены. Обещал же юноша, должно быть, своим людям вспомнить о них и призвать их по возможности, как только и если только ему удастся где-то обустроиться, ведь все они, лишившись службы, оставались без средств к существованию. Флорентийский комиссар Стуфа, рассказывая об этой сцене Чезаре Борджа, заметил, отмечая чрезмерную эмоциональность прощания, так как содержания слов синьора Асторджо он не знал: "Я сказал синьору Валентино – он юн разумом".

Как и другие современники, подеста Равенны подтверждает недобровольный характер отъезда синьора

Фаэнцы с Чезаре Борджа из города: "Синьор Астор из Фаэнцы находится возле герцога, и он не отпускает уехать от него, и величайшее выражает благоволение". Благоволение продолжает упоминаться в письмах от 28 апреля, 4 и 7 мая. Андреа Бернарди из Форли также пишет, что "обманул сказанный Чезаре ... и увёл (синьора Асторджо – авт.) в Рим силой к сказанному папе Александру". 19 июня 1501 г. братья были помещены под усиленную охрану в замок Святого Ангела. Вероятнее всего, события, произошедшие с ними в Риме, развивались по тому же сценарию, что и с тещей Асторджо – Катериной Сфорца. Привезённая в Рим после падения Форли, она была заключена в Бельведер под охраной 20 солдат, а после неудачной попытки бежать – помещена в замок Святого Ангела. Через год, в ночь на 6 июня 1502 г., после жестоких пыток и унижений, братья Манфредо убиты вместе с неизвестными, по меньшей мере, тремя своими сторонниками. По-видимому, это были их приближённые, пытавшиеся связаться со своими синьорами. Одним из них был мастро Да Каза их двора. Почти сразу после капитуляции Фаэнцы городские власти начали формировать свою версию произошедших событий, которая приводится уже Андреа Бернарди в хронике Форли под 1503 г. Она рассказывает о том, как они "сохранили за собой так свой город" и "не смогли спасти синьора Астора". Для создания образа самоотверженных "отцов города" из истории осады вымарали все упоминания о расколе в Фаэнце, всё, связанное с отрядом в замке и деятельностью Бернардино да Марцано. Подвергся корректировке и образ синьора. Он превратился в "несчастнейшее дитя, выросшее во времена жесточайшего тигра, питавшегося кровью итальянской знати", фигуру страдательную и лишённую инициативы. В свете формируемой городскими властями Фаэнцы новой версии, молодые синьоры были вырваны из их рук коварным завоевателем обманом и силой. К XVII в. черты наивности синьора Асторджо будут усилены, а его отъезд представлен добровольным выбором. "Хроника города Фаэнцы" правдива в каждом отдельно взятом факте, но, вырванные из контекста происходивших событий и искусно соединённые, они дают частично искажённую картину. Однако, умалчивая многое, она не возводит ни на кого напраслины. Возможно, её неизвестный автор не мог написать о некоторых вещах, так как были живы многие представители городской элиты, участвовавшие в сдаче города, и их потомки. Возможно, он сам стал жертвой уже сложившейся официальной версии, которая в дальнейшем станет господствующей в историографии последующих веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондотта – договор о найме на военную службу.
2. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. Pubblicato per cura di Rinaldo Fulin. – Venezia, a spese degli editori, 1880. – colonna 271.
3. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 259 – 260, 271, 283.
4. Bernardi, Andrea. Cronache forlivesi dal 1476 al 1517 pubblicate ora per la prima volta di su l'autografo a cura di Giuseppe Mazzatinti. – Vol.I., parte II. – Bologna: presso la R. Deputazione di Storia Patria, 1896. – P. 319.

5. Tonduzzi, Giulio Cesare. *Historie di Faenza.* / Giulio Cesare Tonduzzi. – Faenza: Gioseffo Zarafagli, MDCLXXV. – P. 550 – 552.
6. Bernardi, Andrea. *Cronache forlivesi dal 1476 al 1517.* – Vol.I., parte II. – P. 319 – 320.
7. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonna 380.
8. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 399, 403, 421, 543.
9. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 685, 739.
10. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 780, 828.
11. Vicedomino, Visdomino – так назывался временный викарий епископа или эконома, заведующий доходами его церкви.
12. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 908, 913, 940, 966, 986.
13. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 1011, 1014, 1019.
14. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonna 1015
15. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 1019, 1040
16. Диониджи ди Нальдо – капитан на службе Манфреды, перешедший на сторону Чезаре Борджа. Бризигелла принадлежала ему как феодальному владельцу.
17. Долина – долина реки Ламоне, Валь де Ламоне, фазантинское контадо.
18. Astoro – от astore – ястреб. Уменьшительное имя и прозвище синьоров Фазнцы, носивших имя Асторджо.
19. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonna 1049.
20. *La cronica della citta Faenza.* // *Storie del municipi italiani illustrare con documenti inediti notizie bibliografiche e di belle arti da Carlo Morbio.* – Milan: coi torchi di omobono manini, 1836. – P. 249.
21. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonna 1065, 1066.
22. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 1095, 1100, 1114, 1125, 1151.
23. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 1181, 1256, 1293, 1295, 1306, 1319, 1400.
24. Piero di Marco Parenti. *Storia fiorentina.* Vol. II (1496 – 1502) a cura Andrea Matucci. – Firenze: Leo S.Olshi editore, 2005. – P. 413, 426.
25. I diarii di Marino Sanuto. Tomo III. – Colonne 1241, 1269, 1302
26. Куртина – часть ограды между двумя башнями.
27. Piero di Marco Parenti. *Storia fiorentina.* Vol. II (1496 – 1502). – P. 425.
28. Согласно донесению из Равенны, при штурме погибло более 150 человек герцога, по мнению Луки Ландуччи – около 400. См. I diarii di Marino Sanuto. Tomo IV. – P. 23; *Diario fiorentino di Luca Landucci dal 1450 al 1516 continuato da un anonimo fino al 1542 pubblicato sui codici della communa di Siena e della Marucelliana da I. del Badia.* – Firenze: G.C. Sansoni, editore, 1883. – P.221.
29. Piero di Marco Parenti. *Storia fiorentina.* Vol. II (1496 – 1502). – P.426; I diarii di Marino Sanuto. Tomo IV. – Colonna.25.
30. I diarii di Marino Sanuto. Tomo IV. – Colonne.26 – 27; Piero di Marco Parenti. *Storia fiorentina.* Vol. II (1496 – 1502). – P. 426
31. *La cronica della citta Faenza.* – P.255 – 256.
32. Документ об условиях сдачи предусматривал следующие требования: армия герцога не должна входить в город; все жители с их имуществом сохраняют свои жизни и будут ограждены от обид со стороны вражеских солдат и перешедших на его сторону жителей контадо; все военные на службе синьора Фазнцы и его слуги будут отпущены; всё имущество жителей Фазнцы в провинции будет им возвращено; все статуты и декреты, принятые в правление синьора Асторджо, будут в дальнейшем подтверждены; все официальные лица сохраняют свои посты; монеты, имевшие хождение при прежнем правлении, сохраняют ценность; все кредиторы синьора Асторджо (которые давали ему деньги на выплату жалованья солдатам – авт.) получают их обратно из косвенных налогов. О самом синьоре в начале условий сдачи говорилось, что ему и его родственникам должна быть предоставлена свобода отправиться, куда они хотят. Их имущества должны быть им возвращены.
33. I diarii di Marino Sanuto. Tomo IV. – Colonna 27.
34. I diarii di Marino Sanuto. Tomo IV. – Colonna 27.
35. Bembo, Pietro. *Della storia viniziana.* Volume primo. / Pietro Bembo. – Milano: Dalla societa tipografica de` classici italiani, 1809. – P.312.
36. Около 4 часов утра.
37. I diarii di Marino Sanuto. Tomo IV. – Colonna 28.
38. Burchardi, Johannis. *Diarium (1483 – 1506): avec introduction, notes appendices, tables et Index par L. Thuasne.* – Tome truisieme (1500 – 1506). / Johannis Burchardi. Paris: Ernest Leroux, editeur, 1885. – P. 445. Автор благодарит госпожу С. Блейзизен (Италия) за консультации в переводе.
39. *Diario ferrarese dall'anno 1409 fino 1502 di autori incerti.* // *Rerum italicarum scriptores.* – Tomo XXIV. – Mediolani, MDCCXXXVIII. – Colonna 395.
40. Burchardi, Johannis. *Diarium (1483 – 1506): avec introduction, notes appendices, tables et Index par L. Thuasne.* – Tome truisieme (1500 – 1506). / Johannis Burchardi. Paris: Ernest Leroux, editeur, 1885. – P. 445.
41. Bernardi, Andrea. *Cronache forlivesi dal 1476 al 1517.* – Vol. II. – P. 111
42. Клула, И. Борджиа. / И. Клула. – Ростов на Д.: Феникс, 1987. – С.279.
43. Сенешаль. Об источниках, касающихся казни, см. Ковалева, М.В. Гибель синьории Манфреды в Фазнце. / М.В.Ковалева. // *Urbi et academiae.* – №1. – М: Alef–press, 2010. – С. 52 – 53.
44. *La cronica della citta Faenza.* – P. 236 – 237.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО: ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

PROFESSIONAL COMMUNITY: ADDRESSING THE CHALLENGES

V. Adolf, O. Adolf

The purpose of this article – as seen by the author – to give an idea about the complex pedagogical ideas that are at the forefront of cognitive interest in the knowledge society, ideas that are in our education system, enthusiastic institutional and economic changes, unfortunately, little known and in practice ignored.

Keywords: professional community, education, collective interaction, cultural growth, pedagogical ideas, cognitive interest

Адольф Владимир Александрович

доктор педагогических наук,

кандидат физико-математических наук.

Адольф Ольга Константиновна

преподаватель, Красноярский

государственный педагогический

университет им. В.П. Астафьева

Аннотация:

Задача этой статьи – как видится автору – дать представление о комплексе педагогических идей, находящихся на переднем плане познавательного интереса общества знаний, идей, которые в нашей образовательной системе, увлеченной организационными и экономическими преобразованиями, к сожалению, мало знакомы и на практике игнорируемы.

Ключевые слова:

профессиональное сообщество, образование, коллективное взаимодействие, культурный рост, педагогические идеи, познавательный интерес

Для разрешения задач современного образования недостаточно ретроспективных и актуальных взглядов. Требуется перспективный ракурс рассмотрения проблем, позволяющий искать способы их разрешения, исходя из вызовов будущего образованию сегодняшнего дня. Формирование запроса на новые образовательные смыслы требует коллективного взаимодействия, коллективной мыслительной деятельности профессионального (учащиеся, педагоги, ученые, представители производства, власти и бизнеса, практические работники) сообщества. Возникает потребность выявления группового субъекта, способного выразить иное понимание сущности практики образования, осуществлять целенаправленный поиск и находить выходы для разрешения складывающихся ситуаций и противоречий в текущий момент. Особенностью сегодняшней духовной ситуации стало понимание того, что система образования не только определяет непосредственно возможности роста экономики, но и решает вопрос опережающего культурного роста личности, которая будет способна (или не способна) создать экономику, равно как и общество завтрашнего дня. То, что это общество будет обречено использовать знание в качестве главной движущей силы, более или менее ясно сегодня всем. Однако рассуждения по поводу того, что из себя должно представлять образование этого самого завтрашнего дня, у нас все еще отдают дань спекулятивному духу.

Как дети могут лучше мыслить, а педагоги лучше учить мыслить в условиях галолирующего роста и социально-экономической экспансии знания?

– эта проблема радикальным образом акцентирует

внимание к вопросу о динамическом содержании и когнитивно аутентичных методах образования, о том содержании и тех методах, которые способны эксплицировать культурное будущее в сегодняшнем ученике.

Речь идет об особой, генеративной дидактике, об особом когнитивном многообразии личности учащегося. Мы полагаем уместным не следовать модной и разрекламированной европейской идее "практикализации" обучения в угоду рынку, пусть даже и рынку знаний, а дать обучению культуросообразную базу. В конце концов, даже учителя сегодня "хотят быть учителями, а не продавцами в магазине образовательных услуг".

Таким образом, и педагогическая теория, и образовательная практика имеют дело с совершенно новой задачей, идущей от общества, которое вынуждено представлять свое культурно аутентичное сегодня через призму вполне конкретного и отличного от него завтра.

Современная ситуация в образовании определяется как крайне сложная. В настоящее время следует признать, что в сфере образования перестают эффективно работать программы, которые ранее были вполне пригодны. Казалось бы, реформирование образования идет непрерывно, на протяжении уже не одного десятилетия. Значительных эффектов достигнуть пока так и не удается. Да, подготовка подрастающего поколения к взрослой жизни, его социализация, являются важнейшими задачами семьи, школы и государства особенно сейчас в период, когда идет очередная ломка многих устоев и принципов общественно-социальной жизни. Основополагаю-

щая проблема сложившейся ситуации определяется тем, что сегодня отсутствуют понятные способы включения образования в современное общество.

Возникает вопрос, где и как осуществить поиск людей, способных в условиях кризиса традиционализма, возрастающей динамики общественной жизни, развития человеческой свободы взять на себя ответственность за себя, за свое саморазвитие, за инновационное обновление общества.

В современных цивилизационных условиях роль социального института по образованию человека все больше берет на себя открытое образование. А это приводит к смене места, которое занимают образовательные учреждения в "образовывании" человека. Система образования чаще всего вынуждена выполнять свои функции авторитарно, что отталкивает от нее как способных учеников, так и талантливых педагогов.

Как понимать, что образование адекватно запросам времени? Представляется, что необходимо, прежде всего, понять, в чем особенности "этого времени", этого периода общественно-исторического развития? Какова роль, значение, смысл образования на данном этапе? Затруднения такого понимания заключаются в том, что, находясь внутри временного интервала, требуется изыскать возможности описания пространства культуры, в которой осуществляется образование как феномен, строится и действует институализированная система образования, удовлетворяются индивидуальные образовательные запросы. Становится важным определение хронотопа образования, его системной характеристики пространственно-временных параметров как с внешних, так и с внутренних позиций.

Содержательно-качественные изменения в современном обществе на самом высоком уровне отражают глобальный характер эволюции современного человечества и осознание им своего места в мироздании. Глобальные кризисы сопровождаются глубинными кризисами, происходящими в жизни отдельных людей.

Социально-культурные преобразования, происходящие в условиях глобализации, проявляют несоответствие сложившегося образования изменившемуся состоянию общества и положения человека в нем. Современное образование вступило в кардинальное противоречие не только с настоящим, но и с будущим. Не обеспечивая социальные потребности в настоящем, мировая образовательная система сложилась таким образом, что фактически игнорирует будущее, находя свое "комфортабельное" существование в "воспоминаниях о прошлом". Для разрешения обозначенного противоречия образованию требуется придать опережающий характер, а для этого необходимо преодолеть искусственный консерватизм профессионально-педагогической сферы. Взгляд на образование предполагает одновременно нескольких ра-

курсов рассмотрения – как культурного феномена, как личностного достояния, как социально-организованной системы. Образование следует рассматривать не только как индивидуально-общественную форму развития (в системе "человек – социум"), но и как всеобщую мироустраивающую форму, рассматривающую эволюцию всего сопряженного с человеком универсума – социокультурного, природного, космического, антропологического. В этом смысле образование видится, прежде всего, как процесс взаимодействия человека с миром. Уже сложилось понимание одной из важнейших причин кризиса образования, заключающейся в смене культурных эпох (от индустриальной к постиндустриальной). Постиндустриальная культура характеризуется открытостью, развитостью сети коммуникаций, информационной насыщенностью. Она требует от человека готовности к жизнедеятельности в условиях неопределенности, конкуренции, ответственного отношения к себе, к Другому, к Миру, к результатам и продуктам своей жизнедеятельности, к будущему. Признается уникальность человека, его самоценность, а не общественная полезность. Именно человек с его профессиональным ресурсом и творческим потенциалом становится основной производительной силой и субъектом культурной эволюции.

Казалось бы, все просто: смена культурных эпох ведет к смене парадигм образования. Уже существуют вполне успешные попытки описать изменения в различных компонентах парадигм образования (Видт И., Новиков А.М.). Можно считать, что ориентиры обновления облика образования заданы. А качественных изменений не происходит? Возможно, этот облик является внешним, объяснительным для тех, кому он предназначен, а не сущностно-актуальным? Возникает потребность сделать его понятным, принятым теми, кто будет обеспечивать смену образовательных парадигм.

Разработку доктрины образования, моделей его развития следует связать с долгосрочными целями развития страны, региона. К настоящему моменту в рамках государственной политики в области образования разработаны такие концептуальные и программные документы, определяющие стратегические цели и конкретные шаги по модернизации системы образования: Национальная доктрина образования в РФ на период до 2025 года; Проект "Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях"; Проект национальной образовательной инициативы "Наша новая школа". Предполагаемые преобразования носят временной характер и не имеют заданного конечного результата, так как горизонты и границы будущего постоянно изменяются. По своей сути указанные документы определяют ориентиры государственной политики в сфере обновления образования. Возникает вопрос о доставке этих ориентиров конкретным адресатам. Нам представляется, что эти документы должны становиться непосредственным руководством к действию практическим работникам образования, науки и производства. Именно

они призваны взять на себя обязательство стать субъектом эволюции профессиональной культуры специалиста, самоопределившись в новой культуре и созидать ее. Сложность данного процесса заключается в том, что в условиях индустриального общества, когда образ жизни характеризовался относительной стабильностью, практические работники могли ждать от науки, ученых, административно-управленческого персонала разработки новых методических рекомендаций, разъяснений, указаний. В условиях стремительных перемен такое ожидание становится бессмысленным и даже опасным.

Для этого, на наш взгляд, в практике обновления образования в соответствии с потребностями современного общества на первое место выходят вопросы "кто?", "как?" и "чем?" учит. Вопросы "кто?" и "какой?" этот "кто?" становятся ключевыми. Именно "кто?" с определенными базисными ценностями, профессионально-педагогическими позициями, культурными регулятивами может осуществить осознанный выбор того "как?" и "чем?" учить в условиях конкретной образовательной реалии.

Представляется, что такие люди в своем большинстве сидят за партами и готовятся стать "специалистами" будущего. Какие они? Что они должны знать и уметь? Что они могут? На что они могут надеяться? Вот далеко не полный перечень вопросов, на которые нам уже сегодня предстоит найти хотя бы не ответы, а примерные ориентиры.

Для выяснения влияния социализации школьников на основные социальные явления жизни было проведено исследование по следующим направлениям: ценностные ориентации; отношение к религии, браку, здоровью, политике; жизненные планы школьников; оценка школьниками возможности реализовать свои жизненные планы, трудности, ожидаемые ими на этом пути; степень активности, целеустремленности, самостоятельности и волевых особенностей личности испытуемых; отношение старшеклассников к системе школьного образования и их образовательные приоритеты.

Выявлены характерные черты высокосоциализированных школьников.

1. В решениях и поступках наиболее часто и в высокой мере реализуются следующие качества (показатели): умение сотрудничать в группе; представление о способах и путях реализации жизненных планов; знание рыночных реалий; толерантность; умение бегло читать и понимать прочитанное; наличие практических умений (вождение транспортных средств, владение различными инструментами и механизмами, умение шить, вязать, конструировать).

2. Высокая оценка таких жизненных ценностей, как "материальная обеспеченность", "счастливая семейная

жизнь", "успешная профессиональная деятельность", "развитие своих способностей", "авторитет, уважение окружающих", "продвижение по работе", "воспитание собственных детей" и мотивированность на их реализацию.

3. Высокая требовательность к назначению школы, в части показателей, касающихся "давать прочные знания", "оказать помощь в развитии своих способностей", "воспитать умение жить и действовать в современном мире", "подготовить к поступлению в ВУЗ".

4. Высокая оценка своих шансов на овладение выбранной профессией.

5. Высокая ориентация на поступление в университет и высокая устойчивость в профессиональном выборе.

6. Сравнительно высокая уверенность в реализации своих жизненных планов.

Подводя итог, можно констатировать, что воспитание у учащихся смыслов к будущей профессиональной деятельности приобретает явно выраженную прагматическую направленность, что существенно сказывается на их адаптации к новым жизненным ситуациям.

Исходя из этого можно предположить, что профессионально-педагогическое сообщество способно выступить мощным рычагом, обеспечивающим выход образования из любой сложной ситуации, если оно проявит свою предельную субъектность в соответствии с запросами развивающегося общества. Залогом успеха становится коллективная мыслительная деятельность, коллективное взаимодействие, создающее систему переходов от того, что индивидуализировано, к тому, что может быть обобществлено партнерами по коммуникации и, наоборот, от того, что разделяется членами коммуникации, к тому, что может быть освоено индивидуальным субъектом коммуникации. Важно запустить механизмы самоорганизации, имманентно характерные развивающейся культурной эпохе, создать условия для использования внутреннего потенциала самоорганизации профессионально-педагогического сообщества.

Одно из направлений формирования коллективного субъекта, ориентированного на разрешение возникающих в образовательной практике противоречий, можно вычлнить из существующей реальности. Хотелось бы обратить внимание на разнообразные конференции, семинары, форумы, сессии, в которых участвует значительное количество педагогов, ученых, представителей власти, производства и бизнеса. А вот услышаны ли они там? Как и кто организует взаимодействие, управляет процессом коллективной мыследеятельности? Каким образом определяются цели таких событий? Возможны ли переговорные площадки между учеными-теоретиками, учеными-практиками (а такие существуют?), педагогами-исследователями, общественно признанными педагога-

ми-новаторами, "ищущими" и "страждущими" педагогами, административно-управленческим персоналом, представителями государственной власти и бизнеса?

Исходя из поставленных вопросов, нам хотелось бы взглянуть на пленарное заседание осенней сессии Сибирской Открытой Университетской Конвенции, которая вот уже два раза проводилась в г. Красноярске. Представляется, что такая сессия для Красноярского края вполне закономерное явление. В крае накоплен значительный опыт инновационной деятельности в различных сферах экономики. Представляется, что такая сессия способна стать местом переговоров, местом для диалога всех заинтересованных в развитии образования, науки и экономики сторон. Государство, ставя задачи обучать каждого всему, обеспечивать равные возможности и условия, может увидеть важность создания условий для развития дидактической мысли, ограниченные возможности реализации государственных целей в настоящий момент. Представители образовательной практики, производства и бизнеса могут осмыслить свою потребность в переходе на новый уровень теоретических абстракций и увидеть возможности их практической реализации, сформировать соответствующий образовательный (самообразовательный) запрос. Ученые, исследователи могут вычленивать то общее, единственное и отдельное, сущность которых проявляется в многообразии образовательных практик. Сотрудничество может способствовать созданию понятийного аппарата, направленного не только на объяснение процессов, происходящих в разных производственных площадках, но и на обеспечение процесса преобразования этих практик в соответствии с современными тенденциями развития общества, на создание возможностей обеспечить преемственность образовательных реформ, на разработку механизмов адаптации универсальных положений к конкретным жизненным реалиям.

Хотелось бы обратить внимание на то, что на подобных сессиях необходимо изыскивать возможности активного включения практикующих педагогов, ученых, представителей власти, производства и бизнеса в различные виды общения.

Главное видится в поиске способов преодолеть существенный разрыв теории и практики, их взаимное обогащение. После проведения сессий возникает потребность в осмыслении, обработке, интерпретации достигнутых результатов, что предполагает гибкость, конвергентность мышления, движение мысли по "случайным" траекториям.

Плодотворной основой для этого может быть феноменологический подход, являющийся методологической высотой разрешения проблем науки и образования, связанных с саморазвитием человека целостного, помогающий прояснить онтологические основания образования человека целостного, находящиеся в нем самом.

Умение понять новое, вписать его в деятельность профессионального сообщества, сразу отказавшись от уже существующего стереотипа, отражает потребность в новом типе мышления. Достижение значительных эффектов возможно, если изыскиваются способы популяризации и распространения выработанных идей и решений, предполагающие зрелую профессиональную рефлексивность у работников производственной сферы. Для этого нужны люди, способные осуществлять такую деятельность, пространство, которое позволяет заниматься такой деятельностью.

В современных условиях требуется поворот к осознанному поиску группового субъекта, обладающего способностью осуществлять целенаправленный поиск и находить выход для разрешения складывающихся в образовательной и производственной практике противоречий в текущий момент. Выход найден, создана Сибирская Открытая Университетская Конвенция, ее предназначение – постоянное формирование и поиск людей, способных разрешать жизненно важные проблемы образования и науки в контексте современного культурного этапа общественного развития непосредственно на местах, приближенных к практике. Нужно предоставить возможность проектного управления своей деятельностью и результатом своей деятельности. Это позволит не создавать новых административно-хозяйственных структур, а собирать группы людей под выполнение конкретных проектов в заданный интервал времени.

Нам представляется, что высказанные в рамках статьи суждения позволяют в настоящем разглядеть истоки путей движения профессионального сообщества к образованию будущего, отвечая на вызовы времени.

Очень важно своевременно выявлять, обозначать проблемы и трудности, иметь смелость ставить конкретные задачи по поиску способов их успешного разрешения, организовывать коллективную мыследеятельность. Точки роста в настоящем видятся. Важно создавать условия для проращивания прогрессивных идей, понимая, что каждый из нас отвечает за состояние дел в образовании сегодня и за будущее всего человечества.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ДОБРЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

SOCIAL ACTIVITIES FOR STUDENTS AS A MEANS OF FORMING GOOD HUMAN RELATIONS

H. Damadanova

Formation of good human relations among pupils achievable by educating social activities, caring attitude toward social values, family, community, state, and to work for the good of society and family.

Keywords: social activity, students, facility, building, good human relations

Дамаданова Халун Дамадановна
кандидат педагогических наук, доцент,
Дагестанский государственный
педагогический университет

Аннотация:

Формирование добрых человеческих отношений у школьников реализуемо посредством воспитания социальной активности, небезразличного отношения к социальным ценностям, к семье, обществу, государству, к деятельности на благо общества и семьи.

Ключевые слова:

социальная активность, учащаяся молодежь, средство, формирование, добрые человеческие отношения

Целевая установка воспитательного процесса состоит в развитии образа мышления, отношений, взглядов, чувств, готовности к участию в экономической, социальной, культурной и политической жизни, личностно-общественного становления, многообразных способностей, центральное место в которых занимает способность быть субъектом общественных отношений, способность и готовность участвовать в социально необходимой деятельности. При этом общество не может ограничиваться лишь декларированием принципов гуманизма и демократизма, а должно быть готово к их реализации на практике с привлечением молодых людей к участию в общественно-политической и социально-экономической жизни. Поэтому в условиях демократизации воспитания, соблюдения прав и свобод человека особое значение приобретает вопрос взаимоотношения личности и коллектива, проблемы социосферы. [3]

Формирование человека как личности требует от общества постоянного и сознательно организуемого совершенствования системы общественного воспитания, добрых человеческих отношений, уход от сложившихся в практике воспитания формализованных подходов к новым формам воспитания. При этом важно, чтобы новая система общественного воспитания опиралась на знание возрастных и индивидуальных особенностей личности, закономерностей ее становления и формирования с тем, чтобы педагогически организованное руководство воспитанием школьника мотивировало его активную работу по самовоспитанию путем самостоятельных и ответственных поступков.

Результатом воспитания личности в современных условиях в контексте ведущих направлений воспитания выступает сформированность гражданственности, социальной активности, жизненной позиции выпускника школы, готовности строить добрые человеческие отношения

в коллективе (трудовом, студенческом и т.п.). Жизненная позиция – это внутренняя установка, ориентация на определенную линию поведения, вытекающую из мировоззренческих, моральных и психологических качеств личности и отражающую ее субъективное отношение к обществу. Она имеет практическую направленность, проявляется в реальном поведении человека. Активная жизненная позиция проявляется в небезразличном отношении старшеклассника к общественно-политической жизни родного края, стремление к участию в жизни аула, города, республики, страны; стремление к позитивному изменению действительности. Гражданская позиция, как важнейшее стержневое общественное качество личности, проявляется в личной причастности ко всему, что происходит в обществе, стране, мире. В современных условиях наряду с чувством гражданского долга особую значимость приобретает и социальная активность личности, оказывающая преобразующее влияние на окружение человека, его социальный статус и восприятие окружающими как личности.

Социальная активность личности предполагает не конформистское, а критическое отношение к действительности, означающее постоянную потребность самостоятельно осмысливать происходящее в стране и мире, стремление сделать жизнь лучше. Среди социальных факторов, в наибольшей мере влияющих на становление жизненной позиции личности, ведущая роль принадлежит семье. Влияние школы лишь корректирует влияние семьи. [4]

Изучение данного вопроса в специальной (педагогической, психологической и общественно-политической) литературе показало, что для формирования социально значимого качества личности школьника – готовности к формированию добрых человеческих отношений – доминирующим видом деятельности должны быть социально-

ориентированные дела. Воспитательные дела, в которых ведущей целью выступает воспитание общественно значимых качеств, социально-ориентированных свойств личности. Главной целью воспитательного дела данного направления является формирование у школьников системы социальных отношений: к обществу, органам власти, правопорядку и т.п.

Между тем, в условиях иллюзорной демократизации общества сложно формировать самостоятельность и социальную активность у школьников и молодежи. Двойные стандарты в мышлении, социальном взаимодействии, деловом сотрудничестве не остаются вне поля зрения молодых людей, воспринимающих взрослую жизнь как систему взаимосвязанных элементов: слово, отношения, дело (поступок).

Традиционная педагогическая наука апеллирует именно к этим составляющим уровня воспитанности личности: интеллектуальной, мировоззренческой, поведенческой. Следовательно, современное общество и государство, как основные заказчики, обязаны не только определять цели воспитания, но и разрабатывать механизмы реализации поставленных целей и задач, обеспечивать научно-методический инструментариум формирования заданных параметров.

Ведущими средствами формирования добрых человеческих отношений в современных условиях выступают СМИ, опыт и традиции народной педагогики, традиционная культура этноконфессиональных отношений, внутри-семейные устои. [5]

Как отмечают аналитики, современные СМИ, благодаря растущим возможностям виртуального воздействия на сознание и подсознание массовой аудитории, предлагают обществу готовые ценностно-смысловые и поведенческие модели, которые могут консолидировать общество. [5]

Эти модели могут достаточно эффективно снимать социальную напряженность и стрессовые психологические нагрузки, но могут и подрывать позитивную консолидацию и психологическую устойчивость социума путем создания и продвижения в массы образов врага, расщепления эмоций зрителей, слушателей, читателей до уровня простейших, взвинчивания агрессивных настроений толпы.

СМИ, прежде всего вещательные, в меру своей попу-

лярности, активно участвуют в формировании национальной (культурно-политической) идентичности, предлагая людям четкие информационно-психологические ориентиры, образцы идентификации "своего" сообщества. Эти образцы устанавливают, кто принадлежит к данному сообществу, а кто – нет, какова приемлемая мера (норма) культурных различий и образцы отношений и взаимоотношений внутри сообщества.

Предваряя путь цивилизации, наука указывала рациональные формы и методы человеческой жизнедеятельности. Религия же обеспечивала духовно-нравственное наполнение человеческого существования, жизнеспособности человеческой цивилизации в целом. Мировые религии призывали к духовному единению, вне зависимости от рас, национальностей, учили строить отношения на равных позициях. [2] Идея равенства гармонично сочетается в религии с идеей индивидуально-групповой ответственности, когда деяния одного члена сообщества (к примеру, негативные) отрицательно влияют на весь род, село. Эти традиции способствовали формированию коллективной ответственности и единства, которые достижимы лишь при условии воспитания добрых человеческих отношений внутри семьи, социума, этноконфессионального сообщества, многонационального государства.

Современная семья в свете научных изысканий последнего двадцатилетия испытывает глубокий кризис, обусловленный кризисным положением социально-экономического состояния государства и общества: низкая заработная плата, низкий уровень жизни значительной части населения, дефицит мест в детских образовательных учреждениях, пенсионные и демографические проблемы – все это оказывает негативное влияние на семью, внутрисемейные устои, воспитание детей. [1]

Психологическая атмосфера семьи влияет на формирование личностных свойств ребенка, определяя его дальнейшее становление как семьянина, гражданина, члена трудового, научного, творческого коллектива.

Таким образом, формирование добрых человеческих отношений у школьников реализуемо посредством воспитания социальной активности, небезразличного отношения к социальным ценностям, к семье, обществу, государству, к деятельности на благо общества и семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Б.Ш. Система семейного воспитания народов Дагестана: эволюция, современность и перспективы: Монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006.– 320 с.
2. Магомедов, А.М. Педагогические основы создания и укрепления семьи в традициях кавказских горцев [Текст] // Государство и религия в Дагестане: Информационно-аналитический бюллетень. 2002. № 2. С. 76.
3. Маллаев Д.М. Национальные педагогические особенности // Экономика и образование сегодня, 2008 , № 14. – 16 – 18.
4. Мирзоев Ш.А. Культура и традиции народов Дагестана. – Махачкала, 1996.– 163с.
5. Следзевский И.В., Филиппов В.Р., Хабенская Е.О. Аналитический отчет о результатах исследования "Преодоление ксенофобии в СМИ" / Российская Академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований (Исследование проведено по заказу Комитета межрегиональных связей и национальной политики г. Москвы).

СТИЛЬ ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНИЕ УЧАЩИХСЯ В ДЮСШ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ "СПОРТИВНЫЙ СТИЛЬ ЖИЗНИ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ" (Московская область, Раменский район)

LIFESTYLE AND BEHAVIOR OF STUDENTS IN
THE YOUTH SPORTS SCHOOL IN THE SOCIO-
LOGICAL RESEARCH
"SPORT LIFESTYLE OF YOUNG ATHLETES,"
(MOSCOW, RAMENSKOYE REGION)

E. Maksachuk

Sport has a huge potential for humanistic affect the physical and spiritual abilities of people in their relationships. Children and youth sports schools in their efforts solve most important social problem not only make sports provision, but also foster in young citizens requirements in the sports lifestyle. An educational institution, including sports orientation, is part of the social system and represents a complete dynamic socio-educational system. The ratio of youth to physical training and sports – one of the most pressing educational problems of the educational process.

Keywords: the young athlete, the value of sports culture, the mental state of young athletes, knowledge of the sport, habits of young athletes

Максачук Екатерина Павловна
Московская государственная
академия физической
культуры и спорта

Аннотация:

Спорт включает в себе огромный потенциал для гуманистического воздействия на физические и духовные способности людей, на их взаимоотношения. Детские юношеские спортивные школы в своей деятельности решают важнейшую социальную задачу не только готовить спортивный резерв, но и способствовать формированию у юных граждан потребности в спортивном стиле жизни. Любое образовательное учреждение, в том числе спортивной направленности, является частью социальной системы и представляет собой целостную динамическую социально-педагогическую систему. Отношение молодежи к занятиям физической культурой и спортом – одна из актуальных педагогических проблем образовательного процесса.

Ключевые слова:

юный спортсмен, ценности спортивной культуры, психическое состояние юных спортсменов, знания о спорте, вредные привычки юных спортсменов.

В условиях ДЮСШ юные спортсмены усваивают образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции.

В первом блоке социологического исследования определялось отношение юных атлетов к тренировочным занятиям, которые они посещают. Большинству учащихся занятия в целом нравятся (74,6%), однако с возрастом наблюдается тенденция к снижению данного показателя. К сожалению, в среднем 25,9% атлетов не нравятся тренировочные занятия, из них наибольшее количество среди 16-ти летних девушек – 32,8%. А это значит, что велика вероятность того, что данная категория спортсменов завершит свою спортивную карьеру.

Иногда спортсменам приходится пропускать тренировочные занятия, но каковы их причины – помогло разработать проведенное исследование. Оказалось, что 51,5% учащихся пропускают тренировки, когда нет настроения, причем в основном это 16-тилетние учащиеся; а 10,3% спортсменов часто пропускают тренировочные занятия и причин такого поведения не указывают.

Конечно же, необходимо повышать интерес к занятиям спортом, уделяя дополнительное внимание ценностям спортивной культуры.

Для 54,5% юных атлетов спорт – это средство для отдыха и развлечения, 31,9% считают спорт только средство для физического развития, и только 13,6% отмечают всестороннее развитие личности в спорте. Таким образом, большинство учащихся в ДЮСШ не рассматривают спорт как средство для гармонического развития личности.

Во втором блоке исследования выявлялись знания юных спортсменов в области спорта. Знание – результат процесса познания действительности, получивший подтверждение в практике, что помогает юным спортсменам рационально организовывать свою деятельность и решать различные проблемы, возникающие в её процессе [2]. Как показало исследование, в среднем 25,3% занимающихся в ДЮСШ отвечают, что обладают достаточными знаниями; 42,2% оценивают свои знания в области спорта недостаточными

Не менее важно, чтобы дети знали, как самостоятельно заниматься физическими упражнениями. Согласно результатам проведенного исследования, среди 12-ти летних 80,1% учащихся, и 22,1% 14-16-ти-летних спортсменов ответили, что "ничего не знают"; а "знают все, но не знают деталей" – 41,2%. Отмечают, что мало

знают о восстановлении организма после нагрузок 32,4%. При этом, юноши 14–16–ти лет обладают несколько большими знаниями в области спорта, чем девушки.

Таким образом, самооценка знаний в области спорта юными спортсменами невысокая. Но задача спортивного воспитания состоит в формировании гармонически развитой личности, следовательно, необходимо больше внимания уделять когнитивному компоненту тренировочного процесса.

В третьем блоке исследования определялось отношение юных атлетов к ценностям спортивной культуры, которые выступают осью самосознания личности, определяя ее мировоззрение, социальную устойчивость, мотивацию.

На вопрос, "нужно ли относиться с уважением к соперникам на соревнованиях?", в среднем 12,3% дали однозначно отрицательный ответ, причем наиболее негативно настроены 14–тилетние спортсмены – 16,9%, вероятно, это связано с влиянием пубертатного периода. Положительно ответили 20,9% спортсменов, и с возрастом количество юных спортсменов с подобными суждениями увеличивается.

Встречи с именитыми спортсменами считают необязательными около 40,5%, при этом среди 16–ти летних спортсменов – 71,8%. Следовательно, с возрастом наблюдается снижение интереса к ценностям спортивной культуры.

О роли Пьера де Кубертена для современного олимпийского движения знают 54% спортсменов; дали правильный ответ, где проводились олимпийские игры древности – 41,9%, при этом 12–ти летние школьники ничего не знают в данной области.

В четвертом блоке определялось, насколько подготовленными чувствуют себя юные спортсмены в общеобразовательной школе. Трудности в запоминании учебного материала отмечают 54,8% спортсменов, не вызывает сложностей данный процесс у 45,2%. Добросовестно относятся к выполнению домашнего задания 55,5% спортсменов, но в то же время это является редким явлением для 44,5%.

Успеваемость в общеобразовательной школе оценивают как "среднюю" 66,4%. Плохая успеваемость в школе наблюдается у 10,4% юных спортсменов.

Возможно, тренерам необходимо давать некоторые инструкции родителям занимающихся, чтобы те следили за режимом дня юных спортсменов, насколько это возможно.

В пятом блоке выявлялось психическое состояние юных спортсменов под влиянием занятий в ДЮСШ. Эмоции и потребности связаны с формированием личности и с развитием ее интересов. Они возникают вследствие взаимодействия человека со всем тем, что его окружает в реальной жизни, и занимают существенно важную сферу в структуре личности [3]. Оказалось, что в результате тренировочного процесса у 61,2% формируются лидерство и коммуникабельность, у 26,4% проявляется агрессивное поведение; а 12,5% отмечают депрессивное состояние.

Чувствуют вполне счастливыми 54,5% спортсменов. Внушает опасение о психическом состоянии юных атлетов тот факт, что редко испытывали чувство радости в течение последней недели 54,4%; в то же время 45,6% часто ощущали радостное настроение.

Шестой блок исследования показывает, какой вид деятельности предпочитают юные спортсмены в свободное время. Выяснилось, что за компьютером 3–4 часа проводят 59,4% учащихся ДЮСШ.

Работающий за компьютером человек длительное время должен сохранять относительно неподвижное положение, что негативно сказывается на позвоночнике и циркуляции крови во всем организме (застой крови). Чтение информации с монитора вызывает перенапряжение глаз. Возникает это, главным образом, потому, что во время чтения с монитора расстояние от текста до глаз постоянно остается одним и тем же, из-за этого мышцы глаз, регулирующие аккомодацию, находятся в постоянном напряжении. Со временем это может привести к нарушению аккомодативной способности глаз и, следовательно, к нарушениям зрения. Работа за компьютером предполагает переработку большого массива информации и постоянную концентрацию внимания, поэтому при длительной работе за компьютером нередко развивается умственная усталость и нарушение внимания [1].

За просмотром телевизора 75,2% учащихся проводят 3–4 часа. Часто читают в свободное время 18,2% спортсменов; большинство – 81,9% читают редко.

В седьмом блоке исследования выявлялись вредные привычки юных спортсменов. Оказалось, что не курят 67% учащихся ДЮСШ, не каждый день курят 21,2% атлетов.

Не принимают алкогольные напитки 57,3% учащихся ДЮСШ. Редко употребляют алкоголь 47,1% спортсменов; 8,1% принимают алкоголь каждую неделю.

Никогда не принимали энергостимулирующие препараты 96,8% юных спортсменов, причем с возрастом этот процент снижается. Редко употребляют энергостимули-

рующие препараты 3,2% атлетов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного социологического исследования, можно сделать следующее наблюдение:

1. Большинству учащихся тренировочные занятия в целом нравятся (74,6%), в то же время 25,9% атлетов они не нравятся.
2. Большинство спортсменов, 54,5%, считают спорт только средством для физического развития.
3. 42,2% юных атлетов оценивают свои знания в области спорта как "недостаточные".
4. Успеваемость в общеобразовательной школе оценивают как "среднюю" 66,4% юных спортсменов.
5. Более 50% юных спортсменов тратят свободное время за компьютером и просмотром телевизионных передач, в то же время чтению литературы атлеты уделяют крайне мало внимания (часто читают около 18,2%).
6. Радует, что 67% учащихся ДЮСШ не курят, около 47,1% редко употребляют алкогольные напитки, а 96,8% спортсменов никогда не принимали энергостимулирующие препараты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апанасенко Г.Л. Медицинская валеология/ Л.Г. Апанасенко, Л.А. Попова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. С. 47–73.
2. Лубышева Л.И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути ее освоения обществом и личностью / Л.И. Лубышева// Теория и практика физической культуры. – 1997. – № 6. – С. 10–15.
3. Столяров В.И. Комплексная оценка гуманистического значения детского спорта /В.И. Столяров// Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2007. – №1. – С. 54–69.

© Е.П. Максачук, (Kate-Maksachuk@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ СРЕДСТВАМИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОБРЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

HUMANIZATION EDUCATIONAL ENVIRONMENT
IN TEACHER TRAINING COLLEGES FUNDS
FORMATION GOOD HUMAN RELATIONS

F. Matzieva

Sharp differences between the new system requirements, abilities and blood person creates the need to educate the young man and the younger generation in general, good human relations. Formation of good human relations is realizable at all levels of the educational system.

Keywords: humanization, educational environment, Teachers College, forming, good human relations

Мациева Фатима Хамзатовна
Заместитель директора
Грозненский
педагогический колледж

Аннотация:

Острейшее противоречие между новой системой требований, возможностями и способностями реально живущего человека порождает необходимость воспитания у молодого человека и подрастающего поколения в целом добрых человеческих отношений. Формирование добрых человеческих отношений реализуемо во всех ступенях образовательной системы.

Ключевые слова:

гуманизация, образовательная среда, педагогический колледж, формирование, добрые человеческие отношения

Проявлениям экстремизма, терроризма и насилия в молодежной среде на современном этапе следует противопоставить формирование добрых человеческих отношений, так как усилия государства и общества в этом направлении все еще недостаточны, следует использовать потенциал этноконфессиональных традиций. Сегодня все очевиднее тенденции ухода существенной части молодежи из-под влияния государственно-общественного воспитания. В этом плане, как ни парадоксально, малоэффективно влияние средств массовой информации, которые обладают большим воспитательным потенциалом. Все ощутимее становится воздействие неформальных сообществ, религиозных, сектантских организаций, которые в корне антигуманны и асоциальны по своей сути. Под влияние указанных факторов все чаще подпадает категория учащейся молодежи, к которой следует отнести студентов колледжей и других учреждений среднего звена образовательной системы.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что важнейшим условием эффективности воспитания добрых человеческих отношений является гуманизация воспитательного процесса в педагогическом колледже. В изучении данного вопроса существенный интерес представляют для нас идеи гуманизации и демократизации общества и образования отечественных ученых – А.Н. Вырщиков, З.Т. Гасанов, А.С. Грязнов, Д.М. Маллаев, Г.Н. Филонов и др.

Гуманизация воспитательного процесса в педагогическом колледже предполагает соблюдение ряда усло-

вий, среди которых, по данным указанных выше исследователей, можно выделить:

- ◆ признание личности воспитуемого самоценностью, уважение уникальности и своеобразия каждого человека;
- ◆ создание обществом условий для развития личности и новых поколений как субъектов культуры и собственного жизнетворчества – самоопределения, самоутверждения, самореализации;
- ◆ оказание помощи детям и молодежи в развитии их склонностей и способностей;
- ◆ социальную защиту и охрану здоровья, достоинства, прав, социальную и природную среду обитания новых поколений;
- ◆ приобщение воспитанников и воспитателей к ценностям общечеловеческой и национальной культуры, создание в обществе атмосферы духовности и нравственности, добрых человеческих отношений.

Считаем важным, выделить также сущность принципа гуманизации воспитания, который требует:

- ◆ гуманного отношения к личности воспитанника;
- ◆ уважения его прав и свобод;
- ◆ предъявления воспитаннику посильных и разумно сформулированных педагогических требований;

- ◆ уважения к позиции воспитанника даже тогда, когда он отказывается выполнять предъявляемые требования;
- ◆ уважения права человека быть самим собой;
- ◆ доведения до сознания воспитанника конкретных целей его воспитания;
- ◆ ненасильственного формирования требуемых качеств;
- ◆ отказа от физических и других, унижающих честь и достоинство личности наказаний;
- ◆ признание права личности на полный отказ от формирования тех качеств, которые по каким-либо причинам противоречат ее убеждениям (гуманитарным, религиозным, нравственным и т.п.).

Гуманизация позволяет и требует осуществления вариативного воспитания молодежи, при учете интересов и особенностей различных классов, социальных слоев и групп. Следовательно, гуманизация воспитания неразрывно связана с демократизацией государственного устройства.

Демократия – это одна из основных ценностей внутреннего общественного устройства. Демократия должна составлять основу политического сознания граждан, их отношения к власти и способам организации всей общественной жизни. Несовершенство свобод и демократии усложняет процесс воспитания, девальвирует демократические ценности в глазах подрастающего поколения. Через воспитание молодых поколений на принципах демократии, формирование личности демократического типа можно создать духовную и нравственную базу демократического строя, создать предпосылки для реализации демократических прав и свобод личности и общества. Есть предположения о том, что демократия особенно заинтересована в воспитании, ибо только при демократическом мышлении возможно функционирование нарождающихся демократических институтов. Человек становится демократичным при условии, что демократичны институты власти, демократичен весь образ жизни, который создают люди, являющиеся продуктом образования и воспитания. Задачи гражданского воспитания тесно связаны не только с задачами патристического и гуманистического, но и правового воспитания.

Правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче юридических знаний и опыта; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определенных позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблю-

дение, исполнение и использование юридических норм в практике жизни. Правовое воспитание в школе – это сложная и многоаспектная система деятельности. Конечно, многие правовые ценности, вытекающие из моральных норм, усваиваются личностью в процессе разнообразной социальной практики, через иные, не правовые формы и каналы формирования общественного сознания. [3] На наш взгляд, правовые знания и опыт, приобретенные в юношеские годы, будут наиболее своевременны и продуктивны в дальнейшей жизни школьников.

Правовое воспитание имеет целью развитие правового сознания человека и правовой культуры общества в целом. О правовом воспитании, как и о воспитании в общем смысле, говорят в широком и узком смысле. В первом случае речь идет, скорее, не о правовом воспитании, а о правовой социализации человека, когда он "воспитывается" окружающей обстановкой в целом, всей юридической практикой и поведением людей, должностных лиц – представителей государственного аппарата в правовой сфере. Что касается правового воспитания в узком смысле, то оно отличается своей направленностью на повышение правовой культуры человека, группы людей и общества в целом. [4]

Следовательно, общество и государство должны способствовать воспитанию у молодежи уважения к праву, неукоснительного соблюдения законов, ответственности за общественный порядок не только перед законом, но перед своей совестью и общественным мнением. В этом направлении важной становится работа по формированию мировоззрения школьников, которое определяет отношения между ними. Добрые человеческие отношения основываются на осознании равных прав человека, приоритетности интересов каждой личности и т.п.

Существует мнение, что ведущую роль в приобщении школьников к нормам демократичности играет школьное самоуправление. [1] Исследователи отмечают, что демократический тип самоуправления наибольшее развитие получил в практике известного педагога советского периода – А.С. Макаренко, в его коммунарской методике, а

затем уже в 60–80-е гг. в Ленинграде – в коммуне юных фрунзенцев и в лагере пионерского и комсомольского актива "Орленок", во многих школах. Этот тип самоуправления воспроизводит демократические принципы отношений и самоорганизации, а не только формы и потому способен перевести теоретическое знание, получаемое в процессе гуманитарного образования, в область субъективного опыта и культуры личности. Парадоксально, но коммунарский опыт А.С.Макаренко, в некотором роде отвергнутый современной практикой воспитания, стал популярен в полукриминальных кругах безнадзорных и беспризорных детей. О таких коммунарских детских "группировках", возникших самопроизвольно и стихийно, все чаще стали говорить по телевидению и писать в прессе. Возникает парадоксальная ситуация: социум воспроизводит весьма успешный опыт известного педагога, по-видимому, в силу востребованности, правда, с преувеличенным искажением. Примечательно, что официально этот вид воспитания долгое время в нашей стране не признавался по идеологическим причинам.

Воспитание, основывающееся на демократических принципах самоуправления, на гуманизме, на добрых человеческих отношениях и креативном сотрудничестве педагогов и школьников, выражающееся в реальной совместной деятельности, получило название коллективно-творческого воспитания. Успешность совместной деятельности зависит от позиции педагога, его готовности к сотрудничеству, основанному на полном взаимопонимании воспитателя и воспитанников. В результате применения этой методики получило развитие гражданское самосознание и способность к социальному творчеству, общежитию – умению жить общиной, вместе.

Следуя формальной логике можно предположить, что для успешности общественного воспитания нужны прио-

ритеты государства и общества. На наш взгляд, в качестве основного ориентира воспитания возможно выдвигание общепринятого в социуме представления об идеале гражданина, патриота Родины и его жизненной позиции. Однако в условиях отсутствия новых идеологических установок стало сложным определить, какого гражданина следует воспитать, какие качества необходимо у него формировать. В этой связи особую значимость приобретает: во-первых, определение цели воспитания гражданственности (что уже сделано) и, во-вторых, повышение гражданско-правовой культуры личности. [2] При этом общество должно иметь достаточно четкое представление об идеале гражданина в различных социальных ролях, в совокупности представляющих собой гражданина-патриота, духовно сформировавшегося человека, законопослушного работника, примерного семьянина и т.п.

Новая геополитическая реальность обострила многие проблемы, исходя из которых стратегической целью социального развития нашей страны становится формирование гражданского общества и построение правового государства. Новые условия жизни выдвигают и новые требования к личности, следовательно, объективно порождают новый тип личности; установки, образ поведения и деятельности, отвечающие задачам общественного развития.

Стихийное влияние среды, перепады и противоречивость требований общества и формируемых свойств личности должны корректироваться системой воспитания. Острейшее противоречие между новой системой требований, возможностями и способностями реально живущего человека порождает необходимость воспитания у молодого человека и подрастающего поколения в целом добрых человеческих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газман О.С. Общественное гражданское воспитание: Взгляд в будущее//Советская педагогика. – 1990, №7. – С.38–44.
2. Сайпулаева Т.Ю. Содержание и технология гражданского образования в общеобразовательных учреждениях г.Москвы и Республики Дагестан с полиэтничным составом обучающихся. – Автореферат дис. на соискание ученой степени к.п.н. – М., 2003, 25с.
3. Теория государства и права. Курс лекций. Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько, М.,2000. – С.623.
4. Теория государства и права. Учебник для вузов. Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова, М.,1998. – С.336.

© Ф.Х. Мациева, (fatima@list.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖПРЕДМЕТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

THE IMPLEMENTATION OF INTERDISCIPLINARY
COLLABORATION IN THE ORGANIZATION
OF RESEARCH AND PROJECT WORK
OF STUDENTS

A. Fedianin

The paper considers the methodological features of the integration of research and project work of students from general education courses substantive school subjects, discussed the various forms of this integration, its problematic and positive aspects. The examples of interdisciplinary projects and forms of organization design and research groups of schoolchildren.

Keywords: research activities, the project deyatelnostost, student, school discipline, interdisciplinary projects

Федянин Андрей Борисович

Национальный исследовательский
ядерный университет "МИФИ",
Лицей № 1523, Москва

Аннотация:

В статье рассмотрены методические особенности интегрирования научно-исследовательской и проектной деятельности учащихся с общеобразовательными предметными курсами школьных дисциплин, обсуждены различные формы такой интеграции, ее проблемные и положительные аспекты. Приведены примеры междисциплинарных проектов и формы организации проектно-исследовательских групп школьников.

Ключевые слова:

научно-исследовательская деятельность, проектная деятельность, учащийся, школьные дисциплины, междисциплинарные проекты

Организация межпредметных связей в системе школьного образовательного процесса является не простой, но крайне актуальной методической проблемой, призванной решать целый спектр образовательных и психологических задач. Одна из возможных форм ее решения лежит в секторе интегрирования научно-исследовательской практики и проектной работы учащихся с общешкольными образовательными дисциплинами. При этом, через непосредственное использование усвоенных на уроках знаний по различным предметным курсам достигается практическое закрепление полученных сведений, используемых при творческом решении изучаемой исследовательской проблемы. Возникает осознание неразрывности связей между различными областями знаний, ощущение целостной научной картины окружающего мира, а собственное исследование оценивается как неотъемлемая часть общего процесса познания. К тому же, при такой интеграции возможно решение исследовательскими группами школьников многопрофильных научных задач, работа над которыми лежит в области различных научных дисциплин и требует знаний по нескольким предметным курсам. При этом ученики получают весьма ценный опыт коллективного творчества, а также пополняют свой интеллектуальный уровень в процессе общения и обмена информацией.

Однако интеграционному взаимодействию научно-исследовательских и проектных работ учащихся с общеобразовательными дисциплинами должно сопутствовать решение целого ряда вопросов, часто выходящих за рамки школьного образовательного процесса. Рассмотрим не-

которые из них.

Создание творческих групп для решения многопрофильных задач. Хорошо известен тот факт, что в силу психофизических особенностей, а также вследствие различных социальных и экономических причин, школьники в процессе обучения отдают предпочтение тем или иным изучаемым дисциплинам. Совершенно естественно и то, что наиболее продуктивно научно-исследовательская работа конкретного ученика будет протекать именно в той области знаний, к которой этот ученик испытывает большую склонность. Поэтому весьма не разумно было бы привлекать к решению химической проблемы учащегося, испытывающего склонность к компьютерному моделированию, и наоборот.

Использование подобных склонностей и направленного интереса у школьников позволяет объединять таких ребят в группы по интересам. Это позволяет значительно сократить промежуток времени от постановки задачи до получения конкретного результата, за счет разделения труда внутри группы и ее более высокого общего интеллектуального уровня. Так же достижению конечной цели на основе тесного внутригруппового взаимодействия единомышленников способствует общее коллективное стремление к решению специализированной задачи, лежащей в конкретной области знаний и не выходящей за рамки проявляемого интереса.

Однако при подобном узкоспециализированном подходе не удается реализовать эффективную систему об-

мена знаниями между специализирующимися в различных областях членами исследовательской группы. При этом теряется такой важный образовательный фактор, как расширение кругозора школьников по другим предметным областям, позволяющий на основе знаний по различным предметам более полно представлять себе картину окружающего мира, определяемую совокупностью явлений, являющихся предметом изучения самых разных дисциплин. Осознание учащимися того факта, что большинство задач требуют для своего решения более широкого интеллектуального кругозора, базирующегося на основе целого ряда дисциплин, является серьезным мотивирующим фактором к получению знаний из области этих предметных курсов.

Объединение ребят с различными интересами при создании творческих групп, решающих многопрофильные задачи, позволяет совместить стремление каждого ученика к выбору и решению исследовательской задачи из области, которой данный учащийся отдает предпочтение, с возможностью применить имеющиеся знания в работе над решением проблемы из другой области научных знаний.

Организация таких исследовательских групп может быть осуществлена двумя путями. Так, для решения конкретной задачи, требующей знаний по различным предметным дисциплинам, может быть сформирована единая исследовательская группа из ребят с предпочтительными интересами в различных научных областях. В другом варианте может быть организовано тесное взаимодействие между коллективами ребят, объединенных в отдельные группы по интересам. И в том, и в другом случае общение учащихся между собой, а так же с преподавателями и научным руководителем проекта с целью выработки путей решения поставленной проблемы, неизбежно приведет к обмену знаниями и повышению образовательного уровня по смежным дисциплинам у всех участников творческого коллектива, работающего над проектом. Важнейшим условием эффективной работы таких групп является грамотный подбор и постановка исследовательской задачи, для решения которой потребовались бы навыки и знания из целого ряда предметных дисциплин.

В качестве примера можно привести реализованный исследовательский проект по электрохимической регенерации фотографических фиксирующих растворов, для работы над которым были задействованы творческие и исследовательские группы пяти различных направлений. Суть проекта заключалась в создании установки для электрохимической регенерации фиксирующих растворов, являющихся отходами процессов обработки серебросодержащих фотоматериалов. Исходным сырьем для работы являлись отработанные растворы школьного фотокружка. Экологическая проработка проблемы показала нежелательность слива подобных высококонцентрированных солевых растворов из-за содержания в них рас-

творенного серебра, являющегося токсичным продуктом, а так же целого ряда других негативных факторов. Предварительные эксперименты позволили разработать конструкцию электрохимической установки. Затем, самостоятельно, используя оборудование школьной мастерской, изготовить действующую установку, с использованием которой был проведен целый ряд экспериментов, позволивших изучить химические превращения, протекающие в процессе регенерации фиксажей, а также установить причины отклонения от закона Фарадея при электрохимическом выделении серебра из этих растворов. В качестве источника питания применялся сконструированный и самостоятельно изготовленный электронный блок, включающий элементы системы электрозащиты. В процессе работы использовались аналитические методы, при освоении которых была разработана компьютерная программа, позволяющая тренировать навыки, необходимые для проведения объемного анализа. Качество регенерированных растворов проверялось на базе школьной фотолаборатории, а экономические расчеты подтвердили целесообразность использования подобных установок.

В результате, для работы над проектом ребята использовали и приобретали знания из области экологии, химии, физики, электроники, информатики, фотографии, экономики, совершенствовали навыки в конструировании, а также работе со станками и слесарным инструментом. Интеллектуальный багаж школьников пополнялся в результате ряда экскурсий и встреч, проведенных в рамках данного исследовательского проекта.

Возможности интегрирования курсов школьных образовательных дисциплин с научно-исследовательскими проектами учащихся. Любое изменение отлаженного и утвержденного учебного плана или дисциплинарного курса в учебном процессе всегда сопряжено с рядом определенных проблем, как правило, не имеющих однозначного решения. К сожалению, последовательность изложения материала при изучении различных предметных дисциплин имеет весьма существенные временные расхождения. Это делает практически невозможной сведение схожих тем из различных курсов простой временной корректировкой учебных планов, так как при этом нарушается целостность и последовательность изложения внутри каждой из дисциплин. Различный уровень подготовки учащихся в классах также создает определенные трудности при корректировке дисциплинарных курсов.

Однако многообразии взаимосвязей различных явлений, изучаемых на уроках, настолько велико, что при соответствующем уровне заинтересованности преподаватель, при рассмотрении любого из них, может обратить внимание учащихся на то, как данное явление связано с другими объектами, являющимися предметом изучения иных дисциплин. Если одновременно, то же самое происходит на уроке, при изучении другого курса, то у учащихся формируется более полное представление о взаимо-

связи явлений и целостной картине мироздания. Выбор явлений, на которое стоит обратить внимание, а также их взаимосвязь с другими предметами может быть определена на методическом совещании преподавателей и обусловлена конкретной задачей или совокупностью таких задач. В частности, это может быть задача повышения интереса школьников к конкретному предмету, решаемая за счет расширения кругозора и получения учеником новых интересных данных, обладающих определенной привлекательностью. При помощи данной методики может быть осуществлен дополнительный тренинг и закрепление знаний по определенной тематике конкретного предмета. Это достигается за счет применения способов решения или расчетов, используемых в одном предмете, для решения задач по другой изучаемой дисциплине. Так, например, использование знаний из раздела "Газовые законы" по физике, вполне может использоваться для их закрепления, при решении задач в курсе химии, и т.д. Также через межпредметную взаимосвязь явлений может решаться задача более глубокого и всестороннего освоения изучаемого материала.

Особую роль междисциплинарное интегрирование курсов играет при организации научно-исследовательской деятельности учащихся, когда в процессе своей творческой работы ученики одновременно сталкиваются с проблемой дефицита знаний в самых разных областях. Реализация межпредметных связей помогает устранить этот дефицит, а также сформировать повышенный интерес к исследуемой теме за счет увеличения багажа необходимых сведений и способности разбираться в различных аспектах изучаемой проблемы.

Помимо сказанного, существует еще несколько возможностей интегрировать научно-исследовательскую деятельность учащихся в школьный учебный процесс. Например, это могут быть доклады учеников, сделанные ими по теме своего исследования на уроке, тематика которого близка тематике доклада. Возможно так же и более глубокое освещение темы при защите рефератов, близких к направлению проводимых исследований. Лабораторный практикум по тем или иным предметам также может быть скорректирован с учетом практических задач, решаемых учениками в процессе работы над исследовательским проектом. При этом может изменяться как содержание самого практикума, так и рабочие планы для конкретного ученика или группы учащихся, вплоть до индивидуального учебного плана. Работа школьных факультативов тоже может быть построена с учетом получения их слушателями тех знаний, которые могут потребоваться им при решении конкретной исследовательской задачи.

Прямое изменение учебного плана по тому или иному базовому образовательному предмету с целью увеличить у учащихся объем знаний по конкретному разделу, совпадающему с тематикой проводимых научно-исследовательских работ, является весьма трудоемким и не все-

гда эффективным методом, результативность которого во многом зависит от числа учеников, непосредственно участвующих в исследовательском проекте.

Таким образом, интеграция школьных общеобразовательных предметов с тематикой научно-исследовательской деятельности учащихся может осуществляться через повышенный акцент на уроках в отношении явлений, сопутствующих исследовательской тематике и исследованию взаимосвязи данного явления с объектами, являющимися предметом изучения других дисциплин, на основе возникающих межпредметных связей. Помимо этого, процесс интеграции должен включать плановую работу на уроках с докладами и рефератами учащихся, продуманное построение учебных планов лабораторного практикума по различным предметам, а также тематику факультативных занятий со школьниками.

Привлечение школьников к разработке учебно-методического материала по различным дисциплинарным курсам. Помимо научно-исследовательских изысканий и экспериментальных разработок, учащиеся с большим успехом могут привлекаться для создания нового, а также пополнения имеющегося учебно-методического материала и пособий, используемых в процессе преподавания различных школьных дисциплин. Поставленную задачу значительно облегчает тот факт, что тематика разрабатываемого проекта является хорошо знакомой для учащихся, так как непосредственно является областью изучаемых ими курсов по тем или иным предметам.

В области разработки и создания учебно-методического материала имеется достаточно широкий ряд различных направлений, в которых может быть использован творческий потенциал учащихся. При этом всегда можно подобрать задание таким образом, чтобы его тематика соответствовала и не противоречила естественным психофизическим и интеллектуальным склонностям и возможностям учащихся. В этом случае при работе над проектом открывается возможность для максимального раскрытия творческого потенциала школьников.

В области такого рода разработок можно выделить следующие основные направления: 1) информационная поддержка курсов общеобразовательных дисциплин; 2) разработка, постановка и апробация новых лабораторных работ для использования в лабораторном практикуме; 3) создание демонстрационных моделей и установок для наглядной иллюстрации различных явлений; 4) разработка и создание наглядных материалов, стендов, графиков и таблиц иллюстрирующих различные процессы, закономерности, а также современные достижения в той или иной области знаний.

Информационная поддержка курсов общеобразовательных дисциплин строится на использовании средств и возможностей современной компьютерной техники. Учащиеся, имеющие склонность к информатике, с большим

успехом могут привлекаться для создания программных продуктов, которые могут быть использованы в образовательном процессе. Еще большего эффекта можно достичь, если в помощь к ним подключать ребят, имеющих склонность к изучению той дисциплины, для информационной поддержки которой разрабатывается программный продукт. В зависимости от подготовленности ребят и уровня их компьютерного мастерства сформированные творческие группы учащихся могут привлекаться для разработки проектов различной сложности по следующим направлениям: а) создание демонстрационных компьютерных программ, от простейших иллюстраций до более сложных программных продуктов, использующих средства анимации, наглядно иллюстрирующих изучаемые процессы и явления; б) создание обучающих программ по отдельным тематикам изучаемых курсов; в) создание тестирующих программ и оболочек, которые могут быть использованы при организации интенсивных форм контроля успеваемости учащихся.

К проектам по модернизации лабораторного практикума по тем или иным естественнонаучным дисциплинам, включающим разработку, постановку и апробацию новых лабораторных работ, могут быть привлечены учащиеся, имеющие склонность к экспериментальной работе и проявляющие интерес к соответствующей дисциплине. Тематика новых лабораторных работ и экспериментов может представлять собой авторские разработки или быть почерпнута из литературных данных, материалов конференций, выставок или других источников. Реализация такого рода проектов может осуществляться на базе школьных лабораторий, мастерских или специализированных кабинетов. При этом, как правило, не требуется дополнительных средств в виде материалов и специального оборудования, что часто является необходимым, при реализации проектов научно-исследовательского характера. Разработка же новых лабораторных работ базируется на использовании стандартного оборудования, предназначенного для комплектации учебных лабораторий.

Создание демонстрационных моделей и установок для наглядной иллюстрации различных явлений является еще одной областью приложения творческого потенциала учащихся, где в полной мере реализуется возможность на новом уровне осуществить интеграцию в учебный процесс, как самого ученика, так и результатов его творческих, технических или исследовательских разработок. Существует широкий спектр литературы, содержащий многочисленные описания демонстрационных моделей, иллюстрирующих закономерности и явления, относящиеся к областям изучаемых предметов. Привлечение школьников, имеющих склонности к техническому творчеству, конструированию и моделированию, для создания подобного рода демонстрационных пособий позволит значительно оживить и разнообразить учебный процесс. Результатом является более широкое использование наглядных пособий и демонстрационных моде-

лей при изложении учебного материала, а также более глубокое изучение тематики курса школьниками, участвующими в осуществлении подобных творческих проектов.

Естественно, что помимо моделей, описанных в литературных источниках, так же могут быть реализованы авторские разработки учащихся и педагогов, занятых в реализации данного направления.

Среди учащихся могут быть выделены группы ребят, которые в силу своих психофизических особенностей не склонны к исследовательским работам технического характера, а наоборот, тяготеют к реализации своих способностей в области изобразительного творчества. Такие ребята с успехом могут привлекаться к разработке и созданию наглядных материалов, стендов, графиков и таблиц, иллюстрирующих различные процессы, закономерности, а также современные достижения в той или иной области знаний. Склонность к дизайнерским решениям в оформлении таких проектов, гармонично сочетается с получением информации из различных областей изучаемых предметов. Изготавливаемые наглядные материалы способствуют более качественному усвоению знаний, а так же расширению кругозора учащихся за счет пропаганды передовых достижений науки. Естественно, что возможности таких учеников могут использоваться при оформлении проектов, выполняемых по любому из вышеперечисленных направлений, а также для подготовки материалов исследовательских работ, представляемых на различных конференциях, конкурсах и выставках.

Данная методика привлечения учащихся к творческой исследовательской деятельности в различных предметных областях применялась при организации научно-исследовательской деятельности учащихся в ГОУ Лицей №1523 (физико-математическом лицее при МИФИ), где продемонстрировала свою высокую эффективность. Результаты разработок, осуществленных учащимися под руководством преподавателей лицея, института, а так же ученых и инженеров в области физики, химии, экологии, математики, информатики и электроники с успехом используются в учебном процессе и при организации внеурочных мероприятий. Практически все выполненные работы демонстрировались на различных выставках, конкурсах и конференциях. Многие из них отмечены медалями и дипломами.

Реализация на базе лицея перечисленных методов позволила выявить целый ряд положительных аспектов:

- ◆ в результате более тесного взаимодействия, общения и сотрудничества улучшился психологический контакт занятых в проекте учащихся и преподавателей;
- ◆ улучшилась психологическая атмосфера в классе, за счет новых форм общения и дополнительной воз-

возможности реализации позитивных амбиций разработчиков проекта, демонстрирующих перед аудиторией класса результаты своих разработок;

♦ в ряде случаев достигнуто более глубокое усвоение изучаемого материала по соответствующей дисциплине участниками реализуемого проекта;

♦ наблюдается более глубокое усвоение материала участниками реализуемого проекта по смежным дисциплинам, знания из которых используются для реализации задуманной идеи;

♦ результаты разработок (программные продукты, лабораторные методики и установки, демонстрационные модели, а также наглядные материалы, стенды, графики и таблицы), используемые в учебном процессе, позволяют преподавателю в значительной мере оживить и разнообразить

урок за счет представления материала в более наглядной и привлекательной форме;

♦ наблюдается эффект преемственности поколений, когда участники проектов прошлых лет, к настоящему моменту уже закончившие школу и обучающиеся в других учебных заведениях, возвращаются для продолжения реализации задуманных или неоконченных разработок как в качестве непосредственных исполнителей, так и в качестве руководителей проектов. Их пример является во многом заразительным для многих школьников, которым значительно легче найти психологический контакт со своими сверстниками, чем с преподавателем.

При этом через непрерывную связь поколений происходит непосредственный обмен опытом старших и более молодых участников процесса научно-технического творчества.

© А.Б. Федянин, (anbf@bk.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

Что такое метод проектов?

А вот и наш проект!

Цель проекта:

- **Выяснить, что такое флексагон?**
- **Узнать об Артуре Х. Стоуне**
- **Учиться работать в команде**
- **Развивать творческие способности и логическое мышление**

А в итоге...

- **Мы узнаем историю открытия флексагона**
- **Научимся делать флексагоны из бумаги**

Метод проектов – это совокупность учебно-методических приемов, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельной деятельности учащихся с обязательной презентацией этих результатов.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ УКРУПНЕНИЯ РЕГИОНОВ В РОССИИ

THE REASONS AND CONSEQUENCES OF INTEGRATION OF REGIONS IN RUS- SIA

N. Anuchina

Process of reforming of federal relations in Russia towards integration of its subjects is considered. The reasons of asymmetry of a state system of the Russian Federation and necessity of association of regions are allocated.

Keywords: the state, region, federal relations, asymmetry, integration, the sovereignty.

Анучина Наталья Александровна
Соискатель,
Забайкальский
государственный университет
г. Чита

Аннотация:

Рассматривается процесс реформирования федеративных отношений в России в сторону укрупнения ее субъектов. Выделяются причины асимметрии государственного устройства РФ и необходимость объединения регионов.

Ключевые слова:

государство, регион, федеративные отношения, асимметрия, укрупнение, суверенитет.

В начале XXI в. в России объективно назрели предпосылки для реформирования федеративных отношений в сторону укрупнения ее субъектов, направленные на обеспечение консолидации общества в условиях этнического разнообразия, укрепление и централизацию государственной власти. Одной из проблем российской федеративной государственности является слишком большое количество субъектов, крайне неоднородный субъектный состав, явное неравноправие между некоторыми из них, определенная "пестрота" в статусе и названиях российских регионов, в котором особое место занимает феномен "сложносоставных" субъектов. Действительно, по этому показателю Россию нельзя сопоставить ни с одной другой федерацией мира.

Как известно, Конституция РФ не содержит раздела о национально-государственном устройстве, что можно рассматривать не только как гарантию равноправия субъектов Российской Федерации, независимо от национального состава проживающего в них населения, но и признания, что Россию населяет многонациональный народ, объединяемый общей судьбой, а, следовательно, все государственные органы должны исходить из необходимости сохранения исторически сложившегося государственного единства [1]

Вопрос о существовании асимметричной федерации является историческим наследием советского государственного устройства, что явилось причиной образования национально-территориальных образований. "Парад суверенитетов" 90-х гг., по существу, был обусловлен уникальным культурно-географическим разнообразием, а в большей мере этническим фактором, определившим

процессы регионализации в России. В то время опасность территориального распада России воспринималась как самая большая угроза, ради снятия которой пришлось пожертвовать одним из главных принципов федерализма – симметрией государственно-территориального устройства. Таким образом, российский государственный строй нельзя считать "полноценным" федерализмом, также нельзя исключать сепаратистские тенденции для национально-территориальных образований в России.

Государственно-территориальное строительство в данных условиях можно назвать абсолютно непродуманным и скоротечным. Известный исследователь проблем федерализма Л.Смирнягин выделяет следующие причины асимметрии государственного устройства России: 1) огромные различия между российскими регионами по уровню жизни, укладу, природным условиям; 2) наличие национальных административных образований в составе субъектов Российской Федерации – ситуация довольно редкая для современных федерации, но, к тому же, и опасная; 3) опасения распада России вслед за СССР являлись чрезмерными, однако...исключительно злободневными в первой половине 90-х годов. [2, с.44]

Политика укрупнения субъектов, образование нового региона в результате слияния двух и более субъектов, по нашему мнению, инициированы федеральным Центром и имеют несколько объективных факторов: национально-территориальный, социально-экономический, социально-политический. Стоит отметить, что в России все преобразования в территориальном и региональном развитии всегда проводились и проводятся "сверху" (федера-

лизация страны, реформы разукрупнений в истории страны и укрупнения 2003–2007 гг.), что противоречит основным принципам федерализма. Одной из причин укрупнения субъектов РФ является рецентрализация, построение "вертикали власти" после хаотической децентрализации 90-х годов.

Первыми кандидатами на процесс укрупнения стали автономные округа, входящие в состав "сложносоставных" субъектов. "Сложносоставные" субъекты или "матрешечные" регионы – это административно-территориальные образования (области, края), имеющие в своем составе юридически самостоятельные субъекты – автономные округа, образованные по национальному принципу.

Процессы укрупнения субъектов Российской Федерации стали системными, начиная с 2003 года. В современной литературе под укрупнением понимает "процесс объединения (слияния) нескольких соседних, территориально смежных регионов (субъектов федерации) и образование в результате этого новых, более крупных субъектов, что сопровождается утратой прежними регионами их самостоятельного юридического статуса [3, С.5]. В 2005–2008 гг. объединительный процесс охватил 11 субъектов Российской Федерации, было осуществлено 5 объединительных проектов, в результате, число субъектов РФ сократилось с 89 до 83. Первым примером стал Пермский край, образованный в результате слияния двух приуральских регионов – Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа (референдум состоялся 7 декабря 2003 г.), затем объединились Красноярский край, Таймырский АО и Эвенкийский АО – 17 апреля 2005 года. Референдум по объединению Камчатской области и Корякского АО состоялся 23 октября 2005 года; жители Иркутской области и УОБАО приняли положительное решение о слиянии своих регионов 16 апреля 2006 г.

Объединение Читинской области и Агинского бурятского автономного округа явилось пятым по счету (и на данный момент заключительным) проектом укрупнений "сложносоставных" субъектов РФ, референдум по данному вопросу состоялся 11 марта 2007 г. Существенным фактором, облегчившим объединение данных регионов, явилось то, что органы государственного управления области и округа в последнее десятилетие сохранили и укрепили традиционно развитые связи в сферах культуры, образования и здравоохранения, активизировали взаимовыгодные межрегиональные отношения в экономике и финансовой сфере. О готовности объединиться главы двух регионов – губернатор Читинской области Равиль Гениатулин и глава администрации Агинского бурятского автономного округа впервые заявили 5 апреля 2006 года в Чите, на заседании региональных рабочих групп. В тексте совместного заявления говорится, что руководители регионов приняли это решение, "...учитывая исторические тенденции и опыт государственного строительст-

ва в новейшей истории России, опираясь на многовековые традиции совместного проживания и жизнедеятельности народов на территории Читинской области и Агинского бурятского автономного округа, прогнозируя общие интеграционные процессы экономического развития мирового сообщества, в том числе стран Азиатско-Тихоокеанского региона, исходя из желания улучшить благосостояние жителей области и округа, в целях объединения материальных, интеллектуальных и финансовых возможностей и ресурсов, совершенствования и адаптации к современным интеграционным процессам". [5, с.1]

Стоит отметить, что до этого глава Агинского бурятского автономного округа неоднократно высказывался против объединения данных субъектов, поменяв свое мнение в результате давления федеральной власти (по данным проведенного нами экспертного опроса в рамках исследования). Перед референдумом в регионах раздавались многочисленные социально-экономические обещания: улучшение качества жизни, развитие горнодобывающей промышленности и прочее. На поддержку избирательной кампании в средствах массовой информации были потрачены огромные средства. Для достижения положительного результата референдума активно использовался административный ресурс: во всех организациях, учебных заведениях настоятельно рекомендовали проголосовать "за" объединение и отчитаться перед руководством. На избирательных участках после голосования раздавались благодарственные письма с порядковым номером, который нужно было сообщить своему работодателю или руководителю.

Примечательно, что в Агинском автономном округе (ныне – Агинском бурятском округе) не было ни одной организации, отстаивающей национальные интересы агинского народа, этнический фактор не сыграл деструктивной роли, поскольку бурятский этнос является особенно толерантным в политических вопросах. К тому же, за Читинской областью был закреплен имидж благополучного в сфере развития национальных отношений региона. Известно было лишь о том, что альпинист из Бурятии водрузил на Эльбрусе флаги бурятских автономных округов и плакат, призывающий остановить уничтожение автономий.

Объединительные процессы в Российской Федерации нельзя рассматривать как чисто административные реформы, т.к. любые изменения границ регионов и административного деления страны затрагивают сложившуюся систему федеративных отношений. Конституционные нормы не препятствуют образованию новых субъектов Федерации, а равно как и сокращению их количества. Укрупнение регионов – это, отчасти, отход от национально-территориального деления Российской Федерации к административно-территориальному делению, как к более рациональному государственному устройству, хотя таким образом решить проблемы этнического федерализма в многонациональной России остается маловероятным.

Образование Забайкальского края (согласно агитационным материалам) предполагает концентрацию природных, материальных, интеллектуальных ресурсов на единой территории и формирование общей системы управления, что создаст благоприятные условия для выработки и реализации единой региональной политики по комплексному решению проблем развития сельского хозяйства и промышленности, освоения минерально-сырьевой базы, совершенствования инфраструктуры и т.д.

Негативные экономические последствия объединения более очевидны для Агинского бурятского округа: крайне снизилась бюджетная обеспеченность округа, произошло колоссальное сокращение, особенно в органах власти, многие чиновники вынуждены были переехать в Читу для продолжения профессиональной деятельности в краевых аппаратах государственной власти. Вызывает опасение, что позитивная динамика развития округа приостановлена, поскольку статус субъекта федерации утрачен, и нет возможности использовать механизмы региональной политики для привлечения финансовых ресурсов, стимулирующих развитие округа.

Среди всех лишившихся статуса субъекта федерации автономных округов, Агинский бурятский округ выиграл в следующем: бурятская элита законодательно добилась

оформления "особого" статуса Агинского округа в целях сохранения культуры и самобытности бурятского этноса; при Законодательном Собрании Забайкальского края создано Собрание Представителей АБО, которое является консультативно-совещательным органом и отстаивает интересы агинского народа; большинство элиты бывшего автономного округа заняли руководящие должности в краевых аппаратах государственной власти, сохранены прежние границы муниципальных районов в составе округа: Агинского, Могойтуйского и Дульдургинского.

Таким образом, объединение субъектов федерации – уникальное явление не только для России, но и для мировой истории. В проектах последующих укрупнений субъектов важно учесть все факторы (этнический, экономический, трансграничный, культурный), необходимо создание целостной концепции модернизации федеративных отношений, которая включала бы приоритетные направления, основные цели и задачи укрупнения регионов, комплекс проблем государственного устройства должен быть концептуально проработан. Укрупнение регионов следует рассматривать не только как ликвидацию "слоносоставных" субъектов, а прежде всего как устранение искусственных границ тех территорий, которые обладают общей взаимосвязанной структурой экономики, социальной сферой, инфраструктурой и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М.: Проспект, 2009. – 32 с.
2. Смирнягин Л. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России? / Л.Смирнягин // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб.ст. под ред. И. Бусыгиной и А.Хайнеманн-Грюдера. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 216 с.
3. Косиков И.Г. Реформируемая федерация: укрупнение российских регионов./ И.Г. Косиков. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
4. Бессонова В.В. Конституционно – правовые основы объединения субъектов Российской Федерации на примере Читинской области и Агинского бурятского автономного округа : автореф. дисс. канд. юрид. наук / В.В. Бессонова. – Москва, 2009, 22 с.
5. Брак по расчету и любви // Забайкальский рабочий. – 2006. – 07 апреля.

© Н.А. Анучина, (anuchinana@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПЛАНИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ *

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ ("Социальные и психологические факторы планирования своего будущего в юношеском возрасте"), проект №11-36-00304а2.

THE FACTORS INFLUENCING PLANNING OF THE COURSE OF LIFE OF THE PERSON

O. Brown

In article process of planning by the person of the future is considered. Phases of this process are allocated, described physiological, psychological socially-psychological and the social factors influencing it. Problems, for the subsequent experimental researches in the field are formulated.

Keywords: course of life of the person, the vital plan, optimism, control locus, self-appraisal, valuable orientations, family, school, cultural features.

Браун Ольга Артуровна
Кандидат психологических наук,
Кемеровский
государственный Университет

Аннотация:

В статье рассмотрен процесс планирования личностью своего будущего. Выделены фазы этого процесса, описаны физиологические, психологические социально-психологические и социальные факторы, влияющие на него. Сформулированы задачи, для последующих экспериментальных исследований в данной области.

Ключевые слова:

жизненный путь личности, жизненный план, оптимизм, локус контроля, самооценка, ценностные ориентации, семья, школа, культурные особенности.

Процесс планирования человеком своего будущего является сложным и многофазным. Как пишет И. С. Кон: "Жизненный план в точном смысле этого слова возникает только тогда, когда предметом размышлений становится не только конечный результат, но и способы его достижения, путь, которым человек намерен следовать, и те объективные и субъективные ресурсы, которые ему для этого понадобятся... Чтобы построить его, юноша должен более или менее четко поставить перед собой, как минимум, следующие вопросы: 1. В каких сферах жизни сконцентрировать усилия для достижения успеха? 2. Что именно и в какой период жизни должно быть достигнуто? 3. Какими средствами, и в какие конкретные сроки могут быть реализованы поставленные цели?" [7, с.5].

Таким образом, в процессе планирования личностью своего будущего можно выделить ряд фаз.

1. Формирование образа желаемого. На этом этапе появляется то, что Кон называет мечтой, то есть некий образ желаемого будущего. Этот образ может в свою очередь разбиваться на "идеальное", то есть то, чего хотелось бы достичь в идеале, и "достаточное" – то, чем человек, в принципе, будет удовлетворен. На наш взгляд, степень расхождения между "идеальным" и "достаточным" отражает особенности самооценки, уровня притязаний личности и степень оптимизма/пессимизма, собственного человеку.

2. Оценка средств достижения поставленных целей и

соотнесение этих средств со своими ресурсами и существующими барьерами. В итоге формируется представление о том, что человек надеется достичь в реальности и какую "цену" он планирует за это заплатить. Если на этой фазе не происходит отказ от поставленной цели, человек переходит к следующему этапу, посвященному формированию тактики достижения желаемого.

3. Формирование представлений о конкретных действиях, направленных на достижение желаемого и сроках их реализации.

Таким образом, чтобы мечта превратилась в конкретный план, помимо знания о желаемых благах, необходимы знания о своих ресурсах и знания о возможных барьерах. Вполне понятно, что на такой сложный и многофазный процесс оказывает влияние множество факторов, часть из которых достаточно подробно рассмотрена в литературе, а часть нуждается в дополнительном исследовании. Все эти факторы условно можно разделить на физиологические, психологические, социально-психологические и собственно социальные.

К физиологическим, или по терминологии Э. Берна, генетическим факторам, на наш взгляд, относятся, во-первых, состояние здоровья; во-вторых, наличие ряда специальных способностей; в-третьих, некоторые врожденные особенности нервной системы (сила, подвижность, уравновешенность нервных процессов), хотя последние, по мнению С. Л. Рубинштейна, могут корректироваться самой личностью в соответствии с её жизнен-

ными планами [11]. Несколько особняком стоят факторы, которые хотя и являются физиологически обусловленными, но по своей сути отражают, скорее, психологические и социально-психологические особенности личности – это пол и возраст.

Так, говоря о влиянии возраста на процесс планирования, большинство исследователей имеют в виду, скорее, некоторый достигнутый уровень психологической зрелости, который, хотя и связан с числом прожитых лет, но не обусловлен ими полностью.

К настоящему времени в отечественной науке довольно подробно исследована взаимосвязь жизненного пути и возрастных особенностей личности (С. Л. Рубинштейн, К. А. Альбуханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Е. И. Головаха, А. А. Кронник, Т. Н. Березина и др.). На наш взгляд, влияние возрастных особенностей на процесс планирования своего будущего можно разложить на несколько векторов.

В первую очередь, это наличие некоторой ведущей для данного возраста потребности и деятельности. Например, для юношеского возраста такой потребностью становится выбор будущей профессии. А ведущей деятельностью для старшеклассников становится учебно-профессиональная, благодаря которой у юношей и девушек развиваются профессиональные интересы, формируется способность строить жизненные планы (Эльконин, Давыдов). Проблема выбора профессии становится, по словам Л. И. Божович, "аффективным центром жизненной ситуации старших школьников" [3]. Отсюда и особенности описания своего будущего в первую очередь как профессионального. Как пишет М. Г. Гинсбург: "В юношеском возрасте очень важную роль играет выбор будущей профессии (самоопределение включает выбор будущей профессии, но не сводится к нему). Видение себя как будущего профессионала является показателем связи с обществом, вхождения в общество, видения себя в обществе. Выбор профессии фактически означает проецирование в будущее определенной социальной позиции. Поэтому выбор профессии существенным образом характеризует смысловое будущее" [5, с. 50].

Вторым вектором, по которому прослеживается влияние на процесс планирования жизненного пути возрастных характеристик, является уже упоминавшийся уровень социальной и психологической зрелости человека. И с этой точки зрения именно подростковый и юношеский возраст, по мнению многих исследователей, является определяющим. Например, Л. С. Самсоненко пишет: "Однако наиболее значимыми периодами в выборе жизненного пути является подростковый и юношеский возраст. Данный возраст является сенситивным с точки зрения формирования базовых механизмов самодетерминации. Юный человек становится взрослым в социальном отношении. Он начинает в полной мере нести ответственность за свои поступки, за свою жизнь, вместе с тем идет интенсивный процесс самоопределения, "поиск себя", поиск смысла собственного существования. В этом возрасте определяется путь дальнейшего развития" [12, с. 3].

Описывая возраст ранней юности, О. В. Белановская указывает на следующие возрастные особенности и новообразования, определяющие для процесса жизненного планирования:

- ◆ осознание течения времени;
- ◆ дифференциация временных интервалов;
- ◆ увеличение одновременно и степени обобщенности и степени конкретной представленности времени жизни в целях, планах, ожиданиях;
- ◆ повышение уровня реализма;
- ◆ формирование представления о прошлом, настоящем и будущем в виде линейной модели времени;
- ◆ формирование мировоззрения, целостной картины мира и себя в нем.

Результатом этих и других процессов становится профессиональное и личностное самоопределение; появление жизненного плана, выбор путей его реализации; изменение жизненной перспективы (временной горизонт углубляется, охватывая отдаленное прошлое и будущее, и расширяется, включая не только личные, но и социальные перспективы) [1, с. 4]. Именно самоопределение, по мнению Л. И. Божович, является центральным новообразованием раннего юношеского возраста, при этом основывается самоопределение на устойчивых интересах и стремлениях, предполагается учёт своих возможностей и внешних обстоятельств, опирается на формирующееся мировоззрение и связывается с выбором профессии [2]. В целом, возникновение ориентации на будущее является важным критерием перехода от подросткового к раннему юношескому возрасту.

Еще одним психологическим фактором, с высокой вероятностью влияющим на процесс планирования личности своего будущего, является локус контроля.

Понятие "локус контроля" предложено американским психологом Джулианом Роттером и обозначает склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам, либо своим собственным способностям и усилиям.

Выделяют два типа локуса контроля: экстернальный и интернальный.

1. Экстернальный локус контроля. Люди, обладающие экстернальным типом локуса контроля, более склонны приписывать свои успехи и неудачи внешним факторам, они более подвержены социальному воздействию и ориентированы на внешнюю среду.

2. Интернальный локус контроля. Причины и контроль поведения приписываются самому человеку. Такие люди более ориентированы на активное сохранение своего здоровья, меньше подвержены постороннему воздействию, а также, когда представляется возможность, стараются контролировать поведение других. Таким образом, мы предполагаем, что люди, обладающие интернальным локусом, в большей степени готовы к собственным усилиям по преодолению жизненных трудностей, а

следовательно, более ориентированы на их предсказание и продумывание тактики достижения поставленных целей (вторая и третья фаза планирования).

Однако при изучении влияния локуса контроля необходимо учитывать, что большинство людей не обладают чисто экстернальным, либо интернальным локусом контроля, а характеризуется преобладанием того или иного типа, кроме того, интернальность и экстернальность у одного человека может быть различна в разных сферах жизни (работа, семья, здоровье и т.д.).

Г. В. Иванченко, изучая факторы, влияющие на планирование профессиональной карьеры, в качестве одного из них рассматривает уровень оптимизма личности. При этом оптимальным считается умеренный уровень оптимизма, который, с одной стороны, не формирует ощущение своего рода беспомощности и бесполезности собственных усилий ("что бы я ни делал, все равно ничего не смогу изменить, достичь и т.д."), а с другой стороны, не вызывает иждивенческой позиции ("все уладится, придёт, достанется само собой"). При этом, по мнению Иванченко, интернальный локус контроля и умеренный уровень оптимизма, наряду с осмысленностью и ощущением результативности жизни являются личностными ресурсами, обеспечивающими выбор продуктивных стратегий профессионального самоопределения [6, с.7]. То есть это те личностные характеристики, которые помогают человеку предвидеть жизненные трудности и планировать собственные усилия по их преодолению.

Еще одной важной характеристикой, влияющей на "качество" процесса планирования, является, по мнению ряда исследователей, способность человека к прогнозированию [13].

Под способностью к прогнозированию понимается особая способность, связанная с успешностью прогнозной деятельности, то есть деятельности, имеющей своей целью познание будущего [10]. Уже из самого определения становится видно, что данная способность должна быть связана с процессом планирования человеком своего будущего. Разница между "планированием будущего" и его "прогнозированием" заключается, на наш взгляд, в большей степени в тех целях, которые ставит человек. Планируя свой жизненный путь, мы выбираем желаемые цели и разрабатываем способы их достижения, пытаясь из сегодняшнего дня повлиять на завтрашний, при этом такое организованное, целенаправленное планирование включает в себя элемент прогноза, то есть "предсказания" возможных последствий наших поступков и вариантов развития событий. Источниками информации о будущем, лежащими в основе прогнозирования, являются, в первую очередь, основанная на опыте и аналогии оценка путей развития и перспектив прогнозируемого явления и экстраполяция на рассматриваемый объект известных тенденций.

Изучением проблемы антиципации (опережающего отражения) и, в частности, способности прогнозирования занимались К.А. Абульханова-Славская, П.К. Анохин, Л.С. Выготский, Е.И. Головаха, А.Г. Закаблук, А.В. Запорожец, А.А. Кроник, Б.Ф. Ломов, Я.З. Неверович, С.Т. Посо-

хова, Л.А. Регуш, Е.Н. Сурков, А. Тоффлер и др.

В настоящее время сложилась точка зрения, согласно которой способность к прогнозированию в свою очередь является интегральной и основывается на развитии таких качеств мышления, как аналитичность, глубина, осознанность, гибкость, перспективность и доказательность [9].

Развитие способности к прогнозированию позволяет личности лучше ориентироваться в ожидаемых событиях жизненного пути и, как следствие, по мнению Т. Н. Шевченко, для успешного развития личности необходимо правильно организованное психологическое сопровождение процесса прогнозирования основных этапов жизненного пути [13].

Поскольку, как уже упоминалось выше, второй фазой процесса планирования будущего является оценка собственных возможностей, мы рассматриваем самооценку личности как один из важнейших психологических факторов, оказывающих влияние на этот процесс. Наиболее стандартным в психологии является деление самооценки на завышенную, заниженную и адекватную. При этом, вероятно, завышенная самооценка будет приводить к искажению в восприятии своих возможностей и постановке сложно реализуемых или вообще не достижимых планов. Что же касается заниженной самооценки, то одним из её последствий, на наш взгляд, будет сужение поля альтернатив, которые человек рассматривает, как бы примеряя на себя в процессе планирования. И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу, кто в итоге счастливее: человек, поставивший перед собой множество целей и не достигший их, или человек, ограничившийся одной, но вполне реализовавший её?

Таким образом, анализ современных исследований показал, что, в первую очередь, к психологическим факторам планирования своего будущего относятся характеристики личности, связанные с самоконтролем, оценкой собственных возможностей, особенностями интеллекта, мышления и восприятия реальности.

Что же касается социально-психологических факторов, то здесь на первый план выходят ценности и мотивы личности. Вполне естественно предположить, что, строя свои планы на будущее, человек стремится в первую очередь реализовать то, что обладает для него особой значимостью, что напрямую связано с его ценностями и становится движущей силой деятельности, её мотивом. Однако исследования, проводимые в данном направлении, наталкиваются на определённые сложности, вызванные расхождением между декларируемыми ценностями и тем, что человек реализует в реальности. На наш взгляд, это несоответствие может объясняться целым рядом причин: во-первых, человек может заявлять о значимости ценностей, принятых в его группе, субкультуре, но при этом отнюдь не являющихся первоочередными для него самого; во-вторых, ценность некоторых объектов может в какой-то момент не осознаваться личностью; в-третьих, боязнь неуспеха может приводить к постановке не тех целей, который наиболее значимы на данный момент, а тех, которые реальнее всего достичь и т.д. Поэтому связь

между мотивами, смыслами, ценностными ориентациями личности становится не прямой, а опосредованной другими переменными, что затрудняет её экспериментальное изучение.

К факторам, стоящим на стыке социально-психологических и социальных, мы отнесли особенности институтов социализации личности: культуры (субкультуры), школы, семьи. Как справедливо отмечает в своей работе О. В. Белановская: "Сейчас уже доказано, что формирование временной перспективы (реалистичная организация ее структуры, четкое обозначение в ней жизненных целей, ее непрерывность и др.) является результатом социализации. Эксперименты неоднократно обнаруживали, что, например, у делинквентных юношей будущая временная перспектива всегда укорочена, тогда как неделинквентные юноши осмысливают свою жизнь на значительный период" [1, с 3]

Наиболее значимым, первым и опосредующим все другие влияния институтом социализации для человека является семья. По данным исследователей на формирование жизненных планов влияют следующие характеристики семьи.

1. Социально положение, образовательный уровень, материальное благополучие. Так, В. С. Собчик отмечает в своей работе, что материальное положение и образовательный статус семьи влияет на общую уверенность старшеклассников в успешности своих жизненных перспектив и сформированность жизненных планов. Материальное благополучие семьи оказывает значимое влияние на уверенность и оптимизм, а также на самореализацию и характер социальных взаимодействий [12, с. 5]. Кроме того, по данным В. Н. Кормаковой, более высокий уровень образования родителей и субъективная удовлетворенность достатком семьи способствуют формированию протяженной жизненной стратегии старшеклассников. В то же время возрастная последовательность предстоящей реализации жизненных планов связана с социальным положением родителей, причем связь между жизненной стабилизацией школьников и социальным положением матери по всем аспектам интенсивней, чем с социальным положением отца [8].

2. Значительное влияние стиля родительского поведения на выбор ребенком модели жизненного пути описывается в своих исследованиях Д. Баумринд. Автор выделяет три группы детей. Первую группу составляют дети с высоким уровнем независимости, зрелости, уверенности в себе, активности, умением разобраться в окружающей обстановке. В таких семьях родители относятся к детям доброжелательно, с пониманием, требуют осознанного поведения, прямо и ясно объясняют мотивы своих требований. Вторую группу образовали дети, недостаточно уверенные в себе, замкнутые и недоверчивые. Родители таких детей больше полагаются на строгость и наказания, жесткий контроль и применение власти. В третью группу вошли дети, которые менее всего уверены в себе, не проявляют любознательности, не умеют сдерживать

себя. Здесь родители, как правило, снисходительны, не требовательны, неорганизованны. Они не поощряют детей, редко и вяло делают замечания, не обращают внимания на воспитание независимости и уверенности ребенка в себе [12].

В целом, поскольку семья оказывает значительное, если не определяющее влияние, на развитие личности, мы вполне согласны с утверждением, что практически нет ни одного социального или психологического аспекта поведения юношей, который не зависел бы от их семейных условий. При этом свою роль играют и стиль воспитания, и особенности семейной культуры и материальное и социальное положение семьи, и взаимоотношения родителей и т.д. Список можно продолжать, перечисляя практически все характеристики семейной системы.

Следующим важнейшим институтом социализации личности является школа. Безусловно, влияние особенностей школьного обучения на процесс планирования своего будущего наиболее ярко проявляется в годы обучения, особенно в старшем школьном возрасте. К сожалению, исследований, посвященных этой проблеме, меньше, чем, например, рассматривающих влияние семейного воспитания, однако они встречаются и дают интересные результаты. Так, по данным В. Н. Кормаковой, высокое качество обучения способствует повышению четкости жизненной стратегии, большей осознанности целей профессионального самоопределения и целей саморазвития [8].

Помимо традиционных институтов социализации, таких как семья и школа, на наш взгляд, очень важным является учет особенностей культуры, к которой принадлежит человек. В широком смысле культура "предлагает" человеку социально одобряемые цели и ценности, а также способы их достижения, "диктует" возрастные границы, к которым должна быть достигнута та или иная цель, чтобы человек считался успешным, да и сами критерии личной успешности являются во многом культурно обусловленными [4]. Все другие социальные институты, воздействующие на личность, так или иначе несут на себе отпечаток культуры общества, к которому они принадлежат. Подчеркивая значение культуры, Ю. М. Резник и Т. М. Резник даже определяют жизненную стратегию как динамическую систему перспективного и долговременного ориентирования личности в будущей жизни с целью ее преобразования в определенной социокультурной среде, которая реализуется в деятельности, поведении личности посредством ее способностей, возможностей [8, с. 2]. Безусловно, методически изучение культуры, как фактора планирования своего будущего сопряжено с рядом трудностей. В частности, культурные особенности очень трудно вычленишь среди всей совокупности социальных факторов, поскольку их влияние опосредовано и школой, и семьей, и СМИ, и различными малыми группами, к которым принадлежит человек, и которые, в свою очередь, обладают своими субкультурами. Однако, на наш взгляд, изучение воздействия этнической, религиозной культуры или отдельных видов молодежных суб-

культур (эму, готы и т.д.) на процесс планирования будущего является достаточно интересным и важным.

Достаточно много научных исследований посвящено изучению влияния на планирование жизненного пути такого фактора, как пол. Поскольку все исследования в итоге сходятся на том, что влияние оказывают не столько физиологические особенности, сколько социальные характеристики гендерной принадлежности. Мы рассматриваем данный фактор как социальный. На наш взгляд, влияние гендерной принадлежности во многом опосредовано тем, что является социально приемлемым, одобряемым для мужчин и женщин в рамках определённой культуры. Уровень образования, особенности профессиональной самореализации, приемлемый уровень социальной активности, отношение к семье, оптимальный брачный возраст, желаемое количество детей и многие другие элементы жизненного пути формируются под влиянием того, что в данной культуре считается наиболее подходящим для представителей того или иного пола. Поэтому мы считаем, что в конкретных исследованиях гендерная принадлежность, как фактор планирования личностью своего будущего, должна рассматриваться с учетом культурных особенностей общества, к которому принадлежит человек.

Подводя некоторый итог всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

- ◆ в настоящее время активно изучаются факторы, влияющие на процесс планирования личностью её жизненного пути;
- ◆ условно все эти факторы можно разделить на физиологические (состояние здоровья, наличие ряда специальных способностей и т.д.), психологические (локус контроля, уровень оптимизма, особенности самооценки и мышления), социально-психологические (ценностные ориентации, направленность личности), социальные (социально-экономическая ситуация и характеристики культуры общества, к которому принадлежит человек);
- ◆ ряд факторов, например, таких, как возрастные, гендерные характеристики, особенности семейного воспитания, стоят на стыке разных групп и включают в себя как физиологические, психологические, социально-психологические, так и социальные элементы.
- ◆ И последнее, безусловно, перечень факторов, влияющих на такой сложный процесс, как планирование личностью своего жизненного пути, не исчерпывается рассмотренными в рамках данной статьи и нуждается в дополнительном, более глубоком изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белановская, О.В. Временная перспектива жизненных планов в юношестве [Электронный ресурс]. / О. В. Белановская. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/articles/d7598.shtml>, свободный
2. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: Под редакцией Д. И. Фельдштейна [Текст] / Л. И. Божович. – М.: "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "МОДЭК", 1995. – 352 с.
3. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. [Текст] / Л. И. Божович – М., 1968. – 464 с.
4. Браун О. А. Русакова Н. Н. Взаимосвязь представлений молодежи об успешном человеке с содержанием народных сказок [Текст] / О. А. Браун, Н. Н. Русакова // Вестник Кемеровского государственного университета – Кемерово, 2010. – №3 (43). – С. 143 – 151.
5. Гинзбург, М. Г. Психологическое содержание личностного самоопределения [Текст] / М. Г. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3.– С. 42 – 52.
6. Иванченко, Г. В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора [Электронный ресурс]. / Г. В. Иванченко. – Режим доступа: <http://lib.mexmat.ru/books/72130>, свободный
7. Кон И. С. Жизненная перспектива и формирование мировоззрения [Электронный ресурс]. / И. С. Кон. – Режим доступа: http://sexology.neuro.net.ru/book19_14.html, свободный
8. Кормакова, В. Н. Проектирование жизненных стратегий как условие профессионально-личностного самоопределения старшеклассников [Текст] / В. Н. Кормакова // Образование и общество. – 2009. – №1. – С. 55–58.
9. Молохина Г. А. Особенности инициативного стиля мышления и способности к прогнозированию у старшеклассников [Электронный ресурс]. / Г. А. Молохина. – Режим доступа: <http://www.psu.ru>psu/files/4802/molohina.doc>, свободный
10. Регуш Л. А Развитие способности к прогнозированию педагогических явлений у студентов пединститута [Текст] / Л. А. Регуш // Вопросы психологии. – 1985. – №1. – С.94 – 102
11. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст]. / С. Л. Рубинштейн. – Спб.: Питер, 2000. – 720 с.
12. Самсоненко, Л С Особенности влияния семейного воспитания на формирование жизненной перспективы личности [Электронный ресурс] / Л. С. Самсоненко. – Режим доступа: http://www.orenipk.ru/novosti/novosti04_samsonenko.htm, свободный
13. Шевченко Т.Н. О роли прогнозирования в определении жизненного пути личности. Пятигорский государственный лингвистический университет [Электронный ресурс] / Т. Н. Шевченко. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua>, свободный.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И ПОДДЕРЖКА СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА В ЛИЧНОСТНОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

THE PSYCHOLOGY-PEDAGOGICAL HELP AND SUPPORT OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL HIGH SCHOOL IN PERSONAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT

N. Tatarnikova

In article necessity of maintenance of the psychology-pedagogical help and support of students in personal and professional development, and also creations of conditions of an individualization in educational space of high school is proved. Some results of research are presented and the structure, principles and conditions of realization of the program which allows to provide increase of psychology-pedagogical competence, self-knowledge and self-development, both students, and teachers is in detail described.

Keywords: an individualization, the psychological help and support, an individualization, professional readiness, self-development, motivational function, protection function, self-knowledge, self-rehabilitation, tactics of mutual respect, doctrine stimulation.

Татарникова Нина Серафимовна

кандидат педагогических наук, доцент,
ГОУ ВПО Волжский государственный
инженерно-педагогический университет,
г. Нижний Новгород

Аннотация:

В статье обосновывается необходимость обеспечения психолого-педагогической помощи и поддержки студентов в личностном и профессиональном развитии, а также создания условий индивидуализации в образовательном пространстве вуза. Представлены некоторые результаты исследования и подробно описывается структура, принципы и условия реализации программы, которая позволяет обеспечить повышение психолого-педагогической компетентности, самопознание и саморазвитие как студентов, так и преподавателей.

Ключевые слова:

индивидуализация, психологическая помощь и поддержка, индивидуализация, профессиональная готовность, саморазвитие, мотивационная функция, функция защиты, самопознание, самореабилитация, тактика взаимного уважения, фасилитация учения.

Становление в нашем обществе новой педагогической парадигмы, базирующейся на гуманистических идеалах, выдвинуло на наш взгляд, педагогическую защиту, а вместе с ней и психолого-педагогическую помощь и поддержку как одно из основных понятий, которое выступает альтернативой абсолютизированной старой авторитарной педагогикой категории педагогического требования [3. с. 15].

Необходимость защиты молодого человека от неблагоприятных факторов развития в той или иной мере затрагивалась педагогами-гуманистами И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинским, теоретиком свободного воспитания Л.Н. Толстым и др. Защищенность ребенка в коллективе отстаивали А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, И.П. Иванов и др. Отдельные аспекты этой проблемы на Западе и в России рассматривались при анализе таких категорий, как психолого-педагогическая поддержка, помощь, забота, межличностные отношения, психологическая атмосфера коллектива, материальные, физические, нравственные условия развития личности.

Необходимость введения категории психологической помощи и поддержки в теорию и практику образования базируется на нескольких основаниях: общенаучном, психологическом, физиологическом и собственно педагогическом.

Теоретико-методологическую основу исследования

составляют положения современной философии образования: о необходимости его гуманизации, субъектности всех участников педагогического процесса; о взаимодействии как процессе, в ходе которого изменяется состояние его субъекта; научно-практические подходы к организации психологической службы в учреждениях образования и др.

Психолого-педагогическая помощь и поддержка предполагают:

- ◆ охрану, ограждение, заступничество, т.е. средства психической, физической и душевной охраны;
- ◆ отстаивание интересов, прав, свобод;
- ◆ способы полноценного развития возможностей (личностного потенциала);
- ◆ способы отстаивания своих убеждений, взглядов, исследований, волевой, интеллектуальный акт;
- ◆ универсальные средства психологической адаптации, регулятивную систему стабилизации личности;
- ◆ способы сохранения жизни.

Согласно концепциям гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс и др.) стремление человека к защищенности – одна из жизненно важных потребностей человека. А. Маслоу, выделяя потребность в безопасности в качестве одной из базовых потребностей человека, включает сюда стремление человека чувствовать себя

защищенным, желание избавиться от страха и жизненных неудач. Стрессовые ситуации как следствие незащищенности разрушают личность, стремящуюся в своем развитии к гармонии.

Лаборатория научно-практической психологии ВГИПУ поставила перед собой задачу психологически познать студента. Психологически познать студента – это значит получить информацию о психологических особенностях: эмоциях, мотивации, способностях, темпераменте, характере, отношении человека к себе, к другим людям, к событиям жизни и т.д. Все это необходимо знать, чтобы лучше понимать студента, чтобы иметь возможность установить с ним контакт, в случае необходимости оказывать на него воздействие, способное принести пользу как педагогам, так и ему самому, своевременно осуществить психолого-педагогическую помощь и поддержку в личностном и профессиональном развитии.

Применение психологических, диагностических методик специалистами лаборатории (преподавателями, студентами-психологами старших курсов, аспирантами) позволяет перейти от житейского познания психологии и поведения студентов к научному. Поэтому основная задача лаборатории состоит в том, чтобы помочь студенту познать себя, а преподавателям, родителям, кураторам групп предоставить необходимую психолого-педагогическую информацию. Изучение психологических особенностей студента необходимо для прогноза успешности в профессиональном обучении и личностном развитии.

Для этой цели используется опросник профессиональной готовности (ОПГ). Он дает возможность профессорам-консультантам (студентам-психологам старших курсов и аспирантам) лаборатории научно-практической психологии получить в достаточной степени достоверную информацию о наличии, взаимном сочетании, успешности реализации и эмоциональном подкреплении у студентов профессионально ориентированных умений и навыков, что позволяет на основе этих данных судить о степени готовности первокурсника к успешному функционированию в определенной профессиональной сфере (учебе, работе).

Для определения креативности используется методика (СЛК) (По Е.Е. Туник). Самооценка личностной креативности позволяет определить четыре особенности творческой личности: любознательность, воображение, сложность и склонность к риску. Данные личностные факторы тесно связаны с творческими способностями. Чем выше оценка человека, испытывающего позитивные чувства по отношению к себе, тем более творческой личностью, любознательной, с воображением, способной пойти на риск и разобраться в сложных проблемах он является.

Важным показателем развития личности является креативность (лат creatura – создание) – способность

порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации. Среди интеллектуальных способностей креативность выделена в особый тип.

Согласно А. Маслоу, творческая направленность личности является врожденной, но она теряется большинством людей под воздействием среды.

Лаборатория научно-практической психологии ВГИПУ подобрала пакет психодиагностических методик с целью реализации программы "Психологическая помощь и поддержка студентов в личностном и профессиональном развитии". Данная программа начинается с процедуры тестирования первокурсников с последующим индивидуальным консультированием и выработанными рекомендациями. Педагогическая информация, полученная по результатам тестирования, в виде консультаций дается, прежде всего, самим студентам с целью выработки индивидуальной программы саморазвития. Студентам на добровольной основе предлагаются тренинги (общения, уверенного поведения, креативности, влияния и т.д.). Как показывает практика, желание у большинства студентов есть. Студенты испытывают потребность выработать коммуникативные способности, преодолеть комплексы, почувствовать уверенность в своем поведении и т.д.

В условиях гуманизации высшего профессионального образования следует говорить, прежде всего, о процессе саморазвития личности студента через самоопределение, самореализацию. А педагоги и психологи вуза призваны помочь будущему специалисту в приобретении "самости".

Особую роль в процессе саморазвития личности выполняет самопознание, которое является одновременно условием и средством саморазвития. Любой процесс созидания, в том числе и созидание самого себя, невозможен без постановки целей и задач; неэффективен при неправильном выборе средств и путей их достижения; губителен без способности восстанавливать силы, без гибкости в решении возникающих проблем. Источником всех этих способностей является знание – знание самого себя. Если человек познает себя, то он изменяется хотя бы в том, что получает новые знания о себе. Значит, изменяется его самооценка, его поведение, уровень его притязаний и т. д. И вот перед нами уже новая личность.

Педагогическое обеспечение процессов самопознания студентов – проблема еще недостаточно изученная. Практические наработки по этому вопросу малочисленны и разрозненны. Однако при современном состоянии разработанности этой темы уже достаточно очевидно, что педагогическое обеспечение процессов самопознания студентов способно решить многие проблемы развития личности студентов в образовательном пространстве вуза.

Изучение способов психолого–педагогического обеспечения процессов самопознания студентов, целесообразность и мера такого рода вмешательства в развитие личности стало нашим предметом исследования.

Исходя из концепции гуманизации образовательного пространства, психолого–педагогическое обеспечение самопознания студентов можно рассматривать как деятельность педагогов и психологов по созданию условий для оптимального и адекватного самопознания студентов в условиях современного вуза. Нами были выделены следующие функции психолого–педагогического обеспечения: мотивационная функция; технологическая функция; функция защиты (психолого–педагогическая помощь и поддержка).

Стремление к самопознанию проявляется у студентов на уровне неосознанной потребности. Наша задача заключается в том, чтобы актуализировать эту потребность, возбудить интерес к данному виду деятельности.

Наше исследование позволяет нам сделать вывод, что интерес к самопознанию у студентов существует объективно. В то же время, уровень актуализации этого интереса у каждого студента строго индивидуален. Студенты, с которыми проводилась систематическая работа по актуализации самопознания, проявляют интерес ко всем сферам своей личности: физическим, интеллектуальным, духовным, профессиональным и другим качествам.

Те же студенты, с которыми подобная работа не проводилась, более избирательны в своем интересе. Их предпочтения лежат в области физических особенностей и профессиональных способностей.

Постоянное расширение информационного и деятельностного поля студента в этом направлении рано или поздно приведет к расширению сферы его интересов, к осознанию собственной потребности в самопознании, к самостоятельному выбору адекватных способов удовлетворения этой потребности. Лаборатория научно–практической психологии может предложить студентам более широкий спектр возможностей и средств получения информации о самих себе, постоянно поддерживая и стимулируя их интересы. Невозможно достичь высоких результатов в каком–либо виде деятельности, не умея пользоваться инструментами, не зная технологии, не владея приемами и способами работы. Не является исключением и самопознание. Задача кафедры психологии профессионального развития и лаборатории практической психологии – вооружить студента всеми этими средствами, знаниями, приемами; обеспечить ему условия для максимальной самореализации.

Средствами самопознания, в первую очередь, являются все виды деятельности студентов. Именно в деятельности человек познает себя, открывает в себе новые

качества и способности. Через деятельность человек познает окружающий его мир, учится существовать в этом мире. Активная деятельность на высоком уровне сложности, стимулированная необходимостью, есть акт самопознания и познания мира.

Поведение студента в экстремальных ситуациях, требующих необычайной концентрации сил (зачет, экзамен, олимпиада, конкурс), является наиболее мощным средством самопознания.

Другим основным средством самопознания является общение. Критерием и мерой самопознания в общении является другой человек, партнер по общению. Контакты и конфликты, взаимозависимость и взаимосвязь вынуждают молодого человека познавать не только окружающих его людей, но и самого себя через это окружение.

Специфическими средствами самопознания являются всевозможные диагностики, а также методы самоанализа, самонаблюдения, рефлексии. Понимая, что ни одно из этих средств не является универсальным и ни одно из них не в состоянии дать идеально точную характеристику познаваемой личности, что возможны ошибки, которые могут привести к негативной самооценке, к разочарованию, депрессии, озлоблению, мы прилагаем все усилия для реализации функции педагогической защиты. Одним из важнейших условий защищенности является умение молодого человека правильно использовать "инструменты" самопознания. Это особые способности и навыки, такие как аналитические способности, умение прогнозировать и ставить цель, оценочные и рефлексивные способности, коммуникативные навыки и т. п.

Прежде всего, любое из перечисленных выше средств самопознания – деятельность, общение и др. – одновременно являются и условиями его эффективности. Чем шире сферы деятельности и общения молодого человека, тем больше объективной информации о себе он сможет получить.

Одновременно самопознание невозможно без самостоятельности и ответственности за собственные действия, за сделанный выбор. Психолого–педагогическое обеспечение самопознания студентов может осуществляться в любых видах деятельности, в том числе и в специально организованных групповых и индивидуальных занятиях, в тренинговых формах, во внеаудиторных занятиях.

Нами определены несколько основных принципов психолого–педагогической помощи и поддержки студентов в организации процесса самопознания:

- ◆ строгая индивидуализация подхода;
- ◆ учет психологических особенностей человека;
- ◆ учет позиций человека в межличностных отно–

шениях и социального окружения;

- ◆ учет психологической и психофизиологической совместимости при организации групповых занятий;

- ◆ соблюдение тактики взаимного уважения и доверия, понимания и взаимоподдержки.

Организация процесса самопознания студентов невозможна без определенного уровня откровенности, открытости. Студент должен быть уверен, что его откровенность не будет обращена против него. Педагогическое вмешательство в процесс развития личности призвано защищать от тревоги, а не провоцировать возникновение неуверенности в себе.

Психозмоциональное состояние учащихся на всех стадиях образовательного процесса заслуживает особого внимания. Но период, связанный с переходом с одной ступени на другую, является наиболее важным и ответственным в индивидуальном развитии учащихся. Переход из общеобразовательной школы в высшее учебное заведение – одна из критических фаз в юношеском возрасте.

Общее внутреннее эмоциональное состояние учащегося во многом определяется системой отношений с преподавателями, сверстниками, родителями. Поэтому возникла необходимость изучения уровня и характера тревожности, связанной с обучением. С этой целью было проведено психологическое исследование в пяти группах первого курса и пяти группах второго курса педагогических специальностей (всего 243 студента).

Для исследования использовался тест Филипса, выявляющий общую тревожность учащегося и различные факторы тревожности, такие, как:

- 1) общая тревожность в вузе;
- 2) переживания социального стресса;
- 3) фрустрация потребности в достижении успеха;
- 4) страх самовыражения;
- 5) страх ситуации проверки знаний;
- 6) страх не соответствовать ожиданиям окружающих;
- 7) низкая физиологическая сопротивляемость стрессу;
- 8) проблемы и страхи в отношениях с преподавателями.

Студентам была предложена анкета из 58 вопросов о том, как они чувствуют себя в вузе. В результате изучения уровня и характера тревожности были отмечены следующие тенденции.

Таблица 1

Курсы	Факторы							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1 курс	48	24	15	76	81	49	20	46
2 курс	32	19	-	66	65	19	7	44

Количество студентов, имеющих повышенную и высокую тревожность по всем факторам, на первом курсе (в переходный период) является большим, чем на втором курсе (таблица 1), что свидетельствует об эффективности реализуемой нами программы психологической помощи и поддержки.

Но неизменно остается высоким процент студентов, испытывающих негативные эмоциональные переживания в ситуациях проверки знаний, в общении с преподавателями и в ситуациях самопереживания и самораскрытия.

Одновременно с обследованием студентов проводилось анкетирование родителей первокурсников. 54% родителей отмечают, что у студентов бывают слезы из-за неудач, переживаний, связанных с вузом. 48% говорят о страхе первокурсников перед педагогами. 73% родителей утвердительно отвечают на вопросы: "Сравниваете ли Вы своего ребенка с собой и другими детьми публично?", "Делитесь ли Вы своими переживаниями по поводу учебы своих детей с сотрудниками, родственниками?" и т.д.

При индивидуальном собеседовании с родителями выяснилось, что в большинстве случаев родители как бы "рады" высокой тревожности своих детей, относя ее на счет высокой ответственности. Все вышеперечисленное свидетельствует о необходимости обеспечения психолого-педагогической помощи и поддержки студентов (особенно первокурсников), которая может быть обеспечена совместными усилиями педагогов, родителей, психологической службой вуза. Данные результаты свидетельствуют о необходимости создания профилактической программы для укрепления психического здоровья студентов и просветительской работы для преподавателей и родителей первокурсников в целях формирования благоприятной атмосферы образовательного пространства.

Чтобы выявить общие тенденции во взглядах педагогов на профессиональное и личностное совершенствование, нами было проведено анкетирование 107 преподавателей высших учебных заведений г. Нижнего Новгорода. Анализ результатов анкетирования показал, что наиболее значимыми личностными качествами назывались целеустремленность, трудолюбие, скромность, так-

тичность, принципиальность и т.д. Поэтому идейная и морально-нравственная окраска профессии преобладает в представлениях преподавателей высшей школы. К числу наиболее ценных профессионально-личностных качеств они относят справедливость (32,5 %), честность (20,8 %), порядочность (14,3 %), трудолюбие (13 %), требовательность (13 %).

Приоритетными в перечне выделенных преподавателями качеств оказались такие, как доброта (67,5 %) и любовь к учащимся (42,9 %), но меньшее количество преподавателей (соответственно 51,9 и 29,9 %) назвали их помогающими в работе со студентами.

В перечне качеств преподавателями выделяется еще один приоритет – это профессионализм (40,3 %). В содержании профессионализма преподаватели включают образованность, высокий уровень знаний по предмету, методическую грамотность. Сведение профессионализма к преподаванию предмета – одна из проблем структурирования сознания преподавателей высшей школы. Преподаватели в основном называют морально-нравственные, социально одобряемые характеристики профессионализма. Каждая из них изначально предполагает оценочную позицию обладателя этого качества по отношению к другому человеку. Поскольку в них господствует "положительность", они приближены, скорее, к некоему идеалу, а не к реальному человеку.

Педагогическая деятельность по обеспечению помощи и поддержки студентов в личностном и профессиональном развитии в условиях гуманизации образования предполагает доминирование социально-психологических характеристик и личностных качеств преподавателя, которые способствуют межличностному взаимодействию, стимулируют состояние эмоционального комфорта во время контактов между людьми, помогают достигать сотрудничества и взаимопонимания, содействуют интеллектуальной активности и творчеству. По сути, эти качества нейтральны, поскольку исключают оценочность в отношениях между людьми. Они предполагают принятие любого человека в его многообразии, учет его способностей, выбор адекватных конкретной ситуации способов взаимодействия.

Вместе с тем, в профессионально значимых личностных качествах, предлагаемых самими преподавателями, социально-психологические характеристики упоминаются крайне редко и очень ограниченным количеством педагогов. В нашем анкетировании были названы общительность, коммуникабельность (18,2 %), взаимопонимание (10,4 %), отзывчивость, чуткость как эмпатические проявления (соответственно 10,4 и 9,1 %), гибкость мышления (2,6 %) и эмоциональность (1,3 %).

В ответе на вопрос: "Какие личностные качества вам хотелось бы развивать в большей степени?" – упоминаются социально-психологические характеристики также

были малочисленны: общительность (11,7 %), гибкость (6,5 %), взаимопонимание (2,6 %), эмоциональность (1,3 %). Чаще всего высказывались желания развивать в себе настойчивость и требовательность (16,9 %), решительность и уверенность (18,2 %), строгость (6,5 %). В целом 49 % педагогов хотят видеть себя более жесткими и отдают предпочтение императивному процессу обучения. Желание быть тверже, видимо, проявляется как отголосок имеющихся профессиональных трудностей, неудач, проблем и характеризуется неадекватным способом их решения. А вот стремление развивать в себе терпимость, сдержанность, тактичность, внимательность отметили лишь 14,3 % анкетированных преподавателей.

Проведенный нами анализ поведения студентов на занятиях педагогов, которые обладают способностью к стимулированию осмысленного учения и обеспечивают психолого-педагогическую помощь и поддержку, показал, что учащиеся больше говорят с преподавателем и между собой, менее тревожны, более инициативны в речевом общении, задают больше вопросов, больше времени заняты решением учебных задач, чаще смотрят в глаза преподавателю. Студенты реже пропускают занятия, обладают более высокой самооценкой, демонстрируют более высокие академические достижения, создают меньше проблем для преподавателя на занятиях.

Учение, по К. Роджерсу, это не усвоение знаний, а изменение внутреннего чувственно-когнитивного опыта ученика, связанного со всей его личностью. Формальное обучение, не затрагивающее личность ученика, неэффективно, оно должно быть заменено значимым учением.

Учение, значимое для ученика, может иметь место в том случае, если учитель принимает учащегося таким, каков он есть, и способен понять его чувства. Условия для появления значимого знания создаст педагог, способный тепло принимать учащегося, безусловно положительно относиться к нему и эмпатически понимать его чувства страха, предчувствия и обескураженности, сопутствующие восприятию нового материала.

По нашему мнению, педагог, осуществляющий деятельность в условиях гуманизации образования, должен обладать следующими компетенциями:

- ◆ способностью и готовностью входить во внутренний мир учащегося, относиться к этому миру без предвзятых оценок;
- ◆ способностью и готовностью позволить самому себе быть личностью и строить открытые, эмоционально насыщенные отношения, в которых все участники учатся;
- ◆ способностью и готовностью помочь учащимся сохранить живой интерес, любопытство по отношению к самим себе, к миру, который их окружает;

◆ способностью и готовностью принимать и поддерживать нарождающиеся и в первый момент несовершенные идеи и творческие задумки учеников.

Вышеперечисленные компетенции современного педагога способствуют подлинному усвоению нового, помогают учащимся реализовывать потенциал своих индивидуальных возможностей, обеспечивают психологическую помощь и поддержку в личностном и профессиональном развитии [3, с. 21].

По итогам двух лет работы и на основе анализа деятельности преподавателей мы пришли к выводу, что чем выше их способность к фасилитации учения, тем более индивидуализированным и дифференцированным является их подход к учащимся. Они больше внимания уделяют переживаниям учащихся, чаще вступают с ними в диалоги, чаще сотрудничают с ними при планировании учебного процесса, чаще используют их мысли в своей работе, чаще улыбаются на занятиях.

Особенно актуальной является проблема повышения психолого-педагогической компетентности педагогов, основной задачей которой является стимулирование познавательных потребностей учащихся, умение включить их в самостоятельную учебную деятельность и одновременно формировать потребность в саморазвитии. Индивидуализация – есть деятельность взрослого (педагога) и самого учащегося по поддержке и развитию того единичного, особого, своеобразного, что заложено в данном индивидуальном опыте.

Индивидуализация предполагает, во-первых, индивидуально ориентированную помощь учащимся в реализации первичных базовых потребностей [4, с. 28], без чего невозможно ощущение природной "самости" и человеческого достоинства; во-вторых, создание условий для максимально свободной реализации заданных природой (наследственных) физических, интеллектуальных, эмоциональных способностей и возможностей, характерных именно для данного индивида. В-третьих, стержневой чертой индивидуализации является помощь человеку в автономном духовном самостроительстве, в творческом самовоплощении ("неадаптивной активности" по В. Петровскому), в развитии способности к жизненному самоопределению (экзистенциальному выбору) [2, с. 31].

Индивидуализация образования интегрирует в себе два процесса: обеспечение защиты учащегося от подавления, угнетения, оскорбления достоинства, в том числе и защиту от собственных комплексов; и воспитание, означающее создание максимально благоприятных условий для творческой самореализации [4, с. 46].

Педагогическая деятельность представляет собой воспитывающее и обучающее воздействие учителя на ученика, направленное на его личностное, интеллекту-

альное и деятельностное развитие, одновременно выступающее как основа его саморазвития и самосовершенствования. Специфической характеристикой педагогической деятельности является ее продуктивность. Под высокопродуктивным уровнем понимается владение педагогом стратегиями превращения своего предмета в средство формирования личности учащегося, его потребностей в самовоспитании, самообразовании, саморазвитии [4, с. 41].

Мотивационно-потребностная сфера деятельности педагога может быть проинтерпретирована в терминах его центрации, по А.Б. Орлову. Центрация понимается в гуманистической психологии как "особым образом построенное простое взаимодействие учителя и учащихся, основанное на эмпатии, безоценочном принятии другого человека и конгруэнтности переживаний и поведения. Центрация трактуется одновременно и как результат личностного роста учителя и учащихся, развития их общения, творчества, субъективного (личностного) роста в целом" [1, с. 142].

Предлагаемая нами программа психолого-педагогической помощи и поддержки студентов в личностном и профессиональном развитии направлена на постепенное культивирование у преподавателей потребности в дальнейшем познании и развитии профессионально значимых личностных качеств, ориентирует педагогов на саморазвитие, содействует осознанию профессионально-личностных проблем. Преподавателю предоставляется право выбора своего пути повышения психолого-педагогической компетентности.

Принцип добровольно-обязательного участия преподавателей в повышении психолого-педагогической компетентности неразрывно связан с индивидуально-групповым характером программы. Система деятельности лаборатории научно-практической психологии (психологической службы вуза) предусматривает варианты групповой и индивидуальной работы с преподавателями.

Теоретические положения и принципы, ставшие основой содержательных и организационно-методических характеристик программы, гарантируют ее научность и компетентность, а также служат условиями ее успешности и эффективности.

Проведенная экспериментальная работа позволяет нам сформулировать вывод о целесообразности этапной реализации программы развития психолого-педагогической компетентности.

1. Диагностический этап, на котором с помощью тестов выявляется уровень компетентности и степень выраженности профессионально значимых личностных качеств для каждого преподавателя.

2. Этап дифференцированно-группового образования

(повышение психолого–педагогической грамотности), на котором начинает работать диагностический практикум и психолого–педагогический семинар.

3. Этап индивидуального образования и саморазвития (параллелен предыдущему) включает в себя консультации с психологом, самостоятельную работу преподавателей с рекомендованной литературой и частично занятия диагностического практикума.

4. Этап работы в тренинговой группе, на котором развиваются навыки общения и взаимодействия.

5. Этап условного подведения итогов и заключительной (относительно) диагностики. Он включает в себя повторное использование тестов, что позволяет выявить динамику развития профессиональных личностных качеств, повышение психолого–педагогической грамотности и личностный рост.

Следует отметить, что диагностика личностных качеств, предлагаемая как преподавателям, так и студентам, служит не целью, а средством, с помощью которого

привлекается внимание преподавателя и студента к нему, его профессиональным и личностным проблемам. Задача программы заключается в том, чтобы преподаватели и студенты получили действенную информацию, на основе которой сами смогли бы скорректировать при необходимости свою деятельность и взаимодействие с окружающими.

Чтобы современный студент мог развиваться в соответствии с присущей ему внутренней природой, он должен ощущать уверенность, психологическую устойчивость, выражением которой становится оптимистическое состояние. То есть если студент не обладает верой в успех собственного движения, реакции его обусловлены страхом унижения или потери любви других людей, это означает, что молодой человек (учащийся) действует в силу неудовлетворенной потребности в безопасности. Развитие личности останавливается. Поэтому от педагогов сегодня требуется организация помощи и поддержки, которая, помогая студенту в удовлетворении потребности в безопасности, одновременно учила бы его овладению собственными способами достижения внутренней уверенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М., 2002. – 272 с.
2. Петровский А.В. Развитие личности и проблема ведущей деятельности //Вопросы психологии. 1987. № 1.
3. Татарникова Н.С. Совершенствование деятельности педагога в гуманистической парадигме образования: Монография. – Н.Новгород: ВГИПА, 2005. 117 с.
4. Татарникова Н.С. Основные пути индивидуализации высшего профессионального образования: Монография. – Н.Новгород: ВГИПУ, 2009. – 142с

© Н.С. Татарникова, (nctnc@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

АКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

ACTIVE METHODS OF TRAINING AS MEANS OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE CULTURE OF PUPILS IN THE CONDITIONS OF A HUMANIZATION OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT

N. Tatarnikova, I. Elkina

Article is devoted an actual problem of development of communicative culture of the future teachers in the conditions of a humanization of educational environment. In work psychological conditions of development of communicative culture of pupils are described. The active methods necessary at realization of the program of development of communicative culture of the future teachers are described.

Keywords: Communicative culture, humanization, reflection, self-acceptance, social intelligence, emotional flexibility, active methods of training.

Татарникова Нина Серафимовна
кандидат педагогических наук, доцент
Елькина Ирина Юрьевна
Аспирант,
ГОУ ВПО Волжский государственный
инженерно-педагогический университет,
г. Нижний Новгород

Аннотация:

Статья посвящена актуальной проблеме развития коммуникативной культуры будущих педагогов в условиях гуманизации образовательного пространства. В работе описаны психологические условия развития коммуникативной культуры учащихся. Описаны активные методы, необходимые при реализации программы развития коммуникативной культуры будущих педагогов.

Ключевые слова:

коммуникативная культура, гуманизация, рефлексия, самопринятие, социальный интеллект, эмоциональная гибкость, активные методы обучения.

В современных научных работах, посвященных проблеме общения педагога и учащегося, все чаще звучат идеи перестройки традиционной практики обучения и воспитания в рамках человекоцентрированного подхода. Приоритет гуманистических ценностей, признание самоценности студентов способствуют установлению гуманистических отношений, взаимопониманию, сотрудничеству и сотворчеству педагога и учащихся.

Реализация человекоцентрированного подхода в обучении, по мнению А.Б. Орлова, предполагает создание педагогом психологического климата доверия в группе учащихся, обеспечение сотрудничества в принятии решений между всеми участниками учебно-воспитательного процесса, актуализация мотивационных ресурсов учения. К. Роджерс и А.Б. Орлов отмечают важную роль эмпатического понимания учащихся педагогом, открытости педагога своим собственным мыслям и переживаниям, способности открыто выражать и транслировать их в межличностном общении с учащимися, принятия учащихся, внутренней уверенности в их возможностях и способностях.

Перечисленные особенности взаимодействия педагога и учащихся являются, на наш взгляд, компонентами коммуникативной культуры педагога. Коммуникативная культура рассматривается нами как способ организации взаимодействия с учащимися, основанный на гуманистических принципах, творческой направленности, высокой культуре эмоциональных проявлений и обусловленный высоким уровнем развития необходимых психологических характеристик педагога. Среди таковых мы выделили эмпатию, рефлексивность, направленность на вза-

имодействие, эмоциональную гибкость, социальный интеллект и самопринятие педагога.

Педагогическая эмпатия является профессионально значимым свойством личности педагога, обеспечивающим успешность межличностного взаимодействия. Эмпатия проявляется и формируется в ситуациях диалогического общения и взаимодействия, в совместной творческой деятельности педагога и учащихся. Основной функцией педагогической эмпатии является оказание такой помощи учащемуся в решении его проблемы, которая способствует развитию его личности. Главным в этом качестве является готовность, желание и способность глубоко психологически проникать во внутренний мир другого человека – учащегося, понимать его, видеть происходящее с его собственных позиций, воспринимать мир его глазами [3].

Педагогическая рефлексия дает возможность педагогу посмотреть на свой труд с позиции другого человека, выработать соответствующее отношение к своей профессии. Она определяет отношение педагога к себе как к субъекту профессиональной деятельности. Адекватность рефлексии педагога влияет на регуляцию взаимоотношений с учащимися и стиль педагогической деятельности. Рефлексивный характер педагогической деятельности заключается в том, что, управляя деятельностью учащихся, педагог смотрит на себя и свои действия (и оценивает их) как бы глазами студентов. При таком рефлексивном управлении у педагога формируется умение становиться на точку зрения учащегося, представлять его внутренний мир, установки, отношение не только к дисциплине, но и к личности самого педагога [4].

Направленность педагога на взаимодействие предполагает наличие эмоционально-ценностного отношения к педагогической деятельности и общению. Направленность на взаимодействие обеспечивает устойчивый интерес к общению с учащимися, получение удовольствия от совместной с ними работы, доброжелательность по отношению к каждому из них.

Эмоциональная гибкость педагога определяется как оптимальное (гармоничное) сочетание эмоциональной экспрессивности и эмоциональной устойчивости [5, С.17]. Эмоциональная гибкость является интегральной характеристикой личности педагога, представляющей такое сочетание личностных качеств, которое способствует позитивному эмоциональному состоянию учащихся [1]. Л. М. Митина подчеркивает, что педагогу, постоянно сотрудничающему с детьми в педагогическом процессе, необходима эмоциональная чуткость, отзывчивость, подвижность, артистизм, что эмоционально богатый педагог, владеющий приемами вербального и невербального проявления чувств и целенаправленно их применяющий в общении с учащимися, оживляет занятие, делает его эмоциональным, экспрессивным и более соответствующим естественному общению. Учебный предмет, как следствие, становится интересным, повышается эффективность обучения, улучшаются взаимоотношения учителя с учениками [5, С. 48, 51].

В.Н.Куницына определяет социальный интеллект как глобальную способность, возникающую на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих черт, включая уровень энергетической обеспеченности процессов саморегуляции, которые обуславливают готовность к социальному взаимодействию, принятию решений; интерпретацию информации и поведения, прогнозирование развития межличностных ситуаций, способность, в конечном итоге, достигать гармонии с собой и окружающей средой. А.В. Берклунд уточнил, что развитие социального интеллекта способствует становлению умений вступать в отношения сотрудничества с собеседником, устанавливать контакт, понимать суть проблем собеседника, снижать эмоциональное напряжение, находить пути решения проблем и др.

Принятие себя означает признание себя и безусловную любовь к себе такому, каков я есть, отношение к себе как к личности, достойной уважения, способной к самостоятельному выбору, веру в себя и свои возможности, доверие собственной природе, организму [2]. Учение, значимое для ученика, может иметь место в том случае, если учитель принимает учащегося таким, каков он есть, и способен понять его чувства. Условия для появления значимого знания создаст учитель, способный тепло принимать учащегося, безусловно, положительно относиться к нему и эмпатически понимать его чувства страха, предчувствия и обескураженности, сопутствующие восприятию нового материала. Позитивное самопринятие в значительной мере детерминирует диалогический стиль общения [3]. Ведь диалог, по мнению А. У. Хараш, возможен при наличии эмоциональной открытости и доверия к другому человеку, признании активности ученика

в учебно-воспитательном процессе, принятии его как ценности в свой внутренний объективный мир.

В современном образовательном пространстве педагог выступает как фасилитатор учения, т.е. как человек, создающий благоприятные условия для самостоятельного и осмысленного учения, активизирующий и стимулирующий любознательность и познавательные мотивы учащихся, их групповую учебную работу, предоставляющий учащимся разнообразный учебный материал.

Нами разработана программа развития коммуникативной культуры будущих педагогов, направленная на совершенствование перечисленных психологических особенностей педагога. Высокий уровень эмпатии, рефлексии, самопринятия, направленности на взаимодействие и социального интеллекта является основой развития коммуникативной культуры учащихся, которая, в свою очередь, способствует максимально возможному раскрытию потенциала учащихся, разностороннему, гармоничному развитию их личности и повышению эффективности учебной деятельности в целом.

Использование активных методов, а также внедрение тренинговых программ, направленных на повышение уровня эмпатии, рефлексии, социального интеллекта, направленности на взаимодействие и самопринятие на стадии обучения в вузе будет способствовать повышению уровня коммуникативной культуры будущих педагогов. Среди активных методов, способствующих развитию коммуникативной культуры учащихся, мы выделили проблемные лекции, учебные дискуссии и анализ педагогических ситуаций.

Под активными методами обучения мы понимаем способы активизации учебно-познавательной деятельности студентов, которые побуждают их к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения материалом, когда активен не только преподаватель, но активны и студенты. Суть активных методов обучения состоит в том, чтобы стимулировать осознание учащимися обсуждаемых явлений посредством коллективной мыслительной деятельности, а также обеспечить выполнение студентами тех задач, в процессе решения которых они самостоятельно овладевают умениями и навыками.

Важное место в нашей программе отводится учебным дискуссиям, которые способствуют оживлению учебного процесса, активизации познавательной деятельности учащихся, позволяют педагогу управлять коллективным мнением группы, использовать его в целях убеждения, преодоления нежелательных установок и ошибочных мнений некоторых студентов. Общение в ходе дискуссии побуждает учеников искать различные способы для выражения своей мысли, повышает восприимчивость к новым сведениям, новой точке зрения; эти личностно развивающие результаты дискуссии напрямую реализуются на обсуждаемом в группах учебном материале. Сущностной чертой учебной дискуссии является диалогическая позиция педагога, которая реализуется в предпринимаемых им специальных организационных усилиях, задает тон обсуждению, соблюдению его правил всеми участни-

ками.

Целью решения педагогических ситуаций является совместный анализ и обсуждение учащимися представленных педагогом ситуаций, характерных для педагогической деятельности. Анализ педагогических ситуаций предполагает участие всех студентов в обсуждении, выявление причин, вызывающих затруднение в процессе взаимодействия, совместный поиск оптимальных путей решения поставленной задачи. Преподаватель заостряет внимание на предлагаемых студентами вариантах решения, направляет обсуждение в нужное русло. Затем, опираясь на правильные высказывания и анализируя неправильные, ненавязчиво, но убедительно подводит студентов к коллективному выводу или обобщению. Кроме обучающей роли, анализ педагогической ситуации способствует активизации внимания и интереса со стороны учащихся.

Под тренингом мы понимаем совокупность активных методов практической психологии, которые используются для работы с психически здоровыми людьми в целях оказания им помощи в саморазвитии. Мы рассматриваем тренинг как средство воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения, как средство развития компетентности в общении, как многофункциональный метод преднамеренных изменений феноменов человека или группы с целью гармонизации профессионального и личностного бытия человека.

Для того, чтобы тренинг способствовал развитию коммуникативной культуры будущих педагогов, мы определили его задачи:

- ◆ развитие навыков эмпатийного слушания, поддержки партнера по общению, чувствительности к его состоянию;
- ◆ развитие навыков анализа себя, своих действий, причин барьеров в общении;
- ◆ снятие эмоциональных и поведенческих зажимов, развитие открытости и искренности в проявлении эмоций;
- ◆ развитие эмоциональной устойчивости и экспрессивности;
- ◆ развитие навыков понимания причин того или иного поведения партнера по общению, прогнозирования процесса взаимодействия и его результата;

- ◆ развитие безусловного самопринятия, принятия других, ценностного отношения к партнеру по общению и т.д.

Работа в тренинговой группе позволяет участникам не только развить необходимые психологические особенности, но и овладеть ценными коммуникативными умениями и навыками; приобрести опыт анализа своих и групповых межличностных взаимоотношений, их динамики и причинно-следственных связей; расширить диапазон эмоциональных и поведенческих проявлений; развить компетентность в общении.

Кроме того, групповая работа имеет ряд преимуществ перед индивидуальной:

1. Групповой опыт противодействует отчуждению, помогает решению межличностных проблем.
2. Группа отражает общество в миниатюре, делает очевидными такие скрытые факторы, как давление партнеров, социальное влияние и конформизм.
3. Существует возможность получения обратной связи и поддержки от людей со сходными проблемами.
4. В группе человек может обучаться новым умениям, экспериментировать с различными стилями отношений среди равных партнеров.
5. В группе участники могут идентифицировать себя с другими, "сыграть" роль другого человека для лучшего понимания его и себя и для знакомства с новыми эффективными способами поведения.
6. Взаимодействие в группе создает напряжение, которое помогает прояснить психологические проблемы каждого.
7. Группа облегчает процессы самораскрытия, самоисследования и самопознания [6].

На послевузовском этапе существует ряд трудностей, которые в процессе педагогической деятельности выливаются в противоречие между объективной в условиях гуманизации образования личностно-развивающей функцией учителя и его реальными возможностями, отражающимися в уровне культурного, профессионального и личностного развития. Коммуникативная культура большинства педагогов в настоящее время не соответствует требованиям современного образования, поэтому создание условий для личностного и культурного развития будущих педагогов является одной из основных задач образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М., 2002. – 272 с.
2. Петровский А.В. Развитие личности и проблема ведущей деятельности //Вопросы психологии. 1987. № 1.
3. Татарникова Н.С. Совершенствование деятельности педагога в гуманистической парадигме образования: Монография. – Н.Новгород: ВГИПА, 2005. 117 с.
4. Татарникова Н.С. Основные пути индивидуализации высшего профессионального образования: Монография. – Н.Новгород: ВГИПУ, 2009. – 142с

Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh-journal.ru).